

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

Д. В. Попов

**БИОВЛАСТЬ И ЖИЗНЬ:
ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ, ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ
БИОПОЛИТИКИ**

Монография

Омск
ОмА МВД России
2021

УДК 17(02)
ББК 87.61
П58

Рецензенты:

доктор философских наук *П. В. Векленко*
(Северо-Западный филиал Российского государственного университета
правосудия, г. Санкт-Петербург);
доктор философских наук, доцент *А. В. Ярков*
(Институт философии и права Уральского отделения
Российской академии наук, г. Екатеринбург)

Попов, Д. В.
П58 Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики : монография. — Омск : Омская академия МВД России, 2021. — 144 с.

ISBN 978-5-88651-773-6

В монографии исследуются биополитика как властная форма организации жизни, ее основные параметры, инструменты, стратегии и перспективы развития в современном мире. Определяется специфика биополитики как способа организации жизнедеятельности населения в ряду форм отношения к жизни, характерных для человека. Различаются и анализируются основные биополитические стратегии: конфирмантропная и негантропная биополитика, некрополитика и танатополитика. Определяются антропологические основания биополитики, специфика манифестации антропологом в эксплицированных биополитических стратегиях. Рассматривается технобиовласть как современная форма биополитики.

Издание адресовано философам, политологам, социологам и всем интересующимся проблемами развития современного общества.

УДК 17(02)
ББК 87.61

ISBN 978-5-88651-773-6

© Омская академия МВД России, 2021

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь — благо, до поры воспринимаемое человеком как данность. Ребенок в благополучной семье, составляющей ячейку благополучного общества, сам изучает жизнь и вокруг себя видит жизнь, бьющую ключом. Плерома (полнота) жизни формирует горизонт «жизненного мира» (Э. Гуссерль) человека, если он растет «онтологически защищенным» (Р. Лэйнг). Однако со временем полнота бытия диссоциируется, дополняясь травматическим опытом сцен боли, страдания, смерти, голода, насилия, войны — всевозможными измерениями нехватки полноты жизни в рамках как чужого, так и собственного бытия. Кенома (пустота) Космоса, объемлющая локальную и весьма компактную плерому жизни в пределах весьма скромной Земли, убедительно свидетельствует о том, что жизнь, если и данность, то удивительная, заслуживающая отношения трепетного и внимательного.

Всякий взрослеющий человек воздает жизни должное, воспринимая ее как ценный хрупкий дар. Старея, — а это, памятуя о том, что первый шаг младенца есть первый шаг к его смерти (К. Прутков), имплицитно — процесс, соразмерный жизни, — человек уделяет все большее внимание своей собственной жизни, проявляя заботу о ней. Рациональное использование возможностей и ресурсов, осознанный выбор и предпочтения — инструментарий управления жизнью зрелого человека. Кто-то и вовсе желал бы взять этот процесс под полный контроль. Теоретики иммортализма (например, Р. Курцвейл) наяву реализуют план реконкисты жизни у смерти, полагая достигнуть времени технологического триумфа над небытием. Биохакеры экспериментируют над собой, воздействуя на жизненные процессы в организме. Все мы, будучи в здравом уме, здоровом теле и благополучном окружении, стремимся продлить свою жизнь, инвестируя в этот важнейший ресурс.

Ценность жизни, безусловно, различным образом понимаемая во многих социокультурных традициях (Ф. Арьес, Г. Ч. Синченко), была осознана как ресурс в обществах, достаточно дифференцированных для

того, чтобы иметь власть как особый центр управления социальными процессами. Спорадическое обращение к жизни как таковой стало системным, породив биовласть, целенаправленно обращенную к населению во всей полноте его жизненных проявлений.

Жизнь в биополитике — в первую очередь, биологическая жизнь человека. Духовная жизнь, социальная и политическая жизнь рассматриваются как производные от биологической жизни, как надстройка над биологической жизнью. Биологическая жизнь мыслится как резервуар энергии для социального конструирования в нужном направлении. В поле внимания биовласти попадает жизнь индивидуума и населения. Первая медикализуется, нормализуется, дисциплинируется. Вторая регулируется. Биовласть рассматривает биологическую жизнь как ценность, ресурс, самоцель. Биологическая жизнь понимается как телесная и психическая, как то, на что можно повлиять медицинскими средствами, включая психологию и психиатрию, а также средствами экономического, политического и даже культурного стимулирования. Биовласть вмешивается в регулирование семейных, сексуальных, трудовых отношений, регулирует досуг и развлечения, устанавливает критерии отбора в образовательные учреждения, армию, на государственную службу и т. д. Биовласть инвестирует в здоровье, поощряет нормальное, продуктивное, выгодное биовласти поведение, может прямо влиять на рождение (женские консультации, перинатальные центры, ЭКО, генетическое редактирование и т. д.), смерть (аборт, стерилизация, эвтаназия в различных вариациях и т. д.), продолжительность и иные ключевые параметры биологической жизни.

В определенном смысле биовласть выстраивает модель человека, искусственно расщепляя человека на духовные, рациональные компоненты, с одной стороны, и биологическую жизнь, с другой. «Голая жизнь» (Дж. Агамбен) — редукция человека к исключительно биологическому существованию — не предшествующее известному нам бытию человека и не встречающееся вне экстремальных ситуаций состояние жизни человека. Однако биовласть абстрагируется от целостности человека и рассматривает «голую жизнь» как объект изучения, воздействия, управления. Возникающая знание–власть (М. Фуко) одновременно познает жизнь и управляет ею.

Управление жизнью приводит к искушению тотального контроля над ней. Биовласть, переродившаяся в негантиропную биовласть либо некровласть, знает, умеет и практикует способы низведения человека до состояния «голой жизни» либо (что продуктивнее) до пограничного с крайним

состояния в целях необходимого для реализации собственных программ воздействия на человека, используя возможности манипуляции человеком, испытывающим дискомфорт и страх за собственную жизнь. Напротив, биовласть в благополучном обществе, реализуя конфирмантропную биополитику, использует мотивацию человека, заботящегося о собственной жизни и воспринимающего собственную биологическую жизнь как безусловную ценность. В обществе потребления забота о жизни — драйвер экономического развития, стимул для социального действия.

Управление жизнью формирует антропологическую модель «человека расщепленного», составляющую основание биополитики. В этой модели целостность личности искусственно разрушена («препарирована»). В человеке находящиеся в единстве биологические и внебиологические (духовные, ментальные, рациональные, как угодно) характеристики рассматриваются порознь. Биологическая жизнь понимается как объект воздействия. Прямое и косвенное воздействие на биологическую жизнь позволяет конструировать личность и общество. Агамбенский *homo sacer* — версия человека, низведенного к «голой жизни». *Homo comes* (человек-попутчик) — версия человека, в котором ценность биологической жизни крайне высока и который готов к конструктивному сотрудничеству с другими людьми во имя совместного комфортного жизнепроектирования.

Биовласть исходит из представления о жизни как способе существования аутопоэтических (самовоспроизводящихся, самопорождаемых — У. Матурано, Ф. Варела) систем. Для биовласти жизнь как индивидуально-личностный, биологический и социокультурный, природно обусловленный и надприродно сконструированный способ существования человека в окружающем мире — не данность, а конструкт, вмонтированный в аутопоэзис социальной системы, имеющей цели, выходящие за рамки индивидуального бытия человека. Биовласть, сосредоточившись на искусстве управления жизнью, что составляет существенную сторону биополитики, формирует субъект-объектное отношение Биовласть–Жизнь, в рамках которого Биовласти отводится активная роль воздействия на Жизнь — этот таинственный источник любых форм индивидуального и коллективного существования людей.

ГЛАВА I. ЖИЗНЬ КАК ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНИЯ

§ 1. От биохрисиис к биоургии: по пути контроля над жизнью

История человечества как развитие форм контроля над жизнью

Человек, как бы банально это ни звучало, существо разумное. Он создает орудия труда (*toolmaking animal* — Б. Франклин) и символы (*animal symbolicum* — Э. Кассирер), является тружеником и демиургом (*animal laborans* и *homo faber*), борется (*homo viator* — Г. Марсель), проигрывает и побеждает. За то, что он бывает слаб духом, его волю считают полубольной (Августин Аврелий), а разум — несовершенным. За то, что он не вполне животное, занимающее свою нишу, адаптированное к ней и нацеленное исключительно на выживание и продолжение рода, человека считают «больным животным» (Ф. Ницше) исключительно благодаря «культурной компенсации» (М. Шелер, Х. Плеснер, А. Гален). Человек — парадоксальное существо. Он не от мира сего, но и не от мира горнего. Он одной ногой на земле, а другой — в ином измерении. У человека две природы, две родины, два начала.

Его разум противоречит самой жизни. «То, что делает человека человеком, есть принцип, противоположный всей жизни вообще <...> Уже греки отстаивали такой принцип и называли его „разумом“»¹. Именно поэтому человек способен восставать против сложившихся обстоятельств вопреки логике выживания. «Человек есть то животное, которое может... относиться принципиально аскетически к своей жизни, вселяющей в него ужас. По сравнению с животным, которое всегда говорит „да“ действительному бытию, даже если пугается и бежит, человек — это „тот, кто может сказать нет“, „аскет жизни“, вечный протестант против всякой действительности»². Тем не менее этот *bestia cupidissima rerum novarum*

¹ Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 53.

² Там же. С. 65.

(лат. — зверь, алчущий нового) привязан к жизни и своему телу, цепляется за жизнь и даже даст сто очков вперед животному в искусстве выживать. «Самое выносливое существо на свете — человек! Чего только ему не приходилось преодолевать: голод, холод, болезни, одиночество!.. Зверь гибнет — человек живет! Особенно русский человек!.. Какие только испытания на прочность не выпадали на долю русского человека! Рабство, нашествия, стихийные бедствия, эпидемии, войны... В руках каких только политических авантюристов не побывал русский человек! Вся история народа российского есть бесконечная борьба за жизнь, за выживание...»³. Итак, человек, будучи живым существом, разумен и телесен, «эксцентричен» своему телу (воспринимает себя как внеположенный телу центр, как наблюдатель со стороны, как полагали Х. Плеснер, М. Шелер и другие исследователи в рамках сложившейся в XX в. школы философской антропологии) и слит с ним — «обладает телом» и «является телом»⁴.

Тело и жизнь связаны между собой. Тело — сосуд жизни, ее оболочка. Тело без жизни — труп, жизнь вне тела — дух, опытное знание о котором либо фиктивно, либо мистифицировано, либо относится к предельным основаниям разумной деятельности человека. Жизнь едина во множестве тел, качество жизни зависит от свойств тела. Исторически тело предстает как тело природное, тело облагороженное и тело искусственное. Тело природное выживает в горниле естественного отбора и полагается на ресурсы, заложенные генетически. Резервуар выживания такого тела — силы, данные от рождения, природно. Тело облагороженное предстает как тело социальное. Уход за таким телом — дело индивидуальное и одновременно общественное. Индивидуальное — как потребность и практика заботы, занимающая важное место как осознанная необходимость аккумуляции витальных сил ради выживания и достижения целей, выходящих за рамки выживания⁵. Общественное — в силу неизбежной вовлеченности в индустрию обслуживания тела, складывающуюся в обществе над-выживания. Таким образом, социум — резервуар продления и качественного наполнения — экстенсификации и интенсификации — жизни тела в обществе ухода за ним. Наконец, тело искусственное, перспектива

³ Жженов Г. С. Саночки. URL: <https://shalamov.ru/context/5/> (дата обращения: 03.03.2021).

⁴ Попова О. В. Тело как территория технологий: от социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования : монография. М., 2020. С. 24–29.

⁵ Попов Д. В. Рождение биополитики: от муштры тела к заботе о жизни // Евразийский юридический журнал. 2020. № 3. С. 423–429. (Здесь и далее в параграфе мною используются идеи, детально рассмотренные в указанной статье).

формирования которого лишь наметилась в современном мире, располагает резервуаром технологии в качестве инструментария собственного апгрейда. Пройдя период примитивного протезирования, человечество вступает в фазу аугментаций, чтобы, возможно, пережив полноту внешних трансформаций, решиться и осуществить радикальное — внутреннее и сущностное — преобразование телесности человека. Тело искусственное конструируется во время повторного, искусственного рождения, обусловленного технологией. Если началом тела естественного была природа, то начало тела искусственного — технология — может стать причиной трансформаций самой природы. Движению от эксплуатации природой данных ресурсов через накопление, усиление и культивирование возможностей тела к сознательному конструированию свойств тела соответствует переход от мускулов через протезы и аугментации к радикальному апгрейду, трансформирующему телесность. В ходе такого преобразования общество традиционное предстает как общество тела природного (естественного), общество современное формирует культуру ухода за телом и становится переходным для общества пост-современного как общества телесного эксперимента. Последний шаг может быть рассмотрен лишь гипотетически, и не исключено, что он невозможен, но усилия в этом направлении предпринимаются.

Телу естественному соответствует режим *биохрисии* (жизнепользования — от гр. βίος — жизнь и χρῆσις — использование). Это стадия безыскусной телесности, несущей в себе все необходимое для своего существования. Биохрисия — этап природного эксперимента над телом. Совершенствование тела осуществляется под руководством «слепого часовщика» (Р. Докинз) природы в ходе мутагенеза и естественного (индивидуального и группового) отбора. Человек не планирует и не руководит модификациями своего тела, но это не означает отсутствие трансформации телесности. Природа — экспериментатор не менее страстный, чем ученый, обладает запасом времени, энергии и материала, для того чтобы добиться результатов, не уступающих достижениям пытливого разума. В режиме биохрисии человек находился настолько долго, насколько обладал разумом инертным, незрелым, ведомым.

Переход от биохрисии к биоанисихии (заботе о жизни, от гр. βίος — жизнь и гр. ἀνησυχία — забота, беспокойство, уход) ознаменовался формированием культуры (материальной и духовной) и впоследствии — появлением науки (прикладной и теоретической). Процесс перехода носил длительный характер и выглядел как медленное изъятие человека из естественной среды обитания и постепенное включение человека в ис-

кусственный мир, созданный творческим мышлением и очумелыми (т. е. очень умелыми) руками. Биохрися и биоанисихия комплементарны друг другу. Человек до сих пор предпочитает жить одновременно в двух мирах — естественном и искусственном. Полного перехода в мир рукотворный нет. Тяга к естественной среде обитания не угасла и у жителя современного мегаполиса. Однако выбравшийся на природу горожанин сильно отличается от древнего охотника-собирателя. Экипировка современного человека свидетельствует о неизгладимой печати второй природы, наложенной на человека. Мы наслаждаемся дикой природой, не будучи дикарями. Покоряя первозданный мир, мы пребываем в зоне комфорта. Редкие случаи внезапного и неподготовленного погружения человека в дикую природу часто ведут к трагическим последствиям. Сам факт преподнесения случаев выживания человека в дикой природе как сенсации свидетельствует о необратимом переходе человека в мир, преодолевший естественность.

Возникновение научной медицины сделало распространенными явлениями вакцинацию, антисептику, анестезию, эффективную хирургию и родовспоможение, фармакологию и терапию. Череда открытий создала набор биотехнологий. Современное положение позволяет говорить о непрерывном движении от биохриси естественного человека через биоанисихию ухоженного человека Модерна к биоургии (жизне-творению, от гр. ἔργον — действие, работа) возможного искусственного постчеловека будущего. Если для биохриси характерен режим эксплуатации жизненных сил организма и муштра тела, то по мере совершенствования биотехнологий человечество вступило в фазу модификации телесности (в диапазоне от ухода, заботы и поддержания до стимулирования, протезирования, «прокачки»), находится на пороге эры аугментаций, а в дальнейшем может прийти и к апгрейду жизни на еще не известных основаниях.

Биохрися — естественная история человеческой телесности

Обратимся к биохриси. Образец жизнепользования — общество охотников и собирателей. Это общество не знало ни науки, ни развитой медицины; обуславливало жизнь человека судьбой, было религиозно, поклонялось духам и полагалось на прирожденные силы организма, усиленные помощью семьи, рода и племени. Следует отметить, что эксплуатация тела носила не экстремальный, а щадящий режим. Например, «мужчины проводили большую часть времени, проводя его в буквальном смысле: оно уходило на отдых и сон»⁶. Охота и собирательство — отли-

⁶ Салинз М. Экономика каменного века. М., 1999. С. 35.

чительные особенности древнего общества — важнейшая сторона уклада жизни, которые, однако, не следует представлять как тяжкую каторжную работу. «Женщина за один день собирает достаточно еды, чтобы кормить свою семью три дня, и остальное время проводит, отдыхая, занимаясь рукоделием, навещая другие стоянки или принимая гостей... Этот ритм размеренного труда и размеренного досуга поддерживается в течение всего года... Нередко мужчина со страстью охотится всю неделю, а потом не ходит на охоту в течение двух или трех недель... В такие периоды хождение в гости и различные развлечения, особенно танцы, являются основными занятиями мужчин»⁷. Труд слабо организован, ситуативен, не ориентирован на необходимость бесконечного накопления запасов впрок, подчинен природной цикличности.

Экономика общества охотников и собирателей опирается на натуральный обмен, ее основу составляет семейная экономика, дополненная реципрокными взаимодействиями с соплеменниками и элементами редиистрибуции. Такую экономику вряд ли можно считать образцом эффективности: случаются и голод, и нужда, но выживание в таких условиях вполне достижимо. Более того, перед нами «общество первоначального изобилия». Его основа — не неограниченное производство благ, а умеренные потребности. Общество жизнепользования находится на уровне выживания — тех самых *The Bare Necessities*, о которых самозабвенно поют Маугли и Балу в классической диснеевской анимации.

Рождение в обществе охотников и собирателей естественное, но ценность жизни младенца не абсолютна. Случается инфантицид — умышленное и сознательное убийство младенцев. Во многих традиционных сообществах детоубийство допускается. Одно из обстоятельств, «связанное с детоубийством, — короткий интервал между родами»⁸. В конце жизни человека может ожидать геронтоцид. «Как изгоняют стариков, ставших обузой?.. Самый пассивный метод — просто пренебрегать стариком, пока он не умрет: не обращать на него внимания, давать ему минимум еды, не искать его, если он уйдет, и в конце концов позволить ему умереть... Следующий способ... бросить старого или больного человека, когда вся группа меняет стоянку»⁹. Таким образом, часто начало и конец жизни человека предопределяются решением соплеменников, в этом отношении мы сталкиваемся как с прообразами

⁷ Там же. С. 38.

⁸ *Даймонд Дж.* Мир позавчера. Чему нас могут научить люди, до сих пор живущие в каменном веке. М., 2016. С. 243.

⁹ Там же. С. 291.

более поздних явлений — аборта и эвтаназии, так и с прототипом биополитического контроля за численностью населения.

Отношение к тому, что мы назвали бы преступлением, носит двойной характер: или примирение, или возмездие — око за око. «Традиционное новогвинейское правосудие осуществляется по принципу „сделай сам“... и реализуется самими противниками и их сторонниками. Процесс компенсации является одним зубцом — мирным — двузубой системы традиционного разрешения конфликта. Другой зубец... заключается в поиске личного воздаяния с помощью насилия, имеющего тенденцию к эскалации: расходящиеся круги ответного возмездия в конце концов приводят к войне»¹⁰.

Войны охотников и собирателей носят характер стычек, не профессиональны, но достигают степени террора, поскольку перманентная вражда делает жизнь негарантированной. Вместе с тем первобытное племя — не сообщество эгоистов, а жизнепользование не обеспечивается исключительно собственными усилиями. В первобытной экономике дара есть место щедрости, помощи и даже кредиту в случае нужды. Брак выстраивается как экономический и юридический договор на основе взаимных даров: «разного рода услуги, оказываемые жене мужем, рассматриваются как зарплата — дар за услугу, оказываемую женой»¹¹. Такой дар обязывает, принять его — означает взять на себя обязательства. Дар и щедрость становятся краеугольным камнем реципрокных связей, закладывая одновременно основы экономических, моральных и правовых отношений. Дар — начало цепочки транзакций: «всякий дар должен возмещаться с избытком». Вещи формируют социальные связи. «Вещи обладают еще чувственной ценностью помимо продажной... Невозмещенный дар также принижает того, кто его принял, особенно если он заведомо принят с умыслом не возмещать... Благодаря переданной вещи... договаривающиеся стороны находятся в постоянной зависимости... принять подарок опасно»¹².

Жизнепользование человека естественного обеспечивает его выживание за счет эксплуатации возможностей тела, по преимуществу, в неэкстремальном, экономном режиме, дополненной широкой сетью сконструированных и сознательно воспроизводимых социальных связей, восполняющих ограниченные возможности индивида. Биохрися

¹⁰ Там же. С. 123.

¹¹ Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 2011. С. 185.

¹² Там же. С. 195, 210, 262.

предстает как устойчивая модель отношения к телу и жизни, долговременно обеспечившая существование человека на Земле. Аграрная революция, развитие ремесла, создание городов, завоевания и расселения существенно изменили образ жизни человека, сохранив режим умеренной эксплуатации тела в условиях отсутствия научных знаний и техноконтехнологических средств воздействия на тело и жизнь. Представляется, что режим биохрисии соответствовал большей части истории человечества, вплоть до появления и стремительного становления современной науки в эпоху Нового Времени, когда биохрисия трансформировалась в биоанисихию. Итак, значительную часть истории человечество эксплуатировала возможности собственной телесности. Процесс перехода к парадигме ухода за телом, отмеченного бережливостью, экономией и заботой, — явление недавнего времени.

Даже чистота тела, как внешний, поверхностный уход, только в XIX в. закреплялась как норма. Например, в Англии, промышленном и деловом лидере XIX в., долгое время бытовало мнение, что принимать ванны вредно для здоровья. Еще «в 1857 году к горячей ванне по-прежнему относились как к чему-то сомнительному и опасному»¹³. Столь незаменимая часть дома — ванная комната — получила распространение лишь в 20-е гг. XX в. «Впервые спальни со смежными ванными комнатами появились в Новом Свете. Начиная с 1920-х в номерах американских гостиниц каждая спальня имела ванную»¹⁴.

Нечистоты непосредственно связаны с болезнями. Загрязненная вода провоцирует заболевание, а после того, как возбудитель холеры достиг Европы и Нового Света из Индии, — смертоносную эпидемию. Однако люди долгое время игнорировали связь между чистотой и болезнью, не обращая внимания на грязь. В Лондоне — европейском центре XIX в. — во избежание повтора эпидемий заболеваний, связанных с загрязненной водой, лишь «к 1875 году новая канализация была построена... Темза избавилась от канализационных стоков, и холера в городе больше не появлялась. Между тем идею, что холера передается через зараженную отходами жизнедеятельности воду, официальная медицина продолжала отвергать»¹⁵.

Способность не замечать грязь, привычка жить естественно, в природном состоянии, показательна в отношении родильной горячки, уносившей множество жизней в уже созданных родильных домах в круп-

¹³ Уорсли Л. Английский дом. Интимная история. М., 2016. С. 148, 166.

¹⁴ Там же. С. 173.

¹⁵ Шах С. Пандемия: Всемирная история смертельных вирусов. М., 2017. С. 121.

ных европейских городах. И. Ф. Земмельвейс — дипломированный врач, выпускник Венского университета, работал в венском родильном доме в 1846–1850 гг. Он обнаружил, что нередко врачи и студенты-практиканты приходят в родильное отделение прямиком из прозекторской, даже не помыв руки. Проведя нехитрый эксперимент, связанный с осуществлением элементарных гигиенических процедур, Земмельвейс радикально снизил смертность рожениц, тем самым совершив эпохальное открытие. «Величие Земмельвейса... незримо присутствует в каждом младенце, в каждой матери, родившей на свет детей в цивилизованном мире»¹⁶. И величие врача, в первую очередь, связано с инвестицией в новую парадигму телесности, медленно теснившую телесность природную — спутницу человека с древности.

Итак, биоанисихия — эпоха естественного жизнепользования — длительный и еще совершенно не забытый этап отношения человека к собственной жизни, постепенно трансформировавшийся в биоанисихию.

Биоанисихия как эпоха социально организованной заботы о жизни

Биоанисихия затронула все стороны жизни человека и развивалась в направлении от ухода к облагораживанию тела. Биоанисихия перестроила жизнь человека. Именно в рамках биоанисихии сформировалась устойчивая прямая и обратная связь между жизнью человека, биологией в широком смысле слова как знаниями о жизни и биотехнологиями как прикладными следствиями этих знаний.

Становление науки и плоды ее воздействия на жизнь обусловили рождение биополитики, которая со временем стала все настойчивее обращаться к доступным биотехнологиям и выступать драйвером по созданию и внедрению новейших средств воздействия на жизнь. В сравнении с гомеостазом естественного человека со средой обитания биоанисихия на зрелой стадии своего развития осуществляет конструирование всех форм социальных отношений, связанных с биологической жизнью человека. Причиной биополитического воздействия на биологическую жизнь человека выступают государственные интересы, явившиеся следствием Вестфальского мира. Могущество, состоятельность, престиж, возможность членства во влиятельных коалициях заставили обратить взоры европейских правителей на собственное население — основной резервуар энергии для амбициозных проектов. Отныне внешняя политика лентой Мёбиуса переходит во внутреннюю. Биополитика, направленная на население, — геополитическая проекция государственных интересов за преде-

¹⁶ Хаггард Г. От знахаря до врача. История науки врачевания. М., 2012. С. 72.

лами собственных границ вовнутрь территории государства. Изменению подверглись брак и секс, труд, рождение и смерть, здоровье и болезнь, война, преступление и наказание. Вторжение биополитики отличалось различной степенью интенсивности. При всем несходстве биополитических проектов общим местом была трансформация жизни. Например, в области брака и секса происходит постепенное частичное замещение диспозитива супружества диспозитивом сексуальности. Супружество — краеугольный камень традиционного общества — подвергается эрозии как следствие целого ряда факторов: изменения образа жизни в обществе рынка и потребления, повышения уровня благосостояния, изменения форм занятости, уменьшения детской смертности, эмансипации женщины и др. — факторов, выступающих следствием реализации иных сторон биополитического управления населением. «Если диспозитив супружества крепко сочленен с экономикой в силу той роли, которую он может играть в передаче или в обращении богатств, то диспозитив сексуальности связан с экономикой через многочисленные и изолированные передаточные звенья, основным из которых, однако, является тело — тело, которое производит и которое потребляет. Словом, диспозитив супружества, безусловно, упорядочен гомеостазисом социального тела... отсюда его привилегированная связь с правом; отсюда также тот факт, что его кульминацией является „воспроизводство“. Право же на существование диспозитива сексуальности состоит не в том, чтобы воспроизводиться, а в том, чтобы размножаться, обновлять, захватывать, изобретать, проникать в тела — все более и более детально, и контролировать население все более и более глобально»¹⁷. Наследование дополняется предпринимательством и привлекательной для тяготеющего к автономии индивида стратегией *self-made-man*, экономика предоставляет досуг и индивидуальные траектории развития в расширяющейся внесемейной среде гражданского мира, биотехнологии и бережливость уменьшают детскую смертность и нужду в большом количестве детей. В итоге «XIX век и наш собственный были, скорее, эпохой умножения: дисперсии сексуальности, усиления ее разнородных форм... Наша эпоха была инициатором сексуальной гетерогенности»¹⁸.

Власть, исторически нуждаясь в первую очередь в воспроизводстве населения, неожиданно обнаружила в сексуальности и иные средства извлечения выгоды. Сексуальность предстала как драйвер экономического

¹⁷ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.; Ка-сталь, 1996. С. 209.

¹⁸ Там же. С. 89.

развития (активное участие женщин в экономике, мотивация мужского населения, массовая культура как индустрия досуга, моды, престижного потребления и т. д.), инструмент влияния и манипуляции. В отношениях власти сексуальность является «элементом, который может быть использован для наибольшего числа маневров, который может служить точкой опоры, шарниром для самых разнообразных стратегий». Как итог, формирование интимного паттерна воздействия биовласти на население, когда «власть... взяв на себя заботу о сексуальности, берет на себя обязательство входить в соприкосновение с телами... Она берет сексуальное тело в охапку»¹⁹. Движение от диспозитива супружества к диспозитиву сексуальности, возможно, лишь эпизод в истории отношений полов. Сегодня распространены стратегии асексуалов, чайлдфри (англ. childfree — свободный от детей), чайлдхейт (англ. childhate — детоненавистники), синглтон (от англ. singleton — одиночка). Этому в том числе способствуют биотехнологии. П. Д. Тищенко отмечает, что последовательное распространение аборта, контрацепции, новых репродуктивных технологий, транссексуальности, появление возможности клонирования и даже создания «искусственной матки» и «пилюли счастья», являющейся психофармакологическим заместителем эмоциональной жизни человека, в конечном итоге способствуют не только вытеснению диспозитива супружества, но и трансформации диспозитива сексуальности, поскольку забота о потомстве и биологически обусловленная необходимость поиска партнера устраниваются из числа факторов, фундирующих социальную жизнь человека²⁰. Эта перспектива является прообразом инвертированного в отношении детей и семьи мрачного будущего из рассказа Pop Squad (2006) П. Бачигалупи, где за роженицами ведет охоту специализированное элитное подразделение, а сам факт вынашивания и рождения ребенка общественно презираем. В мире, смоделированном Бачигалупи, драйверов подобной инверсии приоритетов является перенаселенность — фактор, сказывающийся на трансформации отношений между полами уже сейчас. Возможно, в будущем формируемый в настоящее время диспозитив постсексуальности заменит сложившийся в настоящий момент баланс.

Рождение человека в рамках биоанисихии все настойчивее включает в себя искусственные компоненты. Уже в 1588 г. семья Чемберленов, заняв-

¹⁹ Там же. С. 136, 96.

²⁰ *Тищенко П. Д.* На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. СПб., 2011. С. 31–38.

шись повивальным делом, изобрела акушерские щипцы²¹. Чемберлены в точном соответствии с духом биохрсии того времени — безыскусного жизнепользования естественного человека — хранили тайну акушерских щипцов, извлекая выгоду из своего изобретения. Но постепенно по мере становления медицины отношение к биотехнологиям резко изменилось. Тайное знание Чемберленов стало явным. Целительство из запрещенной деятельности превращается в респектабельное врачебное искусство. Биополитика заботы о здоровье населения ради государственных интересов поощряет внедрение биотехнологий. Биоэтика склоняется в пользу биотехнологий, если обоснована их польза. Здоровое население, выгодное государству, теперь более эффективно растрчивает здоровье на заводах, фабриках и полях сражений.

Режим биоанисихии в стадии биополитической интервенции в жизнь населения трансформирует труд. «В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Бытие, 3, 19) приобретает новые очертания. Биополитика, извлекающая из населения выгоду, создает модели в диапазоне от человека-предприятия до хефтлинка Аушвица и фитиля ГУЛАГа — предельных степеней экстрактивных экономических институтов, обращающих жизнь человека в максимальную прибыль. При всем различии систем общим местом для социализма и капитализма в организации труда стал тейлоризм. Ф. У. Тейлор предложил систему научной организации труда, направленную одновременно на процветание страны, предприятий и рабочих. В центре внимания были предприятие и отношения между администрацией и наемными работниками. Тейлор призывал к изменению сложившейся неэффективной системы взаимодействия между администрацией и рабочим. Он считал, что возможна система отношений, при которой выгоду получают все. «Главнейшей задачей управления предприятием должно быть обеспечение максимальной прибыли для предпринимателя, в соединении с максимальным благосостоянием для каждого занятого в предприятии работника... В прежнее время самое главное была личность; в будущем самым главным будет система»²². Тейлор предложил оптимизацию физического труда ради увеличения его эффективности. Он стремился учитывать возможности работника. По сути, Тейлор призывал к революции в сфере отношения к труду. Произошла повсеместная оптимизация ручного труда. Примером использования системы Тейлора стала компания Г. Форда — эталон промышленного гиганта машинного

²¹ Хаггард Г. Указ. соч. С. 31–34.

²² Тейлор Ф. У. Принципы научного менеджмента. URL: <http://elib.spbstu.ru/dl/quality/management/PrNauchnMen/prnauchnmen.html> (дата обращения: 26.01.2021).

капитализма. Технологи «Форда», «используя методы, разработанные Тейлором и Джилбертами, провели тщательный анализ работы сборочной линии „модели Т“... Тремя основными... принципами были „тщательность (включавшая стандартизацию и взаимозаменяемость частей), непрерывность (движущаяся производственная или сборочная линия, с которой были связаны линии узлов и деталей) и скорость (тщательно выверенное время производства, перемещения и сборки)“»²³.

Но и тейлоризм не является окончательным решением вопроса организации эффективного труда. Р. Семлер — руководитель успешной бразильской компании Semco, реализовавший на своем предприятии невиданный проект самоуправления, в рамках которого на определенном этапе его осуществления работники даже стали сами себе устанавливать заработную плату, пишет: «Фредерик Уинслоу Тейлор этого бы не одобрил, а ведь без него, возможно, не было бы и Генри Форда. А ведь именно Тейлор задолго до Форда выдвинул идею производства, где тысячи безымянных, безликих рабочих пчел выполняют неимоверно монотонные операции под постоянным неусыпным контролем. Тейлор верил, что максимальная эффективность труда достигается, когда обязанности рабочих представляют собой небольшое количество четких действий, которые четко отрепетированы в соответствии с особенностями их анатомии. Тейлор разбил сложный производственный процесс на многочисленные задачи, каждая из которых передавалась определенной группе рабочих. Сегментация и разделение труда, тщательно систематизированные посредством четких должностных инструкций, по мнению Тейлора, были важнейшим средством достижения максимальной производительности»²⁴. С точки зрения Семлера, тейлоризм изжил себя по причине неспособности вовлекать работников в процесс осуществления деятельности компании. «Точные должностные инструкции Тейлора ограничивают потенциал рабочих и сдерживают возможности повышения разнообразия работы, что негативно сказывается на мотивации. Только подумайте, насколько лучше стали бы должностные инструкции, если бы в них было зафиксировано не только то, что делают сотрудники, но и то, что они хотят сделать... Мы не верим во фрагментацию. Мы хотим, чтобы рабочие знали, что они часть целого. Мы хотим, чтобы они сами нашли лучший способ выполнять свою работу. И они, скорее всего, смогут найти на-

²³ Шелдрейк Дж. Теория менеджмента: от тейлоризма до японизации. СПб., 2001. С. 148–149.

²⁴ Семлер Р. Маверик. М., 2007. С. 156.

много более эффективные способы, чем Тейлор и его последователи»²⁵. Создав систему контроля качества производственного процесса самими работниками, сократив до минимума количество инстанций принятия решений, поощряя профсоюзную деятельность, мотивируя работников на создание предприятий-спутников, установив гибкий режим работы, поощряя формы самоуправления, создав специальные инновационные подразделения, Семлер довел эффективность труда до уровня, превышающего эффективность системы Тейлора, не превратив свое предприятие в людоедскую разновидность «потогонного производства».

Биополитические эксперименты с трудом в XIX–XX вв. носили разнообразный и даже экстремальный характер. Эксперименты с организацией труда далеко не закончены. Напротив, пилотные проекты введения безусловного базового дохода, описанные и теоретически осмысленные, например, Р. Брегманом, Ю. Харари, Н. Срничком, А. Уильямсом, создают комфортные условия труда (и даже его отсутствия), приближающие эру «первобытного человека будущего» (Дж. Зерзан), в которой оплаченная бездеятельность уподобляется праздности охотников и собирателей. Труд подвержен интенсификации за счет внешних рычагов воздействия и внутренней мотивации, вводящей в состояние трудоголизма. Труд в эпоху биополитики — искусственно направляемая человеческая энергия, связанная с целерациональными настройками биополитического проекта. Период биоанисихии модернизировал труд, период биоургии, возможно, избавит человека от труда.

Биополитика Модерна, соответствующая периоду биоанисихии, трансформирует преступление и наказание. Многочисленные проекты реформы пенитенциарной системы, описанные М. Фуко в «Надзирать и наказывать», сформировали тренд обусловленности преступления и наказания биополитическим бэкграундом. Так, поиск оптимума в соотношении выгод и затрат привел к соблазну получения экономической выгоды от самой преступности. Преступление конструируемо. «Преступность не имеет естественных природных границ. Преступность — продукт культурных, социальных и ментальных процессов. А отсюда, казалось бы, парадоксальный вывод: „Преступности не существует“»²⁶. Конструирование преступности — процесс разнонаправленный. М. Фуко отмечал, что государству выгодно иметь подконтрольную среду делинквентов, а тюрьмы в такой ситуации становятся фабриками по производству агентуры государства в склонных к криминальному

²⁵ Там же. С. 158.

²⁶ *Исмайлов Р. Н.* Криминология в обществе постмодерна. СПб., 2018. С. 50.

поведению общественных классов. «Тюрьма вполне преуспела в производстве делинквентности особого типа, политически и экономически менее опасной, а иногда и полезной, формы противозаконности; в производстве делинквентов»²⁷. Прирученная преступность — зло неизбежное, но сидящее на цепи. Логика конструирования преступности может завести еще дальше. Преступность может приносить экономическую выгоду. В ходе развития пенитенциарной системы США в послевоенное время «количество заключенных определялось не уровнем преступности, не потребностями общественного контроля или эффективностью полицейских функций, но желанием сделать преступность источником дохода для правительства и для сотрудников частных фирм»²⁸. В такой ситуации «современные институты борьбы с преступностью содержат определенные потенции их перерастания в Гулаг западного образца», ориентированного на экономическую целесообразность. Сознательный выбор в пользу получения прибыли от тюрьмы прямым ведет к сомнительным, но соблазнительным манипуляциям с законом. Тогда «в современном обществе главная опасность преступности состоит не в преступлениях, а в том, что борьба с преступностью может столкнуть общество на тоталитарный путь развития»²⁹.

Трансформируется война. Рыцарское «Иду на Вы!» обрело очертания классической тринитарной войны, «основанной на идее государства и различении правительства, армии и народа»³⁰. Напряженная гонка вооружений ведущих держав Европы XIX в. (У. Мак-Нил) разразилась двумя невиданными по своему размаху войнами, невысказанными вне биополитического бэкграунда. Мировые войны (в полной мере — Вторая) — тотальные войны истребления и выживания — войны, в которых население задействовано целиком. Мысль о том, что стратегия также включает подготовку к войне, даже если приготовления эти проводятся в мирное время, возникла только в период между двумя мировыми войнами, и принадлежала она Людендорфу. Новый тип войны — характерный для этапа биоанисихии биополитический проект. Хочешь мира — готовься к войне, желаешь позаботиться о жизни собственного населения — приготвься к истреблению населения другой страны. «Война этого типа не является продолжением политики другими средствами. Вместо этого было бы бо-

²⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 406–407.

²⁸ Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца. М., 2001. С. 110.

²⁹ Там же. С. 13–14.

³⁰ Кревельд М. ван. Трансформация войны. М., 2005. С. 98.

лее правильным сказать, вспомнив сочинение Людендорфа о тотальной войне, что война как таковая сливается с политикой, становится политикой, сама и есть политика. Война этого типа не может быть „использована“ для достижения той или иной цели, она также ничему не „служит“... Когда перед участниками встает вопрос: „Быть или не быть?“, война утрачивает свои обычные атрибуты и обнажает свою суть»³¹. Шок от итогов мировых войн, создание наднациональных институтов, призванных предотвращать войну, создание ядерного оружия и осознание того, что ограниченная ядерная война невозможна, привели к дальнейшей трансформации войны. Классические войны заменяют «мятежевойны» (Е. Месснер), конфликты низкой интенсивности (М. ван Кревельд). Война конструируема. Современный мир научился воевать чужими руками. Особые технологии, в которых перемешаны государственные и коммерческие интересы (Н. Кляйн), — форма современного состояния ни войны ни мира.

Итак, биохрися предстает как длительный период жизнепользования, в ходе которого человек осуществляет эксплуатацию данных от рождения ресурсов. Биоанисихия как период заботы, ухода за телом формирует тренд, направленный на конструирование всех элементов жизни человека. Пересобираются брак и секс, труд, рождение и смерть, здоровье и болезнь, война, преступление и наказание — жизнь в ее тотальности. Драйвером пересборки социального выступает биополитика. Именно переход от биохрисии к биоанисихии становится областью рождения биополитики.

Распространение стратегий заботы о теле привело к появлению более смелых проектов. От заботы о теле до модификации тела расстояние не такое большое, как может показаться. Одним из таких шагов стала евгеника.

Евгеника как проект радикальной трансформации жизни

К революционной стратегии облагораживания тела, характерной для биоанисихии, следует отнести евгенику³². Именно радикальность предлагаемых поборниками евгеники средств придала данной практике одиозность. Все с проблемы Nature versus (or) nurture — что определяет человека: среда или наследственность? Евгеника встала под знамена наследственности. Воодушевленный учением Ч. Дарвина, Ф. Гальтон ради-

³¹ Там же. С. 179, 215–216.

³² Попов Д. В. От конструирования к апгрейду жизни: расцвет или кризис биополитики? // Человек. 2020. Т. 31. № 6. С. 68–86. (Здесь и далее в параграфе мною используются идеи, детально рассмотренные в указанной статье).

кализировал положение о естественном отборе, сделав ставку на селекцию. «Гальтон выступал за государственную поддержку умных, здоровых и успешных пар. По утверждению исследователей, дух его евгеники был „глубоко гуманистичным и научным“. Позднее его идеи были развиты другими учеными, и поддерживаемую Гальтоном позитивную, или положительную, евгенику стали рассматривать как направление, поощряющее размножение людей, обладающих ценными для общества признаками (хорошее здоровье, высокий интеллект и т. п.)»³³. В такой перспективе с учетом того, что «социальная эволюция человека движется по двойному наследственному пути — культурному и биологическому», и в этих границах «культурная эволюция — это стремительная эволюция по Ламарку, биологическая — это очень медленная эволюция по Дарвину»³⁴, евгеника сформировалась как тренд придания эволюции по Дарвину характеристик эволюции по Ламарку в отношении биологической природы человека.

Природа неуклонна, но медлительна. Ее цели, если они есть, неочевидны. Направленная и целесообразная селекция — то, что можно применить к человеку, точно так, как люди применяют селекцию в земледелии и животноводстве. Евгеника исходит из парадигмы восприятия власти в традиционном обществе как власти аристократии (от гр. ἀρίστέυς — лучший), заключающей в себе древнегреческий идеал калокагатии (от др.-греч. κάλος καὶ ἀγαθός — красивый и добрый). Рожденная на Британских островах, евгеника закономерно восприняла характерный для Британской империи дух аристократизма, в рамках которого «понятие „наследие“ было воспринято почти в неизменном виде и распространено на весь британский „люди“. Последствием этой ассимиляции дворянских норм было то, что английский вариант расового образа мысли отличался почти одержимостью в том, что касалось теорий наследственности и их современного эквивалента — евгеники»³⁵.

Всякая идея, а революционная в особенности, стремится предложить обоснование своего символа веры. Евгеника углубилась в религию, метафизику, культуру, историю и даже экономику. Например, американец Л. Стоддарт, проводя сравнительный анализ аристократического рода Адамса и рода бродяги Джуки, указывает на колоссальные экономические издержки содержания рода, на протяжении поколений поставляющего

³³ Ковба Д. М. Евгеника как направление научной мысли и практика селекции человека в конце XIX – начале XXI вв. // Социум и власть. 2020. № 4. С. 6.

³⁴ Уилсон Э. О. О природе человека. М., 2015. С. 65.

³⁵ Арентс Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 251.

иждивенцев. Для рыночного общества, ценящего труд и бережливость, подобные аргументы показались убедительными. Следует согласиться, что «евгеника с самого начала была замешана на зверстве»³⁶. И именно в США (Индиана, Северная Каролина) возникла практика стерилизации неимущих, слабоумных людей с сексуальными перверсиями и алкоголиков ради сокращения трат общества на иждивенцев. Сходные программы в 30-е гг. XX в. применялись в Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии, Швейцарии и в наибольшей степени в Германии. «Помимо нацистской Германии, евгеническая практика по принудительной стерилизации умственно отсталых мужчин путем перерезания у них семенных канатиков процветала в 20–30-е гг. XX в. в США. К 1935 г. в одном штате Индиана таких операций по судебным решениям было проделано более 20 тыс.»³⁷. Как справедливо отмечает Д. М. Ковба, «популярные в обществе идеи евгеники, их разработка и развитие силами ученых подготовили почву для их практического применения. В результате теории, основанные на достижениях науки своего времени, получив воплощение на практике, привели к серьезным последствиям для общества. Первый закон, призванный остановить передачу дефектных генов будущим поколениям, был издан в 1886 г. в штате Коннектикут (США). Согласно данному закону, мужчина и женщина, если один из них имбецил, эпилептик или умалишенный, не должны вступать в брак или сожительствовать. Нарушение закона или попытка его нарушить карались тюремным заключением сроком от трех лет. Этот запрет был принят и в других штатах... Первый закон об обязательной стерилизации был принят в 1907 г. в штате Индиана... Подобная практика появилась в других американских штатах. Всего в США процедуре стерилизации подверглось около 60 000 человек»³⁸.

Собранная в рамках евгенических исследований статистика имела тенденциозный характер и привела к лавинообразному интересу к рецептам спасения рода человеческого. Евгенический проект распался на конкурирующие течения. И если Стоддарт в революционных течениях эпохи усматривал бунт «недочеловеков» (*underman*) против цивилизации, то в рамках революционных движений ситуация понималась противоположным образом. Следует отметить, что евгеника олицетворяет собою фигуру перехода от сдержанного характера биоанисихии к активной и радикальной динамике биоургии. И если поначалу евгеника осознавалась как явление долговременное и стихийное, то вскоре наступил парок-

³⁶ Там же. С. 254.

³⁷ Овчинский В. С. Криминология и биотехнологии. М., 2005. С. 36.

³⁸ Ковба Д. М. Указ. соч. С. 10.

сизм невиданной прежде экспериментальной деятельности. Так, Г. Гюнтер полагал, что евгеника носит характер селективного отбора в процессе воспитания и формирования ценностей: «С точки зрения евгеники желательно, чтобы молодые люди обоих полов еще в возрасте неопределенных мечтаний выработали идеал для брачного выбора... Взгляд должен быть обращен только на людей здоровых и как индивидуальности, и как носители наследственности. Такой идеал нужно своевременно пробудить у молодежи»³⁹. Евгеника в таком виде — синтез духовной и физической культуры в приложении к институту брака.

Л. Стоддард гораздо радикальнее. Он убежден, что евгеника — вершина биологии, прекрасный плод науки, откровение научного прогресса, способное изменить судьбу человечества. «Задача евгеники сделать такие правовые, социальные и экономические преобразования, чтобы: 1) большая доля лучших лиц имела бы детей таких, как в настоящее время; 2) чтобы в среднем число потомков каждого лучшего человека было бы больше, чем в настоящее время; 3) чтобы худшие люди не имели бы детей; 4) чтобы некоторые худшие люди имели бы меньше детей, чем сейчас»⁴⁰. Евгеника, в представлении Стоддарда, сформирует неоаристократию — авангард крестового похода против вырождения и за возрождение человечества. Евгеника позволит выделять по генетическим задаткам потенциальных аристократов — капитанов промышленности, политических лидеров, гениальных ученых. Евгеника обещала «предсказать, кто окажется наиболее приспособленным, и выработать у нации средства обеспечения вечной приспособленности... Следовало только превратить процесс отбора из естественной необходимости, действующей помимо воли человека, в „искусственный“, сознательно применяемый биологический инструмент»⁴¹. Следствием подобных увлечений стала радикализация биополитики, в рамках которой стали изобретаться практические инструменты воздействия на население средствами отрицательной и положительной евгеники.

Пронизанная ощущением наступления последних времен (закат Европы, бунт против цивилизации, восстание масс) интеллектуальная атмосфера нашла сочувствие у заинтересованной публики: «Евгеника идеально вписывалась в рамки этого нового мировоззрения. Если народы подобны организмам, то их проблемы в некотором смысле сродни болезням, вследствие чего политика, по сути, становится отраслью медицины,

³⁹ Гюнтер Г. Ф. К. Родоведение. Наука о семье. М., 2011. С. 266.

⁴⁰ Стоддард Л. Бунт против цивилизации М., 2016. С. 215–216.

⁴¹ Арендт Х. Указ. соч. С. 254.

наукой о сохранении социального здоровья... Все болезни современного общества (перенаселенность городов, рост рождаемости среди беднейших слоев населения, низкий уровень здравоохранения в обществе и даже падение уровня господствующей буржуазной культуры) теперь казались излечимыми за счет последовательного применения биологических принципов»⁴².

В течение довольно короткого времени с момента зарождения евгеники появились «способные» ученики. «Ведущие деятели прогрессивизма воспринимали евгенику как важный и часто необходимый инструмент в поисках Святого Грааля „социального контроля“. Научный обмен между евгенистами, „расологами“, адептами расовой гигиены и регулирования рождаемости в Германии и Соединенных Штатах был совершенно обычен. Гитлер „изучал“ американскую евгенику, находясь в тюрьме... Немецкая расовая наука основывалась на достижениях американцев»⁴³. Он изучал не только американцев. Так, одним из источников вдохновения для Гитлера явился британский дух построения империи, над которой не заходит солнце, замешанный на «аристократии крови». Поэтому «Гитлер, поклонник Англии, обязывал свои войска СС учиться именно у британских „властителей“ тому, как должен себя вести представитель расы господ, чтобы ограниченными силами держать в страхе целый континент»⁴⁴. Крайности британской политики в колониях стали нормой нацистской экспансии в борьбе за *Lebensraum im Osten*. «Именно на Британию ориентировались нацисты, продумывая собственную модель для управления Россией»⁴⁵. Тщательно изучаемый опыт империалистической Британии послужил прообразом для организации социального пространства на восточном направлении. Итак, евгеника — эта фигура перехода от биоанисихии к биоургии — силами своих адептов и прагматиков от политики стала угрожающе быстро распространяться, вмешиваясь в жизнь человечества.

Борьба евгенических проектов в XX в.

Как евгеника повлияла на общественные отношения и что было дальше? «Так сложилась судьба евгеники, что при упоминании о ней, по образному выражению лауреата Нобелевской премии по физиологии и медицине П. Медавара, всегда будет стоять „нестерпимый запах газовой камеры“.

⁴² *Голдберг Дж.* Либеральный фашизм. М., 2012. С. 257-258.

⁴³ Там же. С. 259-260.

⁴⁴ *Саркисяни М.* Английские корни немецкого фашизма. От британской к австро-баварской «расе господ». СПб., 2003. С. 43.

⁴⁵ Там же. С. 307.

Ведь именно извращенное понимание евгеники... в конечном счете проложило путь к Холокосту»⁴⁶. Учитывая сложившиеся в первой половине XX в. различные идеологические течения со свойственным им набором ценностей и практик, а также учитывая всеобщий интерес к науке, технике и методам «улучшения» природы человека, представляется логичным рассмотреть события этого периода как борьбу евгенических проектов.

Типологизируем эти проекты. В качестве противоборствующих сторон можно рассматривать: аристократический евгенический проект, пролетарский (советский) евгенический проект, нацистский евгенический проект и рыночный евгенический проект. Аристократический проект исходил из многовековой практики аристократического правления и делал ставку на традиционные привилегии и способы формирования аристократии. «Голубая кровь» — краеугольный камень этой доктрины. Поскольку аристократическая евгеника предусматривает сознательный отбор к власти по признаку происхождения, постольку данный проект можно рассматривать как проявление стихийной евгеники. Антипод аристократа-патриция в рамках этого проекта — простолюдин-плебей. Монархическая государственность начала XX в. поддерживала данную традиционную систему взглядов.

Однако события Первой мировой войны неожиданно вывели на авансцену истории иные идейные течения, в которых отчетливо прослеживается евгенический бэкграунд. Пролетарский евгенический проект сделал ставку на пролетария — того, чей вклад в общественную жизнь в Древнем Риме ограничивался исключительно детьми. «Пролетарий — не имя социологически идентифицируемой общественной группы. Это имя того, кто не учтен, outcast'a. По-латыни *proletarii* означает попросту: те, кто воспроизводят себя; те, кто просто живут и воспроизводят себя, не обладая именем и не передавая его; не учитываясь в качестве стороны в субъективном формировании города»⁴⁷. Однако угнетенный класс в марксизме рассматривался как *tabula rasa* — «раса» нереализованного потенциала, а потому созидательная, гибкая — люди, которым можно придать форму, невиданную ранее. В пролетарии советская власть видела огромный потенциал, требующий реализации. Само по себе предоставление пролетариату власти на всех уровнях, как ожидалось, способно произвести грандиозные изменения. Приобщенный к образованию и науке, культуре и искусству, пролетарий, не имея пороков аристократа и буржуа, способен на невиданные свершения. В опреде-

⁴⁶ Овчинский В. С. Указ. соч. С. 35–36.

⁴⁷ Рансьер Ж. На краю политического. М., 2006. С. 103.

ленном смысле именно метафорой отсутствия потенциала «стать всем» у тех, «кто был ничем», является евгенический по своему характеру опыт профессора Преображенского, явивший миру Шарикова и описанный в «Собачем сердце». Этот опыт обнажает конфликт аристократического и пролетарского евгенических проектов. Аристократ не видит в пролетарии творческой потенции. Пролетарий не усматривает в аристократии благодетеля и творца своего счастья. Пролетарская евгеника видела врага в аристократе и капиталисте, она — философствующий молотом ниспровергатель традиций. Движение, активность — подлинная стихия пролетарского евгенического проекта.

Точно так же активность свойственна нацистскому евгеническому проекту, сделавшему ставку на сверхчеловека, раса которого будет создана на основании «перманентной селекции» — «селекции, которая никогда не должна останавливаться»⁴⁸, генетически неповрежденного материала «истинных арийцев». Нацистский проект пытался создать неоаристократию на основании радикальной ксенофобии и шовинизма. В отличие от аристократической евгеники, придававшей существенное значение происхождению, а значит наследственности, нацистский проект наследственность фетишизировал, сделав ее ядром идеологии. Нацистский проект радикализировал средства отрицательной евгеники и экспериментальным путем вырабатывал технологии евгеники положительной, заручившись средствами науки своего времени.

Наконец, рыночный евгенический проект сделал ставку на «булочника» А. Смита, который, достойно справляясь с конкуренцией, служит себе и обществу. Рыночное общество, где «каждый должен быть для самого себя и для своей семьи, так сказать, предприятием»⁴⁹, оформляется по модели конкурентоспособного предприятия, осуществляя отбор успешного «человека-предприятия», предоставляя ему преимущества. Антипод булочника Смита — именно римский пролетарий: иждивенец, тунеядец, лентяй и лодырь — looser. Буржуазное общество уделяло внимание наследственности. Буржуазные семейные ценности, трудовая этика, в которой прослеживается протестантский бэкграунд успеха как манифестации богоизбранности человека, — все это предполагает набор человеческих качеств, которым в рыночном евгеническом проекте отдается предпочтение. Наличие подобных качеств определяет выбор супруга, карьерный рост. Принадлежность к трудолюбивому, бережли-

⁴⁸ Арндт Х. Указ. соч. С. 511.

⁴⁹ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб., 2010. С. 262.

вому, предприимчивому семейству рассматривается аналогично знатности происхождения. Те же качества — трудолюбие, бережливость и предприимчивость — отмечали как преимущественные у буржуа столь разные авторы, как М. Вебер и В. Зомбарт. Рыночный евгенический проект сделал ставку на nurture — формирование общественной среды по законам рынка, что противопоставляет данный проект конкурентам. Среда принималась в расчет и остальными проектами, но в разной мере. Большое внимание среде уделял пролетарский евгенический проект. Так, практика молодого Советского государства показала, что вопрос происхождения был одним из важнейших для СССР. Физическое истребление лиц непролетарского происхождения — отрицательная евгеника по-советски — исторический факт. Человек, понимаемый в марксизме как ансамбль общественных отношений, — парадигма и возможности перековки «социально близких» с точки зрения революционного правосознания и необходимости отбраковки лиц с неблагонадежным классовым прошлым с позиций революционной целесообразности.

Мир сотрясся от титанической борьбы контрпроектов. Первая мировая война продемонстрировала уязвимость аристократического евгенического проекта. Пали монархические режимы в Российской, Австро-Венгерской, Германской и Османской империях. Межвоенное перемирие продемонстрировало взлет новых идейных течений — мир захватила мода на социальный эксперимент, корпоративизм, коллективизм и радикальные формы мировоззрения. Параноидальная перманентная селекция, замешанная на конфронтации, крайней подозрительности и безудержном милитаризме, привела нацистский евгенический проект к краху. СССР, союзники нашли силы одолеть страны «Оси». Ужасы концентрационных лагерей, явленные миру, положили конец радикальным евгеническим экспериментам. Советский Союз, неявно, вяло, не всерьез продолжавший «перманентную революцию», поддерживая национально-освободительные движения и поощряя коммунистические подполья по всей планете, надорвался в этой гонке и распался. Разошедшаяся по всему миру правда о ГУЛАГе сказалась на репутации СССР и способствовала сворачиванию радикальных устремлений в преобразовании человека. Homo soveticus утратил черты нового человека будущего.

Рождение биоургии

Главным бенефициаром оказался умеренный рыночный евгенический проект. «Конец истории», ознаменованный триумфом рынка и либеральной демократии, венчает окончание холодной войны.

Но предполагаем, история далеко не закончена. Технологический прогресс породил призрака, который бродит по миру. И это отнюдь не коммунизм. Эпоха селекции, в конечном итоге приведшая к торжеству идеи отбора на основании личных достижений в условиях среды, предоставляющей широкие возможности для самореализации, плавно переходит в эпоху апгрейда. Евгеника постепенно вновь вышла из тени. «Связь евгеники с немецким фашизмом и американским расизмом привела к ее полнейшей дискредитации. Евгенические идеи были разоблачены как антинаучные и аморальные. Только в конце 80-х годов под влиянием успехов геномных исследований евгеника, преодолевая серьезнейшее сопротивление в научных кругах и в среде общественности, вновь становится предметом обсуждений»⁵⁰.

Адепты технологической сингулярности верят, что грядет эра сингулярного евгенического проекта. Он радикальнее всех предыдущих. Его основание не селекция и наследственность, а тотальное вмешательство в геном, тело и жизнь человека. Трансформация техносферы ведет к появлению многочисленных аугментаций — устройств, дополняющих и преобразующих телесность человека. Р. Курцвейл рассматривает возможности того, что с определенного момента человек будет способен придавать такой вид своему телу, который он сочтет нужным. При этом прогресс НБИК-технологий способен породить и мир людей-трансформеров в духе мрачного трансгуманизма П. Бачигалупи; и виртуальный псевдо-Эдем под патронажем дружественного искусственного суперинтеллекта; и мир без людей, подчиненный целям недружественного искусственного суперинтеллекта — «последнего изобретения человечества», исключившего существование человека как такового (Дж. Баррат, Н. Бостром).

Биоургия — гипотетический переход к неизвестному. До сих пор неясно, возможна ли биоургия как реальная стадия развития человечества. «Однако вернемся к реальности. Очень сомнительно, что пророчества Курцвейла и ди Грея сбудутся к 2050-му или хотя бы к 2100 году. По моему мнению, надежды на вечную юность пока преждевременны... По правде говоря, современная медицина пока что не продлила отмеренную нам природой жизнь ни на один год. Чего она действительно достигла — это избавила нас от безвременной смерти и подарила нам полноценное существование. Даже если мы победим рак, диабет и другие смертельные недуги, то добьемся лишь того, что все будут жить до девяноста, но никак не до 150 и тем более не до 500»⁵¹.

⁵⁰ Тищенко П. Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М., 2001. С. 10.

⁵¹ Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М., 2018. С. 37–38.

Скепсис оправдан, но во времена Ж. Верна описанные в его романах изобретения также воспринимались как невероятные. Но если наука и биотехнологии сумеют отодвинуть границу смерти и расширить возможности человеческой телесности в рамках длительной и пышущей здоровьем жизни, то существует ли предел у биоургии? «Как писал Лайонел Триллинг... где-то в разуме „существует твердая, непреодолимая, упрямая сущность биологической неотложности, биологической необходимости и биологического здравого смысла“. Культура не может достичь этой сути, и это дает биологии право судить культуру, сопротивляться ей и пересматривать ее. И право это рано или поздно осуществится»⁵². Только пределы биологической природы человека могут прервать шествие апгрейда жизни. Подчеркнем, пока вопрос о границах вмешательства в природу человека — крайне отдаленная перспектива.

Биоургия следует за осенью биоанисихии, представленной современным хронотопом. Биоургия отменяет биополитику в известном нам смысле: апгрейд жизни, возможно, означает окончание привычных нам форм жизнепрживания. Биополитика трансформируется в технобиополитику, коррелятивную новому состоянию жизни. Мы уже живем в эпоху кризиса биополитики, поскольку все привычные биополитические ценности ныне подвержены инфляции. Рост населения, потребления и продолжительности жизни рассматриваются амбивалентно. Сам вектор к аугментациям телесности и апгрейду жизни сформирован настойчивым желанием разрубить гордиев узел проблем жизни как таковой и технократической цивилизации, в частности, с использованием достижений научного прогресса.

Таким образом, историю человечества можно интерпретировать как историю форм управления жизнью, форм «жизнеотношения». Человечество прошло значительный путь от эксплуатации возможностей собственной телесности на этапе биохрисиис через систематическое и целенаправленное создание искусственной среды, обслуживающей тело и жизнь человека к первым попыткам конструирования тела и апгрейда самой жизни, что, возможно, станет повесткой биоургии — наиболее амбициозного этапа развития человеческой технократической цивилизации. Осуществится ли этот этап и будет ли он успешен, в настоящее время можно только предполагать. Но известно точно, что именно биополитика подготовила возможный переход к биоургии. Именно биополитика настойчиво помещала тело и биологическую жизнь в поле пристального внимания власти и знания. Изучая и контролируя человека в погоне за

⁵² Уилсон Э. О. Указ. соч. С. 131.

созданием послушного тела, биополитика определила развитие биологии, медицины, психологии, психиатрии, прикладных вычислительных методов, в том числе с использованием компьютерной техники, что подготовило биоургическую революцию.

§ 2. Биополитика как технология управления жизнью

Биополитика в ряду форм рефлексии и праксиса

Основоположником рассмотрения биополитики как особого синтеза политики, прикладной и фундаментальной науки, экономики, администрации и права стал М. Фуко. Его исследования привлекли внимание к микроуровню (микрофизике) власти, пронизывающей общество словно электрическое или магнитное поле. И поскольку человек — живое существо, постольку именно биологическая жизнь человека стала точкой приложения в силовом поле биополитики. Биологическая жизнь человека явилась предметом изучения и воздействия возникшей биовласти.

М. Фуко под биополитикой понимал «то, как, начиная с XVIII в., пытались рационализировать проблемы, поставленные перед правительственной практикой феноменами, присущими всем живущим, составляющим население: здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, потомство»⁵³. Особая форма «управленчества» (*gouvernementalite*), под которой М. Фуко подразумевал «совокупность институтов, процедур, анализов и рефлексий, расчетов и тактик, посредством которых реализуется весьма специфическая и чрезвычайно сложная разновидность власти, имеющая в качестве главной цели население»⁵⁴, отличается от своих предшественников — государства юстиции и административного государства — именно повышенным вниманием к населению.

Дисциплинирование индивида — предмет заботы дисциплинарной власти — дополняется регуляцией населения. Формируется национальное государство, в котором гражданство определяется по факту рождения. «Эта голая жизнь (человеческое создание), которая при Ancien Régime принадлежала Богу, а в античном мире четко отличалась (в качестве *zoé*) от политической жизни (*bios*), теперь выходит на первый план в делах государства и становится, так сказать, его земным основанием. Таково значение государства-нации: это государство, превратившее рож-

⁵³ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. С. 405.

⁵⁴ Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб., 2011. С. 161–162.

даемость, рождение (*vita nuda*, т. е. голую человеческую жизнь) в основание для собственного суверенитета. Таков смысл... первых трех статей Декларации 89-го: только потому, что элемент рождения вписан (ст. 1 и 2) в сердце всякой политической ассоциации, она способна твердо привязывать (ст. 3) принцип суверенитета к нации (согласно этимологии, слово *patio* первоначально означало просто „рождение“)»⁵⁵.

Массы доселе разрозненных индивидов объективируются в «население», которое подпадает под пристальное внимание «оправительствованного» государства. Работные дома, клиники, «бисетры» и «сальпетриеры», школы, казармы, тюрьмы, фабрики и полицейские участки — элементы биополитического конструктора власти, обучающейся извлекать могущество, богатство и престиж из технологий организации жизни. Взирая с высоты специально построенной башни наблюдения, познания, стратегического планирования и командования — Паноптикона (термин, предложенный И. Бенетом для обозначения определенным образом построенного здания, оптимального для контроля из центра многочисленных периферийных помещений, занятых людьми), правительство руководит процессом, в рамках которого «население как собрание подданных сменяется населением как совокупностью естественных феноменов»⁵⁶.

По всему фронту новому типу управленчества теперь «необходимо будет манипулировать, необходимо будет стимулировать... необходимо будет управлять, но не регламентировать. Такое управление будет иметь целью не только препятствовать естественному ходу вещей, но и делать так, чтобы действовали необходимые естественные регуляции, или также практиковать регулирование, которое допускает естественные регуляции»⁵⁷.

Биополитика, будучи феноменом властной организации жизни населения, предстает «как научное, рационально-техническое и бюрократическое управление биологической жизнью людей, объективированных в качестве „населения“»⁵⁸. Этот новый тип управления сгруппированным в абстрактные единицы населением может привести к тотальному реформатированию жизни человека во имя чуждых ему целей. Но также он может создать условия, при которых возникли бы «антиповодырские устремления следующего смысла: должен наступить момент, когда насе-

⁵⁵ Агамбен Дж. Средства без цели. Заметки о политике. М., 2015. С. 29.

⁵⁶ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 455.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Яркеев А. В. Онтологические основания зла в современном обществе: философско-герменевтический аспект. Екатеринбург; Ижевск, 2018. С. 271.

ление, порвав все узы послушания, на деле обретет право — не юридическое, а естественное фундаментальное право порвать все возможные узы послушания государству»⁵⁹. Таким образом, явление биополитики обусловлено практической потребностью осмыслить, рационализировать, оптимизировать процессы, связанные с жизнедеятельностью населения. Широкий спектр возможностей, заложенный в системе управленчества, ориентированной на население, в свою очередь, порождает набор биополитических стратегий, обладающих собственным содержанием.

Следует отметить, что биополитика органично встраивается в ряд связанных между собой форм рефлексии и праксиса в отношении жизни.

Мы можем сформулировать трехуровневую модель рационализации жизни вообще, в которую включена биополитика. На *первом* (теоретическом и фундаментальном) уровне рефлексия по поводу жизни связана со знаниями о живом — *биологии* в предельно широком смысле слова (включая антропологический и даже метафизический аспекты) как о познавательной основе осмысления жизни человека. Знания о жизни предваряют и предопределяют содержание биополитики. *Второй* (практический и прикладной) уровень связан с созданными на основе знаний о жизни *биотехнологиями* как средствами воздействия на биологическую жизнь. Появление биотехнологий (в первую очередь в медицине) неизбежно порождает этические проблемы, принимающие форму *биоэтики*. Как правило, расширение возможностей воздействия на жизнь посредством биотехнологий влечет постановку и решение проблем биоэтики.

Наконец, власть, из имеющегося набора знаний, возможностей, дозволений, запретов и собственных желаний, сформулировав цели, взвесив наличные средства, оценив возможности их использования в контексте господствующей идеократии, формирует биополитическую стратегию. *Биополитика* во всем спектре прямых и косвенных социальных последствий — *третий* уровень рационализации жизни. Биополитика — основанная на знании область праксиса, нацеленная на последовательное, целеустремленное и целесообразное изменение жизни населения в рамках телеологии власти. Биополитическое воздействие на биологическую жизнь населения в конечном итоге пересобирает социум, что отражается на его структуре, видоизменяя экономику, политику, культуру и социальную сферу жизни. Интеллектуальные, технологические, этические и политические возможности составляют арсенал средств модификации биологической жизни, концентрированным выражением чего и является биополитика.

⁵⁹ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 459.

Биологический фрейм биополитики: основания и пределы

Для биополитики жизнь человека — предмет изучения, объект воздействия и средство достижения стратегических целей. Биологическая жизнь включает в себе основания для формирования определенного типа биополитической стратегии и одновременно полагает пределы использования инструментов биополитического воздействия. Диапазон стратегической вариабельности достаточно широк. Он связан с феноменом *пластичности*. «Пластичность означает работу времени, охватывающую систему, способ, которым система может трансформировать себя изнутри не рассыпаясь. Это имманентная трансформируемость замкнутой тотальности»⁶⁰. К. Малабу отмечает, что «пластичность прямо противоположна ригидности. Она антипод последней. «Термин „пластичность“ обычно обозначает как раз податливость, приспособляемость, умение перестраиваться»⁶¹. Пластичность задает возможные рамки изменчивости систем.

Основание пластичности в биологии составляет экспрессия генов. Э. Уилсон описывает фенотипическую пластичность, обусловленную экспрессией генов, на примере муравьев. «Ярчайший пример эволюции адаптивной пластичности мы наблюдаем у муравьев и других общественных насекомых. Рабочие обитатели муравейников или термитников часто настолько отличаются внешне, что нетрудно решить, что они принадлежат к разным видам»⁶². Вместе с тем муравьи из одной колонии являются потомками одной царицы и одного самца и практически идентичны с генетической точки зрения. Различия обусловлены вариациями в рационе и режиме питания на ранних этапах развития, а также влиянием феромонов, воздействие которых определяет направление развития нового поколения муравьев и их окончательный размер. Подобная «лепка» каст из генетически пластичного материала — лишь одна из многих составляющих сложного процесса «адаптивной демографии»⁶³. Сложные механизмы фенотипической пластичности, опирающиеся на предельные значения экспрессии генов, позволяют эусоциальным сообществам муравьев достигать колоссального популяционного успеха. «Развитие социального поведения до уровня эусоциальности, как оказалось, обеспечило своим

⁶⁰ URL: <http://s357a.blogspot.com/2017/08/blog-post.html> (дата обращения: 27.02.2021).

⁶¹ URL: <https://syg.ma/@sygma/katrin-malabu-plastichnost-i-ghibkost-za-soznaniie-mozgha> (дата обращения: 27.02.2021).

⁶² Уилсон Э. О. Хозяева Земли. Социальное завоевание планеты человечеством. СПб., 2014. С. 277.

⁶³ Там же.

обладателям серьезный экологический успех»⁶⁴. Муравьи и термиты — доминирующие среди беспозвоночных виды на всей земной суше. На их долю приходится более половины биомассы всех насекомых. Фенотипическая пластичность — отточенный природой адаптативный механизм, опирающийся на инстинкт.

Более сложные формы пластичности связаны с развитием нервной системы и головного мозга. Млекопитающие обходятся без развитого полиморфизма в пределах собственных сообществ. Вместе с тем в стаях волков и крыс, у высших приматов, дельфинов и касаток существует распределение ролей, лидерство, планирование совместных действий, кооперация и конкуренция⁶⁵. Самки касаток после наступления менопаузы, что уникально для животных, становятся «бабушками» и ухаживают за молодым⁶⁶. Социальным млекопитающим свойственна социальная пластичность.

Наиболее сложные формы социальной пластичности присущи человеку вида *homo sapiens sapiens* и связаны с явлением нейропластичности, присущим головному мозгу человека. «Пластичность — это главное свойство мозга, которое получило развитие в ходе эволюции, чтобы дать людям конкурентное преимущество, и что это может быть настоящим „чудом“»⁶⁷. Именно необычайное развитие головного мозга обусловило доминирование существа с наилучшими параметрами центральной нервной системы и головного мозга на планете Земля. Нейропластичность как свойство головного мозга создает условия для повышенной гибкости и адаптивности отдельно взятого индивидуума. Нейропластичность — биологическое основание социальной пластичности — обусловила превосходящий возможности эусоциальных насекомых и социальных млекопитающих потенциал обществ людей. Отметим несколько значимых свойств нейропластичности, которые необходимы нам для дальнейших рассуждений. Во-первых, человек обладает мозгом, который непрерывно изменяет себя в постоянно меняющемся мире. Мозг пластичен в течение всей жизни человека. Функционально распределенные зоны неокортекса — карты мозга — носят динамический характер. Для человека нейро-

⁶⁴ Уилсон Э. О. Смысл существования человека. М., 2015. С. 18.

⁶⁵ См., напр.: Бутовская М. Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М., 2004 ; Лоренц К. Агрессия, или Так называемое зло. М., 2017 ; Моррис Д. Голая обезьяна. М., 2009.

⁶⁶ Даймонд Дж. Третий шимпанзе. М., 2013.

⁶⁷ Дойдж Н. Пластичность мозга. Потрясающие факты о том, как мысли способны менять структуру и функции нашего мозга. М., 2012. С. 46.

пластичность обыденна, а изменение карт мозга постоянно, это помогает людям перепрограммировать свой мозг. Во-вторых, «пластичность обладает конкурентной природой»⁶⁸. Это ведет к тому, что «внутри нашего мозга идет бесконечная война нервов»⁶⁹. Выделяют четыре типа пластичности: «расширение карты», «сенсорное перераспределение», «компенсаторная замена», «захват зеркальной области». В каждом случае происходит перераспределение зон неокортекса, что приводит к изменению поведения, привычек и образа жизни человека. Незримые внутренние трансформации в неокортексе «нейронного человека» (*neuronal man*⁷⁰) ведут к видимым изменениям в жизни человека. Поэтому, в-третьих, отношение мозга и культуры «похоже на улицу с двусторонним движением: мозг причастен к созданию культуры, но и культура оказывает формирующее влияние на мозг»⁷¹. Для общества людей нет ничего удивительного в том, что биологические параметры мозга и социальные характеристики человека взаимозависимы. В-четвертых, пластичность амбивалентна. Она дает преимущества, но может и привести к деградации. Нейропластичность приводит как к более гибкому, так и к ригидному поведению — это «пластический парадокс». «Парадокс пластичности учит нас тому, что нейропластичность означает не только внутреннюю гибкость, но и несет ответственность за многие ригидные формы поведения и даже патологии... она одновременно определяет как ограниченность, так и неограниченность нашей природы... пластичность вносит свой вклад и в ригидность человека, и в его гибкость, в зависимости от того, как она развивается»⁷².

Итак, нейропластичность — дар, обыкновенное чудо, крайне сложный инструмент, требующий умелого владения. Нейропластичность заставляет переосмыслить представления о человеческом сознании. М. Газзанига моделирует сознание «как множественную динамичную психическую систему»⁷³. Головной мозг человека «обладает разнообразнейшими локальными системами сознания, комбинация которых и обеспечивает привычное нам сознание»⁷⁴. Динамическое сознание функци-

⁶⁸ Там же. С. 80.

⁶⁹ Там же. С. 48.

⁷⁰ *Malabou C. What Should We Do with Our Brain?* N. Y., 2008.

⁷¹ *Дойдж Н.* Указ. соч. С. 193.

⁷² Там же. С. 213.

⁷³ *Газзанига М.* Кто за главного? Свобода воли с точки зрения нейробиологии. М., 2017. С. 78.

⁷⁴ Там же. С. 82.

онирует на основе того, что «в нашем мозгу идет жесткая конкуренция между разными системами, которые соревнуются за право выйти на поверхность, чтобы завоевать приз — стать осознаваемой»⁷⁵.

Подобная сложная картина внутреннего мира «нейронного человека» радикально усложняет социальную пластичность человека. Одной из ярких особенностей общества людей является его связь со способом закрепления индивидуальных и коллективных представлений людей. М. Газзанига среди многочисленных систем головного мозга выделяет модуль левого полушария, отвечающий за связность обрабатываемой информации — «интерпретатор». Этот модуль осуществляет синтез имеющейся информации и формирует правдоподобные гипотезы, дающие объяснение событий, часто не критично принимаемых на веру. Контролирует интерпретатора другой модуль — «детектор аномалий», сигнализирующий о рассогласовании гипотез и проверенных фактов. Д. Каннеман обнаружил в сознании человека два разных «Я»: «Переживающее „Я“ — это наше сиюминутное сознание... Собираение воспоминаний, рассказывание историй, принятие важных решений являются прерогативой другой нашей внутренней сущности — комментирующего „Я“... Оно неустанно слагает байки о прошлом и строит планы на будущее»⁷⁶. Отметим как важное обстоятельство, что «наша сознательная жизнь — не что иное, как произвольная рационализация поступков, которые мы совершаем по другим причинам»⁷⁷. Все это создает уникальные условия для социальной пластичности человека. Люди формируют «интерсубъективную» реальность. Именно благодаря этой реальности «люди правят миром, потому что только они способны сплести интересубъективную паутину смыслов... которые живут исключительно в их общем воображении»⁷⁸. Интерсубъективная реальность людей, основанная на разделяемых людьми коллективных представлениях и опирающаяся на особые биологические механизмы, протекающие в головном мозге, — биологическое основание социальной пластичности человека.

Вместе с тем необходимо отметить, что биологическая жизнь податлива до определенной степени, она не может произвольно модифицироваться каким угодно образом. Есть серьезные генетические ограничения. «Гены, отвечающие за развитие дактилоскопического узора на пальцах, характеризуются очень пластичной экспрессией, и число вариантов огромно... Напротив, гены, отвечающие за число пальцев на

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Цит. по: Харари Ю. Н. Указ. соч. С. 344–345.

⁷⁷ Рамачандран В. С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. М., 2006. С. 9.

⁷⁸ Харари Ю. Н. Указ. соч. С. 178.

одной руке, экспрессируются очень жестко»⁷⁹. Социальная пластичность также конечна, как и фенотипическая, но имеет существенно большую вариабельность за счет участия разума человека. Но и здесь есть предел. «Существуют биологические ограничения, определяющие зоны маловероятного или запретного развития... человечество способно избрать гипотетически курс истории в противоположность другому. Но даже если сила самоопределения включится на полную... мы все равно будем выбирать из небольшого числа вариантов»⁸⁰. Следует согласиться с утверждением, что «гены держат культуру на поводке. Поводок этот очень длинный, но все же ценности будут ограничиваться в той степени, в какой они влияют на генный пул человечества»⁸¹.

Значение пластичности трудно переоценить. В обществе она проявляется в сложной динамике нормы и ее нарушения. Выделяя паттерны «жесткого» и «мягкого» альтруизма, Э. О. Уилсон подчеркивает, что «жесткому» альтруизму соответствует трайбализм, в то время как «мягкий» альтруизм позволяет индивиду перестраивать свое поведение и видоизменять идентичность, а обществу в целом — эффективно и относительно безболезненно трансформироваться. «Гениальность человеческой социальности заключается в той легкости, с какой союзы создаются, разрушаются и воссоздаются вновь»⁸². Социальная пластичность — важная адаптивная характеристика. Человек не в состоянии изменить свои гены, но он в состоянии изменить свое поведение. Даже если поведение социально предписано, пластичность позволяет адаптироваться ценой нарушения императива. Конечно, такое изменение может быть воспринято с моральной точки зрения неодобрительно, но именно на этом пути происходят многочисленные жизнесберегающие перемены. «Людам свойственно брать на себя духовные обязательства, которые считаются абсолютными — до того момента, когда их нарушают. Люди тратят массу сил на создание союзов, сохраняя при этом для себя все пути к отступлению»⁸³.

Необходимо отметить, что социальная пластичность в условиях развитой технократии дополняется технологической пластичностью. Последняя ведет в область «технобиополитики»⁸⁴. Потенциал технологиче-

⁷⁹ Уилсон Э. О. Хозяева Земли. С. 275.

⁸⁰ Уилсон Э. О. О природе человека. М., 2015. С. 133.

⁸¹ Там же. С. 244.

⁸² Там же. С. 238.

⁸³ Там же. С. 239.

⁸⁴ Malabou С. Morphing Intelligence from IQ Measurement to Artificial Brains. N. Y., 2019. С. 81.

ской пластичности значителен. М. Эпштейн в рамках предложенной им «гуманологии» предполагает, что недалек день, когда человечество займет место не только среди внеразумных форм жизни, но и среди внебиологических форм разума⁸⁵. Технологическая пластичность ведет к трансформантропной биополитике.

Итак, социальная динамика общества имеет ярко выраженные биологические основания и пределы — она вмонтирована в биологический фрейм. Биополитика как важная, а во многом определяющая сторона современной жизни основывается, зависит от этого естественного ограничения и, по крайней мере, на данном этапе развития технологий, не может выйти за его пределы, а может быть, и вовсе не способна избавиться от биологического предопределения.

Механизм гибкого реагирования организма на возмущения, происходящие в окружающей среде, концептуально описан У. Матураной и Ф. Варелой, которые утверждают, что среда «обладает своей собственной структурной динамикой и операционально отлична от живого существа»⁸⁶. Различая живую систему и внешнюю по отношению к ней среду, следует понимать, что «во взаимодействиях между живым существом и окружающей средой в рамках этой структурной конгруэнтности возмущения окружающей среды не определяют происходящего с живым существом — изменения, происходящие в живом существе, определяет его структура»⁸⁷. Возмущение в окружающей среде неинструктивно для живой системы, и наоборот, «живое существо является источником возмущений, но не директив»⁸⁸ в отношении среды.

Живое существо включено в «гераклитов ток бытия» (Л. Шестов) самым непосредственным образом. Под напором внешних возмущений среды «непрерывное структурное изменение живых существ с сохранением их аутопоэза происходит в каждый момент времени, постоянно, многими способами одновременно. В нем — биение самой жизни»⁸⁹. Онтогенез живых существ следует понимать как непрерывный структурный дрейф. «Сохранение аутопоэза и сохранение адаптации — необходимые условия существования живых существ; онтогенетическое структурное изменение живого существа в окружающей среде всегда происходит как структурный

⁸⁵ Эпштейн М. Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. М., 2004.

⁸⁶ Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания. М., 2019. С. 112.

⁸⁷ Там же. С. 112–113.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. С. 118.

дрейф, конгруэнтный структурному дрейфу окружающей среды»⁹⁰. Таким образом, гибкость является обязательным качеством живого; отсутствие, запоздалость, неадекватность структурного дрейфа демонстрирует дефицит гибкости и ведет к деструктивным последствиям. Живое существо встает на путь ригидности, ведущий к потерям и даже гибели.

Биополитика — чрезвычайно гибкая система практик реагирования на изменения, происходящие в социуме и мире. Биовласть стремится закрепить определенные паттерны поведения и одновременно трансформирует нормы — формирует «новую нормальность», если это выглядит целесообразно. Биополитика может быть гибкой, но может приобрести ригидные формы. Диапазон вариабельности биополитики широк, о чем пойдет речь далее, при анализе биополитических стратегий.

Биовласть как субъект биополитики

Следует задаться вопросом о том, что же представляет собой биовласть. Совершенно справедлив вопрос, поставленный М. Фуко: «Ни теория государства, ни традиционный анализ государственных аппаратов не исчерпывают поля действия и осуществления власти. Перед нами великое неизвестное: кто осуществляет власть?»⁹¹. Итак, власть — великое неизвестное. Это отрицательное определение позволит нам осуществить небольшое исследование, которое должно вывести на след биовласти.

Известно, что «повсюду, где есть власть, она осуществляется»⁹². Власть реальна, несмотря на то что «никто не является ее обладателем, но тем не менее она осуществляется всегда в определенном направлении, когда одни находятся по одну сторону, а другие — по другую, и мы не знаем, у кого она есть, но мы знаем, у кого ее нет»⁹³.

Во-первых, следует отметить, что биовласть материальна, телесна, контактна. «На самом-то деле нет ничего более материального, физического и телесного, чем осуществление власти»⁹⁴. Власть, а биовласть в особенности — процесс воздействия на человека, обладающего телом и оставляющего следы в материальном мире. У эусоциальных насекомых всякий контакт между особями опосредован трофаллаксом⁹⁵ — материальным обменом пахучим питательным веществом, передающимся по

⁹⁰ Там же. С. 122.

⁹¹ Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002. С. 75.

⁹² Там же. С. 76.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же. С. 164.

⁹⁵ Матурана У., Варела Ф. Указ. соч. С. 224.

цепочке от матки к каждому члену муравейника. Это вещество — материальный аналог идентичности муравья — герб, флаг и гимн муравейника. Человек как *animal symbolicum* осуществляет лингваллаксис (лингвистический трофаллаксис)⁹⁶, в новом цифровом мире стремительно превращающийся в нумероллаксис — непрерывный обмен сигналами в форме цифрового кода. Даже включенный в символический обмен, человек контактирует с другими людьми на основании материальных артефактов и оставляет материальные следы. Биовласть, нацеленная на формирование послушных тел, активно вмешивается в материальную среду в целях ее изменения, исходя из собственной телеологии.

Во-вторых, биовласть обладает свойствами всеобщности, анонимности, децентрированности и капиллярности (всепроникновения). «Власть не располагается в государственном аппарате»⁹⁷. Биовласть шире и масштабнее государственного аппарата — она везде и нигде. «Под властью... следует понимать, прежде всего, множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации»⁹⁸. Власть на макроуровне продолжает себя в формах микровласти. Биовласть обладает природой поля, она имеет сетевую и капиллярную структуру, пронизывая собою общество от центра к многочисленным узловым точкам и используя их широкое посредничество, к отдаленной периферии⁹⁹. Биовласть вездесуща «потому, что она производит себя в каждое мгновение в любой точке или, скорее, — в любом отношении от одной точки к другой. Власть повсюду, не потому, что она все охватывает, но потому, что она отовсюду исходит»¹⁰⁰. Биовласть, реализуя себя в рамках многочисленных социальных систем, создает механизмы, «которые действуют за пределами государственных аппаратов, под ними, рядом с ними, на намного более низком уровне, на уровне обыденном»¹⁰¹. Именно такие всепроникающие «щупальца» конституируют биовласть, охватывающую жизненное пространство человека. Биовласть как выражение стратегии охвата всей жизни населения в пределе совпадает с жизнью общества.

⁹⁶ Там же. С. 264.

⁹⁷ Фуко М. Интеллектуалы и власть. С. 167.

⁹⁸ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 192.

⁹⁹ Попов Д. В. Власть, полиция и население в логике биополитических стратегий // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26. № 3(78). С. 41–50. (Здесь и далее использованы идеи, систематически изложенные в указанной статье).

¹⁰⁰ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. С. 193.

¹⁰¹ Фуко М. Интеллектуалы и власть. С. 167–168.

В-третьих, биовласть динамична. Она использует возможности маневра, вбирает в себя пластичность, присущую природе и самому человеку. Так, в период с XVIII в. и до начала XX в. «люди верили, что инвестирование тела властью должно быть тяжким, давящим, непрерывным и педантичным. Откуда и происходят все чудовищные дисциплинарные режимы, с которыми нам приходится сталкиваться в наших школах, больницах, казармах, цехах, городах, жилых домах, семьях»¹⁰². Однако с 60-х гг. XX в. биовласть видоизменила стратегию, чтобы стать «намного менее плотной властью над телом»¹⁰³.

Со временем в промышленно развитых странах биовласть становилась все меньше системой подавления, исключая лишь репрессивный характер. Будучи долговременной формой общественного управления, биовласть стала культивировать жизнеутверждающие практики. Для того чтобы не быть хрупкой, отныне биовласть «производит позитивные воздействия на уровне желаний... а также на уровне знания»¹⁰⁴. Не отказываясь от средств насилия и подавления, но держа их про запас, биовласть использует «словно своего рода большую стратегию, все возможные мелкие локальные и индивидуальные тактики, охватывающие каждого из нас»¹⁰⁵.

Таким образом, в-четвертых, биовласть прагматична, она мотивирует, стимулирует, вовлекает. Биовласть приспосабливается и приспособливает.

В-пятых, биовласть опирается на знание — «она его производит»¹⁰⁶ и делится знанием с населением. Биовласть отнюдь не консервативна, основу ее динамики составляет развитие науки, техники и технологии. Величайшие достижения биовласти основаны на смелом использовании знаний для управления общественными процессами.

Подведем промежуточный итог. Именно телесный человек находится в фокусе биовласти. Не столько сам человек, сколько жизнь, протекающая в нем. Биовласть воздействует на жизнь в ее важнейших проявлениях (рождение, продолжительность, сексуальность, смерть) и тем самым воздействует на человека, вовлекая его в собственную целесообразность. Именно не прямое, а манипулятивное, опосредованное давлением на биологические характеристики воздействие составляет особенное био-

¹⁰² Там же. С. 164–165.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же. С. 166.

¹⁰⁵ Там же. С. 290.

¹⁰⁶ Там же. С. 166.

власти. «Жизнь изымается биовластью из рамок человеческого существования и учреждается в качестве объекта технологического, медицинского, экономического и пр. контроля и управления»¹⁰⁷. Однако биовласть представляет цель в себе и для себя, рассматривая население в качестве средства. «При таком подходе к отношениям между индивидом и государством индивид интересуется государством лишь в той мере, в какой он хоть что-то может сделать ради его могущества... с точки зрения государства индивид существует лишь постольку, поскольку он способен внести некое изменение, пускай ничтожное, в мощь государства, будь то в положительном или отрицательном направлении. И, следовательно, государство должно заботиться об индивиде только в той мере, в какой последний может внести такое изменение. И государство то требует от него жить, работать, производить или потреблять, а то требует и умереть»¹⁰⁸. Манипулятивная природа биовласти, периодически приводящая к крайне циничному отношению как к населению, так и к индивидууму, составляет существенную сторону биовласти и соответствует ее амбивалентности.

Инструментарий биополитики

Радикально новым в применении властных мер воздействия по отношению к человеку стало омассовление объекта воздействия власти. Биовласть обращена не к отдельному индивиду, а к населению. Дисциплинарная власть трансформируется в биополитическую, сохраняя и развивая техники дисциплинаризации индивида, которой коррелирует регуляция — расширенное воздействие дисциплинарной власти, масштабированной и спроецированной на население. Одновременно биополитическая власть задействует механизмы стимулирования. Привлечение населения на сторону власти для решения внешнеполитических задач, связанных с необходимостью увеличения военной мощи, экономического преуспевания, престижа на международной арене (войны и конкуренцию никто не отменил!) потребовали внутренней политики, направленной на интенсификацию жизнедеятельности населения. Но исключительно принудительные меры дисциплинарной власти оказались недостаточными. Дисциплинаризация была дополнена стимулированием, породившим вектор инклюзии населения в экономическую, социальную и политическую жизнь. Смещение государственных и личных интересов до степени взаимной обусловленности стало тем механизмом, который способствовал развитию биополитической стратегии. В рамках биополитики власть

¹⁰⁷ Яркеев А. В. Указ. соч. С. 172.

¹⁰⁸ Фуко М. Интеллектуалы и власть. С. 369.

инвестировала в население, чтобы получить необходимую отдачу для решения широкого круга задач. Власть отныне сосредоточена не на экзогенных, а на эндогенных факторах развития государства, при этом власть желает получать от населения, если воспользоваться термином из области экономической теории, возрастающую, а не убывающую отдачу¹⁰⁹.

Используем продуктивный понятийный ряд, предложенный М. Деландой для анализа военного дела, в рамках эволюции которого он усматривает трансформацию армии как переход от армии-часов через армию-мотор к армии-сети. Армия-часы характеризовалась тем, что «муштра и железная дисциплина могли сплавить наемников в единую группу с общим командным духом, однако они не насаждали в них лояльность. Чтобы поддерживать слаженную работу часового механизма, людей, его составляющих, следовало научить бояться своих офицеров больше, чем врага. Это, естественно, отражалось на развитии тактической доктрины. Например, войска неприятеля на самом деле почти никогда не уничтожались, поскольку, даже если их могли разбить на поле боя, техники преследования с целью уничтожения оставались слаборазвитыми из-за опасения дезертирства среди войск, которое могло бы случиться. Битв на уничтожение избегали, отдавая предпочтение маневрированию, осаде и войне на истощение. Большинство командиров не желало рисковать своими драгоценными часовыми армиями в том или ином генеральном сражении¹¹⁰».

М. Деланда отмечает, что армия Наполеона могла бы «рассматриваться как „мотор“, питаемый из резервуара народов и националистических чувств»¹¹¹. Французская армия первая в Европе «„моторизировалась“, подключившись к надежным резервуарам собственного населения»¹¹². В отличие от часового механизма, в котором всякое движение продолжает «первоначальное движение по заранее заданной траектории, мотор производит новое движение. Часы опираются на внешний источник движения, а мотор — нет; он эксплуатирует определенную форму „различия“ для извлечения энергии из „резервуара“ в соответствии с той или иной „диаграммой цикла“»¹¹³. Моторизованная армия сама является источником информации, энергии, действия, будучи подключенной к резервуару лояль-

¹⁰⁹ Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М., 2011. С. 138.

¹¹⁰ Деланда М. Война в эпоху разумных машин. Екатеринбург; М., 2014. С. 104.

¹¹¹ Там же. С. 9.

¹¹² Там же. 106.

¹¹³ Там же. С. 108.

ного населения. Теперь «внешняя механическая связь между правителем и подчиненными, типичная для старых армий, была замещена внутренним соединением, связывающим население в целом с нацией»¹¹⁴. Но и к становлению национальных государств, приведшему к трансформации армий, можно, обобщая, применить принцип, описанный выше. Биополитическое государство — государство-мотор, топливным резервуаром которого становится заинтересованное, лояльное население. Складывается вектор заботы о населении. Конечно, государство не превращается в альтруиста. Напротив, государство действует крайне прагматично, эксплуатируя новый открытый источник энергии, способствующий достижению целей, — заинтересованность, лояльность собственных граждан. Получая свою долю от проводимой политики, граждане оплачивают ее собственной жизненной энергией, приложенной в определенной сфере деятельности. Вовлекающий вектор биополитики порождает циклическое, «моторное» взаимодействие власти и населения.

Биополитика не является всего лишь механическим приложением дисциплинарной власти, уже отработанной в отношении к индивиду, в масштабах всего населения. Биополитический инструментарий значительно шире. Во-первых, центрированная на жизни биовласть сделала ставку на медикализацию населения. «Основополагающую роль сыграла медицина, послужив общим знаменателем... Ее дискурс передавался от одной категории к другой. Ибо как раз во имя медицины стали наблюдать, как обустроены жилища, а также от ее имени классифицировали безумного, преступника, больного и отводили каждому его место...»¹¹⁵.

Во-вторых, медикализация позволила ввести стандартизацию, основой которой стало определение нормы и сравнение с ней. Биополитика активно применяет нормирование и нормализацию; биополитика создает, видоизменяет и дифференцированно использует нормы в отношении деятельности и поведения индивидов. Фактически задействуются позитивная и негативная энергия нормирования, в том или ином отношении сортирующая людей.

В-третьих, стимулирование населения активно использует механизмы нормирования и поощряет население в стремлении соответствовать заданным параметрам нормальности, отвечающим стратегии государства.

В-четвертых, нормирование и стимулирование создают механизм практической идеализации, способствующий формированию самостоя-

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Фуко М. Интеллектуалы и власть. С. 170.

тельного и целенаправленного поведения индивида в поле целей и задач, преследуемых властью. Формируются модели габитусов¹¹⁶ жизнедеятельности как систем диспозиций, порождающих и структурирующих поведение индивида, коррелятами которого являются личные и государственные интересы.

Наконец, в-пятых, выстраивается система социального порядка, в которой власть и население сближаются как за счет расширения политических прав и экономических возможностей граждан, так и за счет формирования общего идеократического смыслового поля, в котором политические и жизненные личные интересы людей обнаруживаются как нерасторжимые.

Био- и политика сопрягаются таким образом, что «голую жизнь» (Дж. Агамбен) индивида одевают в предоставленную властью политическую тогу, правда, далеко не всегда сшитую по меркам ее обладателя. В худшем случае роль тоги исполняет тюремная роба. Однако, и это следует подчеркнуть, государству как кутюрье-монополисту по пошиву политических тог со временем приходится считаться с интересами заказчика, становящимися все более прихотливыми. В биополитике нормирование, стимулирование и целеполагание работают в обе стороны: от власти к населению и от населения к власти.

Властная организация жизни индивида явно просматривается в сопряжении дисциплинаризации и нормирования, обнаруживаемых, например, в педагогике, психиатрии и психологии. М. Фуко находит психиатрическую власть в лечебнице как расширенном теле врача в качестве дисциплинарной власти, призванной в ходе «морального лечения», лишь поверхностно соответствующего критериям медиализации, нормализовать пациента. В свою очередь, пациенты — исключенные из общества (временно или окончательно, если лечение не достигнет необходимого результата) индивиды, для реабилитации которых создан соответствующий сегмент социального института (психиатрическая помощь в рамках здравоохранения) и учреждение (лечебница), позволяющие вернуть безумцев к нормальной жизни, — объекты приложения сконцентрированной в лечебнице дисциплинарной власти. Инструмент нормализации — дисциплинаризация, в ходе которой прививаются навыки поведения, обычные (т. е. нормальные) для повседневной жизни гражданина. Психиатрическая власть — частный случай дисциплинарной власти, а «дисциплинарная власть обладает двойной особенностью: она и анонимизирует, всегда отстраняет ряд индивидов... и вместе с тем всегда нор-

¹¹⁶ Бурдые П. Социология социального пространства. СПб., 2007. С. 32.

мализует, изобретает все новые исправительные системы, раз за разом восстанавливает правило. Дисциплинарные системы характеризуются непрерывной работой нормы в рамках аномии»¹¹⁷.

Знание–власть здесь в первую очередь ориентирована на стандартную модель социальных отношений, моделированием которой и занят персонал лечебницы. Одним из элементов нормализации становится трудовая деятельность и инклюзия в общепринятую систему оплаты труда и расчета потребностей и доходов, балансу которых соответствует обычная практика жизнедеятельности гражданина. Вылечить — значит вернуть к обычной жизни самостоятельного и трудоспособного индивида. Одновременно сама лечебница существует как место включенного в жизнь общества пространства исключения, где находятся те, кто не позволяет прямо своим родственникам и косвенно всему обществу функционировать в штатном, нормальном режиме. Пока безумца нормализуют, члены его семьи работают, а уход за ним оптимизируется с точки зрения социальных издержек. Временное исключение вполне может завершиться включением индивида в экономическую и социальную жизнь. Личные интересы безумца, его родных и государства сливаются. В пространстве лечебницы дисциплинарная власть, действуя всепроникающим капиллярным образом, осуществляет «производство покорных тел»¹¹⁸, энергия которых необходима государству.

Похожий механизм обнаруживается в школе. Эксклюзия слабоумных, неуспевающих и недисциплинированных, разнонаправленно выводящая их из школы в систему соответствующих дисциплинарных институтов, позволяет, с одной стороны, школе исправно функционировать, а с другой стороны, под пристальным оком более жестко организованной дисциплинарной власти в ходе процесса дисциплинаризации либо добиваться нормализации исключенного из стандартного пространства школы, либо находить занятие, посильное для исключенного и одновременно, насколько возможно, социально полезное и приемлемое. Оптимизация расходования жизненной энергии общества на воспитание, содержание и нормализацию исключенных в этой рекурсивно выстроенной системе пространств исключения, где только крайние пункты отделений для неизлечимых больных и камер смертников отмечены печатью «оставь надежду, всяк сюда входящий», демонстрирует масштаб и рациональный замысел биополитической регуляции населения.

¹¹⁷ Фуко М. Психиатрическая власть. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году. СПб., 2007. С. 73.

¹¹⁸ Там же. С. 74.

Похожим образом нормированию подвергается сексуальная жизнь. Переход от диспозитива семьи к диспозитиву сексуальности порождает сложную игру норм и девиаций, задающих границы дозволенного и маркирующих определенные сексуальные предпочтения как табуированные. Нормы и девиации становятся подвижными, инклюзивные процессы и здесь подтачивают сложившиеся критерии эксклюзии. Ментальное и физическое здоровье, законопослушное поведение, способности, сексуальное поведение, навыки социальной адаптации — все каталогизируется, становится предметом изучения и контроля знания–власти, вооруженной наукой, статистикой и сетью учреждений в целях дисциплинаризации и нормализации индивидов в перспективе эффективного использования человеческого капитала. Психиатрическая власть как удобное медикализованное приложение дисциплинарной власти обнаруживается «в обличье так называемых пси-функций: патологической, криминологической и т. д. Мы находим психиатрическую власть, т. е. функцию интенсификации реального, всюду, где реальность необходимо привести в действие как власть. В школе, на фабрике, в тюрьме, в армии и т. д. появляются психологи, и они вмешиваются именно тогда, когда каждому из этих институтов приходится применить реальность как власть или представить осуществляемую ею власть как реальность»¹¹⁹. Нормирование осуществляет функции отбора и отбраковки на каждом уровне социальной организации. Отобрать тех, кто по своим способностям максимально эффективно осуществит ту или иную функцию, — значит найти оптимум отбора/отбраковки.

Подобное ранжирование с использованием бесконечных шкал нормирования было бы невозможно только на основе дисциплинаризации. Стремление к тому, чтобы предъявлять усложняющиеся требования к себе, опираются на механизмы стимулирования. Жизненным коррелятом подобных стимулов становятся комфорт, процветание, престиж, счастье. Биополитическая власть эксплуатирует жизненные стремления человека не только к благой и моральной жизни, что характерно для представлений о политике, обнаруживаемых еще у Аристотеля, но и инстинктивные, гедонистические мотивы, скорее обнаруживаемые у Эпикура, его последователей и эпигонов. Одним из важнейших механизмов становится практическая идеализация — создание системы образов осуществленной мечты, достигнутой цели в том или ином жизненном начинании индивида. Практическая идеализация запускает механизм согласования внешних требований по нормированию жизнедеятельности индивида и внутренних мотивов самой личности, желающей достичь визуально

¹¹⁹ Там же. С. 220.

и когнитивно представленного идеала. Дисциплинаризация, нормирование, стимулирование и внутренняя мотивация сходятся в рамках биополитической стратегии, опирающейся на смешанное рационально-иррациональное основание.

В поле воздействия власти рождаются подвергающиеся непрерывной трансформации габитусы, поддерживаемые господствующей идеократией. Аутопозис системы достигается через согласование стратегий жизнепроживания индивидов с воспроизводимыми в социальных институтах и поддерживаемыми в ходе дисциплинаризации и нормирования моделями поведения (габитусами), успешное присвоение которых может привести к достижению целей, соответствующих образам, идеократически навязываемым механизмами практической идеализации.

Следует отметить, что «большая биополитическая игра», в которую власть вовлекает население, не может основываться исключительно на симулякрах. Если власть не подкрепляет свое вмешательство в жизнь населения реальными вознаграждениями, население не откликнется заинтересованностью и лояльностью. Человек-предприятие функционирует только в реальной рыночной экономике, вознаграждающей за усердие. Солдат, мечтающий стать генералом, несет тяготы службы, если видит, что кто-то, подобный ему, становится генералом. Ученик учится, если общество демонстрирует важность знаний. В этой точке можно обнаружить пределы биополитики. Необходимость подкреплять стимулы вознаграждениями — достоинство и изъян биополитики.

Биовласть, человек и жизнь

Административная власть, следуя известной схеме рассуждения Фуко¹²⁰, опиралась на дисциплинарные методы воздействия и во многих отношениях преуспела. Дисциплинаризация — основной метод административного государства (дисциплинарной власти). Вымуштрованные солдаты герцога Нассау не позволили сильной Испании одолеть Республику Объединенных Провинций. Казнь Дамьена¹²¹ до поры до времени сдерживала потенциальных цареубийц. Прямое и долговременное воздействие на человека со стороны власти приносило свои плоды.

Зафиксируем форму отношения власти, человека и жизни в матрице административной власти (а также в случае государства юстиции, одним словом, в государстве до-биополитическом):

Власть → Человек → Жизнь.

¹²⁰ Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб., 2011. С. 161–165.

¹²¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 6–7.

Отметим, что власть, представленная в каждом акте лицом, действующим от ее имени, воспринимает подданного именно как человека, наделяя его разумом, волей, желаниями, обязанностями и (некоторыми) правами. Власть в случае наказания причиняет человеку боль и влияет на количественную сторону его жизни. Казнь жизнь (земную — точно!) аннулирует. Поощрение также обращено к человеку и призвано качественно обогатить жизнь подданного. Отношения власти и индивида нетрудно представить в виде системы метрик, каждая из которых опосредованно, через человека, оказывает воздействие на его жизнь: сокращает и удлиняет, делает скудной или богатой, голодной или сытой, мучительной или «сладкой». Человек воспринимается властью как субъект, предстоящий перед Богом, Королем и Коронай, как имеющий душу, социальное положение и право.

Все изменилось в ходе метаморфозы суверенной власти в биовласть. Изменился порядок связи власти и индивидуума. Отныне он приобрел следующий вид:

Биовласть → Жизнь → Человек.

Биовласть перестала воздействовать на индивида, она стала искать способы влиять на *vita nuda* (Дж. Агамбен) — универсальный общий знаменатель, уравнивающий всех людей. Одно дело — обращаться к каждому по отдельности по имени, учитывая сословную и фамильную принадлежность, личные заслуги, вероисповедание и пожалованные права. И совершенно другое дело, когда оказывается прямое воздействие на биологическую жизнь. В первом случае подход индивидуален и юридичен, поскольку в конечном итоге требует суда, во втором случае — универсален и нуждается в технике и технологии. Наказывают *лицо* индивидуально, а *тело* кормят или травят однотипно.

Выход биологической жизни на авансцену властного воздействия позволил биовласти расширить дисциплинаризацию индивидов до регуляции населения. Был осуществлен разворот в сторону медикализации населения. Биовласть продемонстрировала сложный и разнообразный набор средств воздействия на жизнь. Характер этих воздействий ведет к различным результатам биополитического вторжения в жизнь населения.

Воспользуемся терминологией, предложенной Б. Латуром¹²². В своей версии акторно-сетевой теории он различал понятия «проводник» и «посредник». «В моей терминологии, — пишет Латур, — „проводник“

¹²² Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014. С. 58.

(intermediary) — это то, что переносит (transport) значение или силу, не преобразуя их»¹²³. Напротив, «исходя из того, что имеется на входе посредника, никогда нельзя предвидеть, что будет на выходе; необходимо каждый раз учитывать специфику посредника. Посредники преобразуют, переводят, искажают и изменяют передаваемые ими значения»¹²⁴.

Биовласть в своих различных вариациях придавала жизни как значение проводника, так и значение посредника. Медикализацию в самых ее радикальных формах следует понимать как процедуру, в рамках которой осуществляется сортировка людей по заранее заданному критерию в отношении их биологической жизни («голой жизни»). «У истоков индустриальных обществ стал размещаться аппарат наказания, своего рода приспособление по сортировке нормальных и ненормальных»¹²⁵. В сложившемся дискурсе антипсихиатрии (Р. Лэйнг, Г. Бейтсон, Т. Сас, М. Фуко) вопрос о необходимости психиатрической помощи скорее принято относить к области контингенции, чем к строгой необходимости. Границы вмешательства подвижны и подвергаются ревизии. Однако в ходе становления психиатрической власти как одного из ярких образов самой биовласти норму определяли заранее. Тот носитель биологической жизни, кто демонстрирует опасные склонности, подлежит изъятию из общества, невзирая на лица. Вообще, процесс нормирования и дальнейшие процедуры нормализации, принимающие в расчет некий стандарт, — изначально безличны, как безлична и психиатрическая власть, воплощенная в расширенном теле врача — лечебнице с ее персоналом, процедурами, распорядком дня и интерьером¹²⁶.

Биополитика, широко применяющая насилие в той или иной форме, тяготеет к идентификации жизни как проводника. Действительно, систематическое насилие над живым человеком — жизни в человеке — ведет к сходному результату. Систематическое насилие чаще всего травмирует человека, «ломает» его. Достаточно вспомнить «большие процессы» — спектакли «правосудия», в ходе которых люди брали на себя ответственность за немислимые преступления. Это казнь Дамьена наоборот. Если именем королевской власти казнили именно Дамьена как неудавшегося цареубийцу, покусившегося на Короля и Корону (немислимое восстание части против целого!), за что и отнималась по крупицам жизнь, словно песок в часах скорби, убывавшая до последней песчинки,

¹²³ Там же. С. 58.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Фуко М. Интеллектуалы и власть. С. 169.

¹²⁶ Фуко М. Психиатрическая власть. С. 17–19.

то в рамках фейк-правосудия устами людей-автоматов говорила сломленная жизнь. Обращение жизни в проводника на путях биопоэзиса (от βία — насилие и ποίησις — производство — особая форма аутопоэзиса (У. Матурано, Ф. Вареле), основой которой становится системное и систематическое насилие) достаточно хорошо опознано в дискурсе homo sacer (Дж. Агамбен), «травмы» (Э. Сантер), «жертвы» (К. Мейясу, Ф. Ларуэль), «плоти» (А. Вээли). Всякий раз, когда осуществляется развернутое организованное насилие, возникают мегамашинные социальные системы, предсказуемые в своей машинерии. Образ человека-автомата (доходяги, фитиля, хефтлинга, «нумера»), лишённого имени, прошлого и будущего, возникает всякий раз, когда объектом насильственного воздействия становится биологическая жизнь как таковая. Пытка ведет к предсказуемому результату. Подобная вивисекция создает сходные в своем уродстве человеичники.

Крайней формой предсказуемого вмешательства в жизнь людей является геноцид. Люди истребляются без принятия в расчет каких-либо личностных характеристик, исключительно по биологическому признаку принадлежности к определенному этносу. В буквальном и переносном смысле в ходе геноцида расчищается пространство (например, Lebensraum im Osten — «жизненное пространства на Востоке»), для того чтобы оно было заполнено иными носителями жизни. Расширенный вариант такого радикального вмешательства в жизнь людей связан с приданием какой-либо иной характеристике значения маркера для сортировки людей. Удобные клише «врага народа» (СССР), «коммуниста» (США времен маккартизма), «таракана» (Руанда) позволяют пренебрегать личностью. Нечто подобное характерно для маньяков, закрывающих лица жертвам в целях их деперсонификации. В таком случае производится убийство, скорее, образа, а не конкретного человека. Исследование Н. Кристи о концентрационных лагерях в Норвегии убедительно показывает, что установление прямого межличностного контакта между заключенным и охранником даже в самой простой форме обмена репликами резко снижает вероятность спонтанных насильственных действий со стороны второго по отношению к первому¹²⁷.

Не только насилие может стать фактором прямого воздействия на жизнь. Норма питания («пайка») заставляла больше работать в лагере, делала из человека «капо» (П. Леви) — агента администрации, а если рас-

¹²⁷ Кристи Н. Охранники концентрационных лагерей. Норвежские охранники «Сербских лагерей» в Северной Норвегии в 1942–1943 гг. Социологическое исследование. СПб., 2017.

сма­три­вать «пайку» мета­фориче­ски, то и сей­час она слу­жит од­ним из зна­чи­мых драй­веров соци­аль­ных про­цес­сов. В этом пун­кте мы пере­хо­дим в об­ла­сть сти­му­ли­ро­ва­ния, вы­хо­дя­щую да­леко за ра­мки био­по­э­зи­са. До­ба­вим, что лю­бые фор­мы муш­тры (вплоть до при­емов тей­ло­ри­зма и фор­ди­зма), это­го тра­ди­ци­он­но­го ме­то­да фор­ми­ро­ва­ния на­вы­ков и при­вы­чек, воп­ло­ще­ние не­пря­мой транс­фор­ма­ции ин­ди­ви­ду­ма в хо­де пря­мо­го дав­ле­ния на жиз­нен­ные про­цес­сы, в ко­то­рые че­ло­век вов­ле­чен.

Од­на­ко жизнь мо­жет быть опоз­на­на био­вла­стью как по­сред­ник. Де­ло в том, что од­но­знач­ный эф­фект гру­бо­го вме­ша­тель­ства в жизнь че­ло­ве­ка при­во­дит к пред­ска­зуе­мо­му, но не­удов­лет­ви­тель­но­му ре­зуль­та­ту. Хо­ло­кост истреб­ляет, ла­геря э­ко­но­ми­че­ски не­эф­фек­тив­ны, за­тра­вен­ное на­се­ле­ние по­слу­шно, но ли­ше­но твор­че­ско­го на­ча­ла, ино­гда да­же во­ли жить. Рож­ден­ный пол­зать летать не мо­жет.

Био­вла­сть не­ред­ко до­пус­ка­ет та­кое «под­со­еди­не­ние» (вновь тер­мин Б. Ла­ту­ра), ко­то­рое пре­вра­ща­ет жизнь в по­сред­ни­ка, что озна­ча­ет не­пред­ска­зуе­мый эф­фект. Это без­ус­лов­ный риск био­вла­сти, но, по­жа­луй, в этом за­клю­ча­ется ис­то­ри­че­ская мис­сия и, воз­мож­но, мор­аль­ное оп­рав­да­ние био­вла­сти. Ме­ди­ка­ли­за­ция на­се­ле­ния — не толь­ко от­бра­ков­ка без­ум­цев, ин­фи­ци­ро­ван­ных и ин­ва­ли­дов во имя по­вы­ше­ния от­да­чи от «нор­маль­но­го» тру­дос­по­соб­но­го на­се­ле­ния за счет из­ъ­я­тия «не­нор­маль­ных» и эф­фек­тив­но­го их со­дер­жа­ния не­мно­го­чис­лен­ным обу­чен­ным пер­со­на­лом. Ме­ди­ка­ли­за­ция — это вак­ци­на­ция, ле­че­ние в си­сте­ме здра­во­охране­ния, дис­пан­се­ри­за­ция, ре­аб­и­ли­та­ция, пси­хо­ло­гиче­ская под­дер­жка. Ча­сто это без­лич­ные фор­мы воз­дей­ствия на жизнь (прививка, ре­цепт на ан­ти­био­тик), но по­зи­тив­но влияю­щие на че­ло­ве­ка: воз­вра­щаю­щие к тру­дос­по­соб­но­сти, ус­тра­няю­щие бо­лезнь, при­даю­щие пси­хо­ло­гиче­скую уве­рен­ность, уве­личиваю­щие про­дол­жи­тель­ность жи­зни. Рож­де­ние кли­ни­ки, где вся­кий — па­ци­ент и од­но­вре­мен­но в не­ко­то­ром ро­де об­ъект на­уч­но­го ис­сле­до­ва­ния, за­пус­ка­ет про­цес­с ана­ли­за ан­тро­по­ло­гиче­ских «боль­ших дан­ных», рен­та от ко­то­ро­го в ви­де до­ступ­ных схем ле­че­ния не­ду­гов до­ста­е­тся всем.

Био­вла­сть риск­ну­ла вторг­нуть­ся на тер­ри­то­рию раз­ви­тия лич­но­сти. Шко­ла — эта «пси­хушка с до­маш­кой» (именно так мета­фориче­ски Т. Пин­чон вы­ра­зил идею М. Фу­ко о том, что «иди­отия — это не­ко­то­рая ступе­нь дет­ства»¹²⁸) — про­дукт соци­аль­но­го экс­пе­ри­мен­та био­вла­сти с ус­ко­ре­нием раз­ви­тия, соци­аль­ной а­дап­та­ции и под­го­тов­ки бу­ду­щих ра­бот­ни­ков по все­му спек­тру ка­та­ло­га спро­са про­мыш­лен­но­го об­щес­тва. Пря­мое влия­ние на тем­пы, ритм, цик­лы жи­зни да­ло не­од­но­знач­ный, но

¹²⁸ Фу­ко М. Пси­хи­атри­че­ская вла­сть. С. 243–244.

необходимый для общества, намеренно выведенного из равновесия в ходе промышленной революции, эффект. Еще одной областью воздействия биовласти на жизнь стала сексуальность. Расширение рамок допустимого сексуального поведения, опирающегося на сексуальную пластичность *homo sapiens*, а также ограничение диспозитива супружества привели как к созданию сексуальной индустрии, так и к проникновению сексуальности во все сферы жизни общества.

Биовласть прагматична и преследует собственные цели. Но биовласть пошла на риск вовлечения людей в экономические, социальные и, как следствие, управленческие процессы. Воспользуемся еще одним термином Б. Латура, чтобы понять результат этого процесса. Биовласть можно опознать в «актор-сети» Латура. «Актор-сеть — это то, что приводится в действие большой звездообразной паутиной втекающих и вытекающих посредников. Она существует благодаря своим многочисленным связям: подсоединения первичны, акторы вторичны»¹²⁹. Биовласть формирует набор подсоединений к жизни, воспринимая ее как посредника в отношении населения, которое превращается в силу запускаемых процессов с неоднозначным эффектом в акторов и посредников в отношениях между собой и с биовластью. Анонимность и капиллярность, микрофизика власти — все это находит свое выражение в актор-сетевом измерении биовласти. Не всякий тип биовласти приходит к максиме «чем больше у актора связей, тем в большей степени он существует... чем больше посредников, тем лучше»¹³⁰, — но ко всякой биовласти применимо «графическое представление о сетях как звездоподобных разветвлениях»¹³¹. Биовласть, стремящаяся удерживать жизнь в качестве проводника в тисках биапозиса, разрывает сети связей и упрощает топографию взаимодействий между акторами. Структура такой биовласти — нити, при помощи которых осуществляются манипуляции марионетками. Метафорически можно уподобить воздействие биовласти, воспринимающей жизнь как проводника, интенсификации проверенных подсоединений, превращающих общество в социальном измерении в лагерь, а в производственном — в мастерскую, цех. Напротив, воздействие биовласти, относящейся к жизни как к посреднику, — экстенсификация подсоединений, ведущая в сад расходящихся тропок (Х. Л. Борхес). Конечный результат такой биовласти — сад, она — садовник, в то время как биовласть первого типа — кузнец. Кузнец сжигает, плавит и кует, садовник прививает, обрезает, пропалывает, растит.

¹²⁹ Латур Б. Указ. соч. С. 303.

¹³⁰ Там же. С. 302.

¹³¹ Там же. С. 186.

Биовласть формирует сложившиеся дисциплинарные практики индивидуального подчинения и биополитические регуляторы населения, пронизывающие общество во всем поле социальных интеракций — от макроуровня политических институций до капиллярной микрофизики власти в любом людском сообществе. В конечном итоге сложившиеся диспозитивы подавления — эти «„мельчайшие“» технические процедуры, играющие на деталях и с деталями, перераспределили пространство, сделав его оператором всеобщего „надзора“»¹³². Однако по мере возникновения нетривиальной обратной связи от обращения жизни в посредника такой микрофизике власти противопоставляется сеть антиподчинения. Составляющие ее «„способы делания“» образуют бесчисленное количество практик, при помощи которых пользователи заново присваивают себе пространство, организованное техниками социокультурного производства»¹³³. Подобные практики, «которые напоминают кишение микробов и множатся внутри технократических структур, одновременно искажая их функционирование за счет бесчисленных „тактик“, проявляющихся в „деталях“ повседневной жизни»¹³⁴, образуют разветвленную систему бриколажа — подгонки и возвращения подконтрольного биовласти социального пространства. «Рассеянная, тактическая и „бриколерская“ изобретательность групп или индивидов, отныне оказавшихся в сетях „надзора“»¹³⁵ проявляется в «работе на себя». Муравьиноподобная по масштабу работа на себя теперь пронизывает общество. Памятуя о том, что «нет права, которое не было бы записано на телах»¹³⁶, население оказывает тактическое сопротивление формам использования себя как средства в интересах биовласти. В конечном итоге биополитическая власть делает уступки, что ведет к бесконечной позиционной игре биовласти и населения в ходе большой биополитической игры¹³⁷.

Биовласть посредничества жизни отчасти возвращает человеку его человеческий облик, провоцирует на сопротивление и неминуемо ограничивает себя паутиной обязательств. Если представить себе такую сеть взаимозависимостей биовласти и населения, то «это занятие порождает

¹³² Серто М. де. Изобретение повседневности. Искусство делать. СПб., 2013. С. 43.

¹³³ Там же. С. 43.

¹³⁴ Там же. С. 44.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же. С. 249.

¹³⁷ Попов Д. В. Пешком с М. де Серто, или Инструкция по выживанию для авто-стопщика по городу // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2020. № 2. С. 40–44.

у нас чувство легкого головокружения, поскольку мы попадаем в порочный круг... Весьма наглядно демонстрирует это ощущение литография голландского художника М. К. Эшера „Рисующие руки“: руки рисуют друг друга таким образом, что начало процесса остается неясным. Какая рука „настоящая“?»¹³⁸. Кто кем манипулирует, кто дергает за нити, кто марионетка?

Итак, биополитика как технология управления жизнью складывается на стыке рационально-научного осмысления живого, технико-технологического вмешательства в жизненные процессы, бюрократического регулирования населения на основе обнаруженных естественных регуляций и, наконец, тотализации вовлечения населения в социальные процессы, конструируемые биовластью.

§ 3. Амбивалентность биополитики

Биополитика = танатополитика

Биополитика, само рождение которой связано с необходимостью эффективного решения задач выживания и конкуренции государства на международной арене, носит подчеркнуто прагматичный характер. Она представляет ту самую политику «очередных дел и социальных реформ»¹³⁹, которая, выражаясь словами Ж. Клемансо, стремится не больше чем «внести немного более справедливости в этот мир»¹⁴⁰. Государственный разум, олицетворением которого стала биовласть, не склонен к переживаниям, он не отличается впечатлительностью и произвольным широким жестом — это холодный разум.

«Население всегда оказывается лишь тем, о чем государство печется ради своего собственного блага, и потому, в случае нужды, разумеется, государство может его и истребить. Таким образом, изнанкой биополитики выступает танатополитика»¹⁴¹. Биополитика амбивалентна. Обратной стороной биополитики как регуляции жизни становится допущение, а порой и вовсе контролируемое производство смерти тогда, когда возникает необходимость стать танатополитикой. Таким образом, не стоит обольщаться жизнеутверждающим *био-*: биополитика — прежде всего *политика*. Объектами ее пристального внимания являются и жизнь и смерть в равной мере. Биополитика не служит жизни, но и не служит

¹³⁸ Матурана У., Варела Ф. Указ. соч. С. 25.

¹³⁹ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 40.

¹⁴⁰ Там же. С. 41.

¹⁴¹ Фуко М. Интеллектуалы и власть. С. 379.

смерти. Она находится на службе государства. Государству, безусловно, необходимо живое, энергичное, трудоспособное население. Однако ситуация может неожиданно измениться. Биополитическое государство всегда готово пойти на жертву. «У нас у всех достаточно сил, чтобы перенести несчастье ближнего», — афоризм Ф. де Ларошфуко точно отражает холодную рациональность биополитического государства. В этом амбивалентность биополитики.

Два тела биовласти

Биополитическое государство возникает на фундаменте монархической государственности европейского средневековья. Средневековое государство создало, воплотило в жизнь и следовало доктрине «двух тел короля»¹⁴² — тела физического и тела власти, представленных в фигуре смертного короля. Король, будучи живым правом и воплощением государственного единства, выполнял функции репрезентации государства в пространстве и времени. Король, подобно легендарной птице Феникс, умирая в одном природном теле, возрождается (словно из пепла) в другом (теле наследника), не умирая никогда, что позволяло утверждать, что время не властно над Королем. Королевская династия — цепь природных тел и одно политическое тело — корпорация, состоящая из одного человека в отдельно взятом промежутке времени. Король и Корона — точки сборки социального пространства, определяющего ритм социального времени. «Король — смертный человек, и все же он бессмертен в своем Достоинстве и своем Политическом теле»¹⁴³. Физическая и символическая — смертная и бессмертная — фигура Короля представляет форму властной организации социального пространства и контроля за течением социального времени. Корона Короля — символ социального пространственно-временного континуума. «Корона, благодаря своей вечности, стояла выше физического *гех так же, как она была выше географического *regnum**, но в то же время оказывалась в одном ряду с непрерываемостью династии и с вечностью политического тела»¹⁴⁴.

Моделируя отношение к индивидууму со стороны суверенной власти, а власть Короля является ее образцом, М. Фуко отмечал, что вплоть до XIX в. действовало старинное право суверена на жизнь: «Право на жизнь и смерть реализуется только в неравновесии и всегда с перевесом смерти. Право суверенной власти на жизнь начинается с момента, когда у сувере-

¹⁴² Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2015.

¹⁴³ Там же. С. 629.

¹⁴⁴ Там же. С. 458.

на появляется право убить. В конечном счете именно это право действительно содержит в себе самую суть права на жизнь и смерть: именно в момент, когда суверен может убить, он подтверждает свое право подданного. Это, по существу, право меча»¹⁴⁵. Однако новая модель государственного управления поставила во главу угла усиление мощи государства, невозможное без регулирования жизни населения. Но это потребовало радикального пересмотра отношения к населению. Отныне государство заинтересовано в том, чтобы население процветало. «Одно из самых крупных изменений в области политического права в XIX веке состояло не в замене, а в дополнении этого старого права верховной власти — заставить умереть или позволить жить — другим, новым правом, которое не уничтожает первое, но проникает в него, понижает его, модифицирует и создает в точности противоположное право или, скорее, власть: власть „заставить“ жить и „позволить“ умереть. Значит, право суверена — заставить умереть или позволить жить. Затем появляется новое право: право заставить жить и позволить умереть»¹⁴⁶. Право меча дополняют учреждения образования и здравоохранения, пенитенциарная система нового типа, ярмарки, цирки, кинематограф и, несколько позже, гипермаркеты и социальные сети¹⁴⁷.

Биовласть сохранила за собой право суверена «заставить умереть или позволить жить», но стратегически предпочитает, применяя целый арсенал средств стимулирования, «заставлять» жить и «позволять» умереть в случае исчерпания интереса к индивидууму, отдача от которого для биовласти минимальна.

В крайней точке биовласть — сама Смерть с косой: «Окончательное выражение суверенитета состоит в значительной степени во власти и способности диктовать, кто может жить и кто должен умереть»¹⁴⁸. Этот образ биовласть тщательно скрывает. В точке сортировки на тех, кто «должен» жить или умереть, биовласть становится некровластью (*necropower*, А. Мбембе). Некровласть широко использует выживание как стимул для дисциплинаризации населения и, как следствие, собственного самосохранения.

¹⁴⁵ Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб., 2005. С. 254.

¹⁴⁶ Там же. С. 254–255.

¹⁴⁷ Попов Д. В. Кризис реципрокности: трансформация биополитики в некрополитику // Философия права. 2019. № 1. С. 91–100. (Здесь и далее в параграфе использованы идеи, подробнее изложенные в указанной статье).

¹⁴⁸ Mbembe J.-A., Meintjes L. Necropolitics. URL: https://warwick.ac.uk/fac/arts/english/currentstudents/pg/masters/modules/postcol_theory/mbembe_22necropolitics22.pdf (дата обращения: 27.11.2020).

Вместе с тем следует подчеркнуть, что прагматизм биовласти никоим образом не сочетается с садистскими наклонностями *ut talis*. Маска смерти и коса припасены для чрезвычайных обстоятельств.

Чрезвычайное законодательство

К. Шмитт утверждал, что «суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»¹⁴⁹. В рамках предлагаемого Шмиттом децизионизма (от нем. *deziision* — решение) «исключительный случай выявляет сущность государственного суверенитета яснее всего»¹⁵⁰. Приоритет исключительного случая приводит к тому, что «всякое право — „ситуативное право“», в рамках которого «авторитет доказывает, что ему, чтобы создать право, нет нужды в праве»¹⁵¹. Противопоставляя «решение» и «норму», Шмитт противопоставляет «порядок» и «правопорядок». Первый исходит из решений суверена, в основе второго — нормы. «Не существует нормы, которая была бы применима к хаосу»¹⁵². Правопорядок, основанный на норме, каждый раз в условиях чрезвычайной ситуации терпит крах (либо продолжает в трансформированной форме существовать, если включает в себя паллиатив чрезвычайной ситуации, ограничивающий действие ряда норм лицом, назначаемым «сувереном»), в то время как для юриспруденции решений, а не норм, исключительность является нормой, а не исключением. В результате подобная система права функционирует в штатном режиме в период чрезвычайности. Поскольку в рамках правового государства регламентация чрезвычайного положения все равно производится, и отличия от суверенной власти носят процедурный характер, постольку Шмитт настаивает на исконно суверенной природе власти, при которой «суверенитет есть высшая, независимая от закона [ни из чего] не выводимая власть»¹⁵³. Можно утверждать, что для суверенной власти чрезвычайное положение — нормальное континуальное состояние общественной жизни постольку, поскольку любую законотворческую инициативу суверена предваряет оценка состояния тех или иных общественных отношений как чрезвычайных и требующих изменения. В логике *rule of law* действует иная парадигма — модификация континуумов нормальности, опосредованных нормой перехода. Суверенная власть, действующая в парадигме чрезвычайности, имеет особое, интимное отношение к жизни человека. Подобно Мойрам, суверенная

¹⁴⁹ Шмитт К. Политическая теология : сборник. М., 2000. С. 15.

¹⁵⁰ Там же. С. 27.

¹⁵¹ Там же. С. 26–27.

¹⁵² Там же. С. 26.

¹⁵³ Там же. С. 31.

власть прядет нить жизни человека, определяет его судьбу и, при наступлении соответствующих обстоятельств, перерезает нить жизни.

USA PATRIOT Act (Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act) — вступивший в силу в 2001 г. нормативный правовой акт, призванный сплотить, укрепить и наделить юридическими инструментами США перед лицом террористической угрозы. Документ, существенно расширивший полномочия специальных служб и ограничивший гражданские права и свободы. Последствия применения USA PATRIOT Act значительны. Скандал, вызванный деавуированием деятельности АНБ Э. Сноуденом, раскрыл масштабы проникновения государства в пространство частной жизни. Оказалось, человечество, само того не зная, почти живет в антиутопии Е. Замятина «Мы» — в домах с прозрачными стенами, на виду у всех. Ключом от всех дверей оказалось чрезвычайное законодательство — система мер, прямо или косвенно одобренных обществом, направленная на пресечение угроз безопасности государства. С 2001 г. подобная практика чрезвычайного реагирования на актуальные и потенциальные угрозы нашла самое широкое распространение. Подобное положение не ново — XX столетие прошло под знаком чрезвычайщины. Новшеством является качественный прорыв в технологии. Современная технология позволяет хранить и обрабатывать огромные массивы информации. Потенциально весь мир может быть охвачен взглядом «Большого брата».

Чрезвычайное законодательство ограничивает и даже упраздняет юридическое. Тем самым нарушается привычный ход событий, происходит разбалансировка социальной системы. Среди регулятивов внезапно появляются факторы случайные, произвольные, выходящие за логику построения правовой системы, стремительно редуцирующие право к примитивным формам. При этом «чрезвычайное положение все более и более стремится стать доминирующей управленческой парадигмой современной политики. Превращение временной и исключительной меры в управленческую технологию угрожает радикально преобразовать — и фактически уже ощутимо преобразовало структуру и смысл различных традиционных конституционных форм»¹⁵⁴. Абсолютная необходимость и временный характер — основание чрезвычайного законодательства — приводят к тому, что «чрезвычайное положение уже стало нормой», «использование чрезвычайных... полномочий, вероятно, станет правилом,

¹⁵⁴ Агамбен Дж. Номо sacer. Чрезвычайное положение. М., 2011. С. 15.

а не исключением»¹⁵⁵. В такой ситуации «власть, ориентированная на чрезвычайные ситуации, поддерживает себя и общество в состоянии перманентного чрезвычайного положения»¹⁵⁶. При этом «чрезвычайные меры вмешательства государства, носящие произвольный, избыточный, исключительный и незаконный характер, предъявляются обществу под знаком заботы, которая обосновывается как готовность государства защищать население „любой ценой“, т. е. всеми доступными средствами, включая игнорирование права»¹⁵⁷. Однажды поддавшись соблазну использовать чрезвычайные средства, впредь чрезвычайно сложно избавиться от этой привычки¹⁵⁸.

Ну и что? Лишь бы эффективно достигались поставленные цели. Однако в этой ситуации может пострадать даже тот, кто призывал чрезвычайные меры: «Лагерь — это пространство, возникающее тогда, когда чрезвычайное положение превращается в правило. Так, чрезвычайное положение, бывшее, по сути, временным прекращением действия правовой системы по причине фактической ситуации опасности, отныне обретает постоянную пространственную локализацию, которая сама по себе, впрочем, неизменно остается вне обычного правопорядка»¹⁵⁹. Лагерь, как утверждает Дж. Агамбен, в качестве биополитической парадигмы современности, основанной на чрезвычайном положении, способен стать матрицей социального пространства. «Лагерь, глубоко укоренившийся в Городе, — это новый биополитический номос планеты», «метаморфозы и воплощения которого мы должны научиться распознавать»¹⁶⁰.

В XX в. человечество уже приходило к подобному порядку. Хочется надеяться, что история не «танцы на граблях». Формой биополитики, ведущей к редукции человека к «голой жизни» — пределу человеческого в человеке, является негантропная биополитика.

Негантропная биополитика

Негантропная (человекоотрицающая) биополитика — направление биополитики, основу которого составляет авторитарный тип управле-

¹⁵⁵ Там же. С. 22.

¹⁵⁶ Яркеев А. В. Чрезвычайное положение как предельное состояние социального бытия // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 1. С. 58.

¹⁵⁷ Там же. С. 59.

¹⁵⁸ Бавсун М. В., Попов Д. В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья II. Право на задворках духовности // Вестник Омской академии МВД России. № 1. 2019. С. 53–62.

¹⁵⁹ Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011. С. 214.

¹⁶⁰ Там же. С. 223.

ния, экономическая эксплуатация населения в интересах государства, индоктринация, широкомасштабное использование аппарата принуждения, пренебрежение человекоберегающими технологиями.

Негантропная биополитика может быть стабильной и долгосрочной, но только в том случае, если достигнута точка равновесия между хищническим использованием населения как ресурса и предоставлением населению возможностей выживания и даже относительно комфортного существования. В случае неуклонного расширения практик эксплуатации населения негантропная биополитика имеет тенденцию перерождения в некрополитику, для которой ценность человеческой жизни минимальна, а стремление к получению односторонней выгоды от населения и территории максимальна. Напротив, тенденция к компромиссу с населением ведет биовласть к изменению биополитической стратегии на конфирмантропную (человекоутверждающую).

Причины, толкающие биовласть на осуществление негантропной биополитики, многообразны. Она может носить временный и вынужденный характер. Ее может определять война. Так, теория «тотальной войны» Э. Людендорфа предполагает максимальную эксплуатацию людского потенциала до окончательной победы. «Современные условия требуют, чтобы политика была продолжением войны, понимаемой ныне как борьба нации за выживание, в которой нет запрещенных приемов... В военной форме или без нее, вся страна должна превратиться в подобие гигантской армии, в которой каждый мужчина, женщина и даже ребенок нес бы службу на своем посту. У руля этой военной машины должен стоять военный диктатор... Но, пожалуй, самое радикальное здесь то, что эта система не ограничивается военным временем. Современный вооруженный конфликт ведется в таких масштабах и требует такой длительной подготовки, что единственным решением может быть только увековечивание диктатуры»¹⁶¹.

Негантропная биополитика может стать инструментом на время послевоенного восстановления или ликвидации последствий стихийного бедствия. В жизни государств и народов возможны разнообразные трагические обстоятельства. Маркером негантропной биополитики, отличающей ее от биополитики, проводимой в чрезвычайных обстоятельствах, является хладнокровно-потребительское отношение к человеку.

Рассмотрим экономические и политические институты, характерные для негантропной биополитики. Преобладающей стратегией негантропной биополитики является прагматичное, потребительское отноше-

¹⁶¹ Об этом см.: *Кревельд М. ван.* Указ. соч. С. 82–83.

ние к человеку, а отнюдь не стремление к истреблению людей. Испанцы жаждали серебра, а не смерти индейцев, бельгийцы эксплуатировали конголезцев из алчности, а не ради чистого душегубства, английские сахарозаводчики ввозили рабов на плантации сахарного тростника для увеличения прибыли. «Рабство имело огромное экономическое значение... Рабы сажали тростник, ухаживали за ним, собирали, давили сок и выпаривали его в огромных чанах... Однако сырьем для сахарной промышленности служил не только тростник, но и люди. К 1750 году в английские колонии в Карибском море было перевезено около восьмисот тысяч африканцев, однако уровень смертности был настолько высок, а уровень воспроизводства настолько низок, что число рабов все равно не превышало трехсот тысяч. Опыт позволил барбадосскому плантатору Эдварду Литтлону вывести следующий принцип: плантатор, у которого есть сто рабов, ежегодно должен покупать еще восьмерых или десятерых, „чтобы сохранить свои запасы“...»¹⁶².

В негантропной биополитике обнаруживается собственная политическая экономия. Она основывается на циничном расчете, экстрактивной модели извлечения прибыли, укреплении экстрактивных социальных институтов, социальной дифференциации, усилении репрессивного аппарата, идеологическом прикрытии вмешательства в экономику и мифологизации. Следуя логике М. Фуко, согласно которой «политическая экономия... есть в своем основании то, что позволило утвердить самоограничение правительственных интересов»¹⁶³, можно признать, что негантропная биополитика — следствие неуклонно расширяющейся практики политического интервенционизма правительства.

Существует модель целесообразного экономического (исключительно по необходимости и только рыночными инструментами!), юридического и социального интервенционизма правительства, формирующая «экономико-институциональный, экономико-юридический капитализм»¹⁶⁴. В рамках этой модели «государство, публичная власть всегда вмешивается в экономический порядок в форме закона, и внутри этого закона, если публичная власть эффективно ограничивается этими легальными вмешательствами, может возникнуть экономический порядок, который будет одновременно результатом и принципом своей

¹⁶² Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии. М., 2013. С. 125, 131–132 ; Попов Д. В. Танатальное основание негантропной биополитики // Вопросы управления. 2018. № 4. С. 14–22.

¹⁶³ Фуко М. Рождение биополитики. С. 28.

¹⁶⁴ Там же. С. 223.

собственной регуляции»¹⁶⁵. Подобная политика в конечном итоге создает собственника, имеющего достаточный доход и умеющего экономически планировать жизнедеятельность — человека-предприятие, что, в свою очередь, закладывает здоровую основу для инвестиций в человеческий капитал. Это и есть отправная точка человекоутверждающей (конфирмантропной) биополитики. Основанием конфирмантропной биополитики является homo economicus, «антрепренер себе самому... который сам себе капитал, сам себе производитель, сам себе источник доходов»¹⁶⁶.

Совершенно иначе выстроена политическая экономия негантропной биовласти. Основной проводник негантропной биополитики — экстрактивные экономические и политические институты. Экстрактивные экономические институты направлены «на то, чтобы выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части»¹⁶⁷. Экстрактивные политические институты «концентрируют власть в руках элиты и не ограничивают ее в том, как и на что эта власть может употребляться»¹⁶⁸. Диалектика, «синергия между экстрактивными экономическими и экстрактивными политическими институтами способствует их взаимному укреплению: политические институты позволяют властной элите сформировать экономические институты, которые не накладывают ограничений на саму элиту и препятствуют появлению новых крупных игроков»¹⁶⁹. Вместе они порождают «порочный круг: те, кто выигрывает от сохранения статус-кво, лучше организованы и располагают более значительными ресурсами, что позволяет им блокировать любые важные изменения, угрожающие их экономическим привилегиям и доступу к власти»¹⁷⁰. В результате возникает практически неуязвимая система управления, крайне разрушительно воздействующая на население. Формируется устойчивый вектор негантропной биополитики, благоприятный исключительно для незначительной части населения, интегрированной во власть. Институциональное закрепление основанной на экстрактивности негантропной биополитики довершается формированием пропагандистской машины, эксплуатирующей тематику внешнего врага, национального

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же. С. 285.

¹⁶⁷ *Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты.* М., 2015. С. 89.

¹⁶⁸ Там же. С. 95.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же. С. 123.

единства, народной природы власти, рывка в благополучное будущее и т. д. Наличие латентного конфликта между элитой и населением усугубляет формы негантропии, поскольку вынуждает власть пресекать все возможные попытки полноценно включиться в экономический и политический процесс. Нередко формируются условия — «экономические или фискальные проблемы, отчуждение и сопротивление элит, широко распространенное возмущение несправедливостью, убедительный и разделяемый всеми нарратив сопротивления и благоприятная международная обстановка»¹⁷¹, при которых «общество переходит в состояние неустойчивого равновесия», что при наличии любого неблагоприятного события «может вызвать волну народных мятежей и привести к сопротивлению элит, и тогда произойдет революция»¹⁷².

Но даже демонтаж негантропной биовласти часто не прекращает негантропной биополитики. Одна форма негантропной биополитики способна успешно заменить другую. Экстрактивные политические и экономические институты известны испокон веков. Тем не менее несколько последних столетий привнесли нечто новое в сочетание указанных элементов. С одной стороны, возникли системы, в которых экстрактивность в политике и экономике достигли исторических максимумов. Это и плантаторское хозяйство, основанное на работоторговле, и промышленный капитализм, первые шаги которого были весьма жестоки, и нацизм, и социалистические социальные эксперименты. С другой стороны, в современном мире как никогда ранее выражено стремление к полной ликвидации экстрактивности и организации комфортного пространства жизни человека.

На пути к некровласти

Пространства исключения многообразны. Они ячейки негантропного мира. Попробуем смоделировать развитие уже сложившегося вектора негантропной биополитики, завершающегося становлением некрополитики. На этом пути можно выделить несколько стадий.

1. Образование неформальной иерархической системы суверен — вассал, дополняющей (и даже подменяющей) официальные структуры власти.

2. Формирование систематической «вертикальной политики»¹⁷³.

3. Постепенное углубление раскола в обществе до степени взаимной эксклюзивности власти и населения.

¹⁷¹ *Голдстоун Дж. А.* Революции. Очень краткое введение. М., 2015. С. 35.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ *Weizman E.* Introduction to the politics of verticality. URL: https://www.opendemocracy.net/ecology-politicsverticality/article_801.jsp (дата обращения: 27.01.2021).

4. Перерождение глубинных процессов во власти и форм взаимной эксклюзивности в систему социальных экстрактивных институтов.

5. Максимизация экстрактивности и утверждение некровласти¹⁷⁴.

Процесс протекает в рамках диалектики включения и исключения. Для трансформации биовласти в некровласть, безусловно, «фундаментальной категориальной парой... является не оппозиция друг/враг, а... исключение/включение»¹⁷⁵. Исключение начинается с формирования «включающего исключения» привилегированной группы. Возникновение элит — известный процесс. Наличие элит — неизбежность. Конкуренция элит продуктивна. Однако нас интересует процесс контрпродуктивного для общества обращения элиты в закрытую неформальную структуру, организованную на началах личной преданности и строгого подчинения, которая рассматривает власть по преимуществу как средство достижения собственных целей.

Власти, вставшей на путь обособления и служения себе, присущи собственные законы существования, отличные от декларированных намерений и информационного прикрытия. «„К власти рвутся бандой!“... Власть — это система, в которой не существует индивидуальных игроков, а есть только коллективные. По этой причине любое движение к Власти нужно начинать с поиска „банды“, команды, группы, которая играет во властных играх самостоятельную и значимую роль»¹⁷⁶.

«Банда» устроена соответствующе. «Любая властная группировка, независимо от того, в каком обществе... она существует, строится по одной из древнейших форм Власти — по феодальной. Иными словами, у каждого члена группировки есть в ее рамках всего один „начальник“ (которого мы, по феодальной традиции, называем „сюзерен“), и влияние этого сюзерена ограничивается его первым уровнем вассалов»¹⁷⁷. Конкурирующие между собой «дома» — властные группировки, дифференцированные на «ближний круг» и «шлейф», обособлены от обывателей, законспирированы, сплочены и ясно осознают, что находятся если не на фронте, то близко к нему. Сплоченность, преданность — цемент подобных нефеодальных структур. «Отношения вассал — сюзерен, в некотором смысле, сравнимы по прочности с супружескими и уж точно прочнее

¹⁷⁴ Попов Д. В. Кризис реципрокности: трансформация биополитики в некрополитику.

¹⁷⁵ Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. С. 15.

¹⁷⁶ Хазин М., Щеглов С. Лестница в небо. Диалоги о власти, карьере и мировой элите. М., 2016. С. 18.

¹⁷⁷ Там же. С. 32.

любовных... Отношения вассала и сюзерена — практически пожизненные, переход к другому сюзерену возможен лишь с согласия предыдущего, и то лишь в рамках одной „феодальной вертикали“»¹⁷⁸.

Как только в борьбе за власть начинают преуспевать властные группировки, организованные по образцу феодального дома, возникают условия для появления и иных форм, характерных для феодализма. Восприятие публичного пространства как вотчины приводит к диктату выделенных групп, обособляющихся от населения и рассматривающих его (или некоторые его части) как крепостных (чернь). Обособление проявляется в том числе в особом самопозиционировании, выражающемся в «непогрешимости» суждений и решений. Постколониальные «командования» стремятся достичь легитимности и неоспоримого господства на путях собственной фетишизации: «В постколониальном мире командование стремится институционализировать себя, чтобы достичь легитимации и гегемонии... в форме фетиша. Знаки, лексика и нарратив, которые исходят от командования, не просто символы; они официально преисполнены избытком смысла, не подлежат обсуждению и официально запрещены для толкования или оспаривания»¹⁷⁹.

Возникающая взаимная эксклюзивность власти и населения способна привести к широкомасштабной «вертикальной политике». Крайняя форма вертикальной политики — «вертикальный суверенитет», приводящий к «расщепленной оккупации». Описывая взаимодействие первого и третьего мира на примере Израиля и Палестины, территориально сопряженных, но разобщенных политически, экономически, культурно и даже инфраструктурно, Э. Вайцман отмечает: «Первый и третий миры рассредоточены в разрозненной мозаике — территориальной экосистеме внешне отчужденных, внутренне гомогенизированных анклавов, расположенных рядом, внутри, выше или ниже друг друга... Оккупированные территории рассматриваются уже не как двумерная поверхность, а как обширное трехмерное пространство, расслоенное на стратегические, религиозные и политические страты»¹⁸⁰. А. Мбембе дополняет вышесказанное: «В этих условиях колониальная оккупация не только сродни контролю, наблюдению и отделению, но и равносильна

¹⁷⁸ Там же. С. 43.

¹⁷⁹ Mbembe J.-A. Provisional notes on the postcolony. URL: <https://studentportalen.uu.se/uuspflearea-tool/download.action?nodeId=1427873&toolAttachmentId=288520> (дата обращения: 27.11.2020).

¹⁸⁰ Weizman E. Introduction to the politics of verticality. URL: https://www.opendemocracy.net/ecology-politicsverticality/article_801.jsp (дата обращения: 27.01.2021).

изоляции. Это раздробленная оккупация, соответствующая раскалывающему урбанизму, характерному для поздней современности (где сочетаются пригородные анклавы и закрытые сообщества)»¹⁸¹.

Таким образом, взаимная эксклюзивность в условиях вертикального суверенитета выражается в сосуществовании в условиях организованного социального пространства пространств обособления. Выделение обособленных «экосистем власти», общего пространства и «гетто отверженных» нарушает жизненно важные формы социального баланса, связанные с интуитивными, законодательно и культурно оформленными представлениями о справедливости.

Имплозия конструктивных форм взаимодействия ведет к развитию системы социальных экстрактивных институтов. Экономические экстрактивные институты усиливают несправедливый обмен в обществе. Политические экстрактивные институты закрепляют статус-кво. Маховик экстрактивности раскручивается, взаимная эксклюзивность социальных групп, лидеров и аутсайдеров достигает катастрофических масштабов: исключение становится правилом, инклюзия — исключением из правил.

Максимизация экстрактивности напрямую ведет к утверждению некровласти. Именно такие условия способствуют стремительному качественному изменению биополитики. Если в ней еще оставался конструктивный потенциал, то он сворачивается, если негантропная биополитика была умеренной, то инфляция взаимодействия власти и населения стремительно усиливает давление на стигматизированные группы и превращает их существование в невыносимое. Пределом негантропной биополитики становится некрополитика, проводимая некровластью (А. Мбембе: *necropower — the power of death*). **Некровласть функционирует «в интересах максимального уничтожения людей и создания миров смерти — новых и уникальных форм общественного бытия, в которых массы населения помещаются в условия жизни, придающие им статус живых мертвецов»**¹⁸².

Кейс Руанды

Яркой иллюстрацией нисходящей спирали негантропной биополитики являются события 1994 г. в Руанде. Руанда — занимающая скромную территорию чрезвычайно густонаселенная африканская

¹⁸¹ Mbembe J.-A., Meintjes L. Necropolitics. URL: https://warwick.ac.uk/fac/arts/english/currentstudents/pg/masters/modules/postcol_theory/mbembe_22necropolitics22.pdf (дата обращения: 27.11.2020).

¹⁸² Там же.

страна. Благоприятный климат, плодородные почвы, низкий уровень тропических болезней создали условия для жизни в этом регионе. Обретя независимость, Руанда встала на путь экстенсивного развития сельского хозяйства. Бурный рост населения, с одной стороны, и малоэффективная аграрная экономика — с другой, стали причинами «наихудшего развития мальтузианского сценария»¹⁸³. Видимой причиной широкомасштабного геноцида в Руанде был нерешенный застарелый конфликт между племенами хуту и тутси. Скотоводы тутси (15% населения) имели социальные преимущества по отношению к земледельцам хуту (85%). В условиях кризиса, вызванного засухой, на фоне борьбы за власть тутси и хуту, имеющих сформированные годами страхи и предрассудки в качестве бэкграунда, резня в Руанде вспыхнула мгновенно и унесла жизни около 1 млн человек (в основном тутси). Однако более весомым элементом причинного основания геноцида является биополитический кризис, в котором переплетаются демографические, экологические, экономические и политические составляющие. Возрастающая перенаселенность Руанды привела к катастрофической нехватке земли, предельному сокращению земельных наделов, внутрисемейным и общинным конфликтам, судебным тяжбам, чрезвычайному росту социальной напряженности, существенному ухудшению экологической обстановки, обвальной деградации жизненных условий как для хуту, так и для тутси. Демографический взрыв подорвал экологические ресурсы Руанды. Экономика и политика довели ситуацию до социального коллапса.

Руанда — страна, специализирующаяся на сельскохозяйственной продукции, а значит страна, зависящая от ухудшающейся конъюнктуры цен в силу значительной конкуренции на сельскохозяйственном рынке. «Страны, поставляющие сырье другим странам, рано или поздно окажутся в ситуации, когда отдача их деятельности станет убывающей. Закон убывающей отдачи гласит, что если один производственный фактор имеет природное происхождение... то рано или поздно увеличение вложений капитала и (или) труда приведут к производству все меньшего количества продукции на единицу труда или капитала»¹⁸⁴. Увы, «страны, специализирующиеся на видах деятельности с убывающей отдачей, начинают „специализироваться“ на бедности»¹⁸⁵.

¹⁸³ Даймонд Дж. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М., 2008. С. 452.

¹⁸⁴ Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 138.

¹⁸⁵ Там же. С. 141.

Неспособность стимулировать развитие иных, не аграрных секторов экономики, потворство развитию негативного экономического сценария в стране, эскалация межплеменного конфликта завели страну в тупик. В результате уже после резни 1994 г. «можно нередко услышать, как руандийцы утверждают, что война была необходима, чтобы уничтожить избыток населения и привести его численность в соответствие с имеющимися земельными ресурсами»¹⁸⁶. Сам же биополитический кризис, в ходе которого хуту убивали как тутси, так и зажиточных, по меркам Руанды, хуту, а тутси убивали хуту, стал манифестом борьбы за выживание, в ходе которой «люди, чьи дети вынуждены были ходить в школу босиком, убивали тех, кто мог купить своим детям обувь»¹⁸⁷.

Африка дала миру целую галерею режимов, реализующих различные модификации негантропной биополитики. Достаточно вспомнить режимы Ж.–Б. Бокассы (ЦАР), М. Сесе Секо (Заир-ДРК), И. Амина (Уганда), Г. Эйадемы (Того), лидера Социалистической Эфиопии М. Х. Мириама. В каждом случае с разной степенью интенсивности диктаторы разрушали экономику собственной страны и создавали невозможные условия жизни для населения. Современные ЦАР, ДРК, Эфиопия, Сьерра-Леоне, Либерия, а равно мезоамериканское Гаити (после режимов «Папы Дока» и «Бэби Дока» Дювалье) или азиатская Камбоджа (после режима Пола Пота) — беднейшие страны мира с незарубцевавшимися следами жестоких социальных экспериментов. Каждому режиму были свойственны авторитаризм, экономическая несостоятельность, волюнтаризм, кровожадность. В каждом случае политические администрации занимались «вивисекцией» социального организма собственного государства.

Общим для биовласти, проводящей негантропную биополитику, оказывается высокая норма экстрактивности, поддерживаемая высоким уровнем насилия со стороны государства. Это открывает путь к некрополитике.

Некрополитика

«Доходяга» — образ, к сожалению, повторяющийся в мировой истории. Доходяг можно было увидеть в концентрационных лагерях Германии, в советском ГУЛАГе, в испанской Америке на серебряном руднике в Потоси, на плантациях хлопка в рабовладельческих южных штатах

¹⁸⁶ Даймонд Дж. Указ. соч. С. 449.

¹⁸⁷ Там же. С. 453.

США, на сборе сахарного тростника на Эспаньоле, Ямайке или Кубе, в бельгийском Конго или германской Намибии, в английских концентрационных лагерях времен англо-бурской войны. Везде, где существовало узаконенное рабство, а равно любые замещающие его формы, обнаруживаются доходяги. Конечно, не всякая форма зависимости приводила к опасной грани между жизнью и смертью, но всякая форма зависимости содержит в себе подобный потенциал. Одно и то же существо, доведенное до состояния «голой жизни», становилось частью экономической системы различных обществ. Доходяги — мирмидоняне наоборот — люди, редуцированные до муравьев.

Иногда сходство с муравьями значительно. Бросается в глаза исключительное внимание трудовой деятельности и ограничения в сексуальной жизни обитателей лагерей. Именно эти особенности характерны для рабочих муравьев (или термитов). Их жизнедеятельность — фуражирование, благоустройство муравейника, уход за потомством — во многом копируется «человьями» (А. А. Зиновьев). Однако уместна лишь аналогия. Человеческое сообщество, каким бы оно ни было, всегда остается человеческим. «Животное — не более чем раб, придавленный к земле... А человек — первый вольноотпущенник творения; он ходит выпрямившись. В нем — весы, на них взвешивает он добро и зло, истину и ложь; он может искать, он может выбирать... человек — царь; таков он в своей вольности, таков и тогда, когда злоупотребляет своей свободой. У него право выбирать, даже выбирать и все самое скверное; и он повелевает себе, даже обрекая себя на все самое низкое, по своему выбору»¹⁸⁸.

В человеческом сообществе руководит мысль, какой бы извращенной она ни была. Однако даже у муравья в муравейнике свободы больше, чем у чело­вья в лагере смерти. Рабочие муравьи, например, могут убить матку, недостаточно эффективно справляющуюся с репродуктивной функцией, и заменить ее другой. Муравьи-солдаты и муравьи-рабочие не антагонисты. Муравья никто не удерживает от побега из муравейника, но он и не бежит оттуда. Муравей жертвует собой ради муравейника инстинктивно, а «человья» приносят в жертву исходя из соображений экономической целесообразности выживания большого, за пределами пенитенциарного «человеяника» (А. А. Зиновьев), общества. Худшие разновидности «человеяников» — лагеря смерти, конвейеры истребления людей, никогда не желавших там очутиться.

¹⁸⁸ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. Ч. 1. М., 1977. С. 102–103.

Именно такие социальные пространства являются средоточиями некрополитики. Некрополитика носит комплексный характер. Она трансформирует человека, его облик, сознание, когнитивные привычки и социальное пространство, в которое включен человек. Некрополитика превращает человека в парию, жертву, в пределе — доходягу. Она помещает человека в вакуум отсутствия информации, создает барьеры между ним и обществом, сжигает мосты ресоциализации, окружает изгоя аурой порочности, ставит клеймо отверженности. Само социальное пространство «раба» искажено. Изгой не живет в обществе. Пространство изгойства можно назвать скоплением людей (номинальные общности П. Сорокина), но нельзя считать полноценным социумом. Изгойство сплетено особым жизненным укладом, языком, ритуалами. А. И. Солженицын, развивая метафору архипелага (архипелаг ГУЛАГ), пишет о туземцах-островитянах, населяющих его. «Наши туземцы занимают вполне определённую общую территорию (хотя и раздробленную на острова...), где другие народы не живут. Экономический уклад их однообразен до паразитичности: он весь исчерпывающе описывается на двух машинописных страницах (котловка и указание бухгалтерии, как перечислять мнимую зарплату зэков на содержание зоны, охраны, островного руководства и государства). Если включать в экономику и бытовой уклад, то он до такой степени единообразен на островах (но нигде больше!), что переброшенные с острова на остров зэки ничему не удивляются, не задают глупых вопросов, а сразу безошибочно действуют на новом месте („питаться на научной основе, воровать как сумеешь“). Они едят пищу, которой никто больше на земле не ест, носят одежду, которой никто больше не носит, и даже распорядок дня у них — един по всем островам и обязателен для каждого зэка... Единства науки и изящной литературы мы не можем требовать от зэков по той причине, что у них нет письменности... Именно ясно выраженный народный характер сразу замечает исследователь у зэков. У них есть и свой фольклор, и свои образы героев»¹⁸⁹.

Социум «человья» носит искусственный характер, он смоделирован по лекалам, удобным для надзора, контроля, производства, но не для жизни. Искусственный «человек» антропо-не-соразмерен. Совершенно не случаен прототип лагерей будущего — Паноптикон И. Бентама. Паноптичность, прозрачность, обозримость пространства, предсказуемость событий, подконтрольность — характеристики идеальной точки для наблюдателя за скоплением «человьев». Искусственная, синтетиче-

¹⁸⁹ Солженицын А. И. Собр. соч. : в 30 т. Т. 5. Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования. Ч. III–IV. М., 2010. С. 403–405.

ская среда — отнюдь не жилище для «человья», а транзитная зона — вечный временный порядок пребывания вне нормальной среды обитания. Этот транзитный терминал — точка для перемещения в зону трудовой деятельности (а иногда и вовсе в неизбежную смерть). Искусственно и условно все, окружающее «человья». Баланда — карикатура на человеческую пищу, нары — на место отдыха. Окружающее «человья» искусственно в силу искусственности самого «человья» — человека, редуцированного до примитивных потребностей и образа жизни. «Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства» — лагерный плакат из «Колымских рассказов» В. Шаламова. Свободный ли это труд? Скорее, это новое крепостное право: «Весь главный смысл существования крепостного права и Архипелага один и тот же: общественные устройства для принудительного и безжалостного использования дарового труда миллионов рабов»¹⁹⁰.

Крайней формой некрополитики является планомерное истребление людей. Социальной формой организации подобного процесса стал концентрационный лагерь, методом истребления — систематический гомцид. Крайней степенью деградации человека накануне смерти стало так называемое состояние *der Muselmann* (Дж. Агамбен). Это состояние характеризуется окончательным расчеловечиванием и редукцией к «голой жизни» — последнему биологическому пределу человека, в котором практически угасло сознание, но еще не прекратились инстинктивные реакции. «На лагерном жаргоне он зовется *der Muselmann*, мусульманин. В так называемом *Muselmann* — на лагерном языке этим словом называли узника, оставившего всякую надежду и оставленного товарищами, угасала та область сознания, в которой противостоят друг другу добро и зло, благородство и низость, духовность и бездуховное. Он превращался в ходячий труп, в средоточие физических функций агонизирующего тела»¹⁹¹. Расчеловеченное состояние *der Muselmann*, описанного П. Леви, а вслед за ним Дж. Агамбеном — кульминация некрополитики.

Конфирмантропная биополитика

Конфирмантропная (человекоутверждающая) биополитика — направление биополитики, для которого приоритетны человекоберегающие технологии. Человек не просто ресурс, но ценный ресурс. Конфирмантропная биополитика инвестирует в население, играет в долгую и всерьез, рассчитывая на возрастающую отдачу. Она формирует человека-предприятие —

¹⁹⁰ Там же. С. 118.

¹⁹¹ Агамбен Дж. *Номо sacer. Что остается после Освенцима*. М., 2011. С. 43–44.

драйвер экономического роста. Конфирмантропная биополитика ставит на инклюзивные социальные институты. Инклюзивные социальные институты вовлекают население в политику и экономику и обеспечивают сравнительно равномерное распределение ресурсов¹⁹².

«Мы будем называть инклюзивными политические институты, которые являются одновременно достаточно плюралистическими и централизованными»¹⁹³. Сосредоточение государства на приоритетах увеличения продолжительности жизни, защите материнства и детства, качестве и доступности образования и медицинского обслуживания, поддержке здорового образа жизни, увеличении доходов населения (вплоть до введения безусловного базового дохода) демонстрирует положительный биополитический потенциал государства, делающего ставку на жизнеспособность и энергию населения. Такой биополитике соответствуют инклюзивные политические и экономические социальные институты.

«Инклюзивные экономические институты появляются в результате работы инклюзивных политических институтов, которые распределяют власть среди широкого круга граждан и накладывают ограничения на ее произвольное применение. Они также затрудняют узурпацию власти какой-либо одной группой и препятствуют разрушению собственных основ... Инклюзивные экономические институты тем временем распределяют доходы и активы среди более широкого круга лиц, что обеспечивает устойчивость инклюзивных политических институтов»¹⁹⁴. Инклюзивные институты запускают циклический процесс усиления благотворной биополитики: «Инклюзивные институты... запускают свой собственный „круг благоразумия“ (virtuous circle) — механизм самовоспроизводства и самоусиления»¹⁹⁵.

Инклюзивные социальные институты имеют неоспоримое преимущество, поскольку конструктивно используют человеческий потенциал для достижения общественных целей, соответствующих индивидуальным целям отдельных граждан. Создание институтов, рассчитанных на систематические инвестиции в население, формирует конфирмантропный вектор развития.

¹⁹² Попов Д. В. Амбивалентность биополитики в современном мире // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 4. С. 35–39. (Здесь и далее использованы идеи, систематически изложенные в указанной статье).

¹⁹³ Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. С. 95.

¹⁹⁴ Там же. С. 94–96.

¹⁹⁵ Там же. С. 130.

Биополитика разнообразна в своих проявлениях. «Индекс качества жизни», «индекс счастья» — тоже биополитика. Р. Брегман отмечает, что новые показатели, обсчитывающие самые разные стороны бытия человека, вытесняют односторонний ВВП. «Идея, будто ВВП по-прежнему является точной мерой общественного благосостояния, — один из самых распространенных мифов нашего времени. Даже политики, которые спорят между собой буквально обо всем, всегда соглашаются на том, что ВВП должен расти»¹⁹⁶. Но «настала пора для нового набора показателей. Так какие у нас есть альтернативы? Два претендента — индикатор подлинного прогресса (ИПП) и индекс устойчивого экономического благосостояния (ИУЭБ), учитывающие загрязнение, преступность, неравенство и добровольную работу»¹⁹⁷.

Стратегии, важные в эпоху войн и подготовки к ним, в мирное время уступают конструктивным программам взаимодействия. Ожесточенная конкуренция вытесняется моделями поиска взаимных выгод и компромисса. В основе долгосрочной биополитической стратегии лежит определенное отношение к человеку. Представляется, что это отношение включает в себя определенную экономию человеческих ресурсов, бережное отношение к человеку, жалость. Государство не просто не должно быть «великой разбойничьей организацией» (Августин Аврелий), оно должно приближаться к форме «собираательно-организованной жалости» (В. С. Соловьев). Ставки на «надрыв», «рекорд», перманентную эксплуатацию человека на пределе возможностей если и дают рост, то заставляют платить за это чрезмерную цену.

Можно поставить во главу угла экономический рост любыми средствами. Но «если мы и дальше будем продолжать в том же духе, то пусть из экономики мы душу до конца и не вынем, но она может обрести свой собственный *telos* (смысл) и начнет функционировать по-своему, а не так, как нам хотелось бы. Нравственный вакуум заполнит иная (возможно, нечеловеческая) мораль»¹⁹⁸. Т. Седлачек настаивает на том, что экономику определяет антропологическая модель, заложенная в ее основание. Важность экономической антропологии как составляющей метаэкономики задает форму экономической жизни. При этом «экономика может успешно функционировать не в самых важных сфе-

¹⁹⁶ Брегман Р. Утопия для реалистов: как построить идеальный мир. М., 2018. С. 45.

¹⁹⁷ Там же. С. 49.

¹⁹⁸ Седлачек Т. Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит. М., 2016. С. 499.

рах нашей жизни. А что касается вопросов здоровья, любви, смерти, банкротства государств, то тут явно действуют другие, более общие правила»¹⁹⁹.

Систематическое пренебрежение человеком способно породить уродливые формы «организованной безжалостности». «Вивисекция» социального организма усиливает негантропную биополитику, порождая покорность, предрассудки, страхи, контрпродуктивные социальные практики. Однако «духовные законы и запреты связуют всех людей, в том числе и тех, которые отвергают их или издеваются над ними. Человеку дана свобода отвергать их и попираť их; но никогда еще человек и народ, идущий по этому пути, не вел на земле достойной, творческой и прекрасной жизни; напротив, все они разлагались душевно, впадали в общественный беспорядок и смуту и исчезали в духовном небытии»²⁰⁰.

Итак, биополитика обладает амбивалентным потенциалом. Основываясь на прагматичном отношении к населению как к ресурсу достижения собственных целей, биовласть тем не менее демонстрирует существенные различия в степени и характере использования столь драгоценного ресурса. В случае конфирмантропной биополитики устанавливается взаимовыгодное сотрудничество между биовластью и населением. Вовлечение населения в экономические и политические процессы способствует достижению целей биовласти и одновременно приносит выгоду населению. Напротив, в рамках негантропной биополитики экстрактивные социальные институты исключают из социальных взаимодействий ту или иную часть населения, обращая ее в средство получения выгоды в условиях минимальной пользы для самих людей. Крайние формы негантропной биополитики приводят к некрополитике, для которой сознательное истребление людей становится нормой. Биополитика в этом пределе своей трансформации становится танатополитикой.

¹⁹⁹ Там же. С. 503

²⁰⁰ Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. Т. 1. М., 1996. С. 69.

ГЛАВА II. БИОВЛАСТЬ КАК СУБЪЕКТ УПРАВЛЕНИЯ ЖИЗНЬЮ

§ 1. Человек как предмет биополитического управления (антропологические основания биополитики)

Инклюзия/Эксклюзия

Биополитика, являясь приложением политических программ, инструментов и технологий к управлению жизнью человека, в течение последнего столетия превратилась во властную форму организации жизни людей. Биополитика в качестве научного, рационально-технического и бюрократического управления биологической жизнью людей стала способом контроля, модификации, даже производства человека. Реализуя императив усиления государства, биополитика в своих радикальных формах организует жизнь как конвейер, на котором собирается человек¹.

Биополитические стратегии отличаются во многих отношениях. Материальное благополучие, продолжительность жизни, мироощущение, эстетический вкус, состояние правосознания — любая сторона межчеловеческих отношений опосредуется биополитикой. Вместе с тем внешняя радикальная несхожесть благополучных и неблагополучных обществ имеет фундаментальное различие. Полагаем, это различие можно понять, анализируя соотношение инклюзивных и эксклюзивных процессов, происходящих в социуме. Эксклюзия и инклюзия комплементарны друг другу и формируют точки общественного разрыва, внося дискретность в социальный континуум. Социальная дифференциация и интеграция основываются на формах инклюзии/экслюзии.

¹ Попов Д. В. Биополитический эквивалент человека: от унтерменша до сверхчеловека, от хоббита до орка // Евразийский юридический журнал. 2019. № 9. С. 434–441. Здесь и далее использованы идеи, систематически изложенные в указанной статье.

«Инклюзию следует понимать как форму, внутренняя... сторона которой характеризуется как шанс на социальное признание лиц»². Инклюзия — механизм включения, встраивания человека в существующую мозаику социальных отношений. Инклюзивные «двери» и «лифты» — сеть входов в многомерное социальное пространство. Чем больше таких сложившихся точек доступа, тем легче человеку выбрать социальную траекторию на основании своих предпочтений.

Вместе с тем инклюзия эксклюзивна. Включение в любое отношение предполагает признание и наделение отличительными признаками, которыми не обладают исключенные. Однако сам характер требований, сопровождающих инклюзию, различен. Граница инклюзии/эксклюзии может быть пропастью, непреодолимой стеной, а может являться преодолимым препятствием, допускающим трансгрессию. В этом конструктивном смысле «общественная система предусматривает индивидуальные лица и указывает им места, в пределах которых они... могут уютно чувствовать себя в качестве индивидов»³. Многочисленные положительно определенные отобранные сообщества дифференцируются эксклюзией — отрицательным отбором, отбраковкой. Существование отрицательно отобранных неинтегрируемых лиц или групп оформляет внутригрупповую социальную дифференциацию. Эксклюзия наделяет тех или иных лиц статусом отверженных и они, подобно тому, как «неприкасаемые образуют символический коррелят для построения порядка инклюзии через заповеди порядка и чистоты»⁴, обозначают точки, порядок и критерии перехода границы инклюзии/эксклюзии. Характерной особенностью различных биополитических стратегий является то, каким способом человек осуществляет инклюзию и каким образом он подвергается эксклюзии: временно или навсегда, обусловлено или безотносительно, здесь или повсеместно. На наш взгляд, формы инклюзии/эксклюзии определяют содержание и специфику всякого биополитического проекта. От ответа на вопрос о том, в какой форме предоставляется шанс на социальное признание, зависит содержание биополитической стратегии в обществе.

Отнесенность/отделенность

Всякая биополитическая стратегия целенаправленно или спонтанно исходит из определенной модели человека. Действительно, как можно рассчитывать на усиление мощи государства, если не знаешь, какими ты

² Луман Н. Дифференциация. М., 2006. С. 35.

³ Там же. С. 36.

⁴ Там же. С. 35.

желаешь видеть своих граждан, на чьи возможности можно рассчитывать, кто способен принести пользу. Антропологическая модель человека выступает точкой сборки биополитического проекта. Биополитика в своей политической части является намеренным воздействием на человека в целях трансформации его жизни в желательном для государства направлении. Моделирование, даже «изготовление» человека — неотъемлемая сторона биополитики. Однако представлять человека можно различным образом.

Биополитика начинается с отдельно взятого индивида. И для этого выделим крайне важные для разворачивания биополитической стратегии особенности человека. С одной стороны, человек — биосоциальное существо, и он неразрывно связан с другими людьми. «Всякий и каждый человек одновременно отделен от своих собратьев и связан с ними. Подобная отделенность и отнесенность являются взаимно необходимыми постулатами. Личностная отнесенность может существовать только между существами, которые отделены, но не изолированы друг от друга»⁵. С другой стороны, «мы не изолированы, но и не являемся частями общего и того же физического тела... наша отнесенность, как и наша отделенность, представляет собой сущностный аспект нашего бытия, однако никакая отдельная личность не является необходимой частью нашего бытия»⁶. Основу социальных форм инклюзии/эксклюзии составляет баланс отнесенности/отделенности индивидов. Должное их соотношение дает взаимность, порождающую прочную, гибкую, взаимную, конструктивную социальную связь. Нарушение баланса влечет патологию — индивидуальную и социальную.

Сбалансированные социальные отношения порождают онтологически защищенную личность. «У человека должно быть ощущение своего присутствия в мире как реальной, живой, целостной и, во временном смысле, непрерывной личности. Как таковой, он может прожить в мире и встречаться с другими людьми: мир и другие люди будут переживаться при этом как одинаково реальные, живые, целостные и непрерывные»⁷. Онтологически защищенная личность сумеет справиться с жизненными невзгодами, сохраняя собственную идентичность. Это имеет крайне важное значение. На наш взгляд, самые продуктивные формы конфирмантропной биополитики нацелены на формирование онтологически защищенной личности.

⁵ Лейнг Р. Разделенное Я. Киев, 1995. С. 26.

⁶ Там же. С. 27.

⁷ Там же. С. 47.

Но так происходит не всегда. Различные причины (например, психотравмирующая атмосфера семьи в формате Double Bind, как ее теоретически описал Г. Бейтсон) влекут рассогласование в восприятии человеком самого себя, других, отношений между Я и Другим. С человеком может случиться так, что «с него содрали все, что составляет человека, оставив лишь абстрактную принадлежность к человечеству, что, подобно скелету, никогда полностью человека не составляет»⁸.

Характеризующееся онтологической незащищенностью мироотношение влечет утрату меры между отнесенностью и отделенностью Я и Другого, что порождает тяготение индивидуума к крайним полюсам изоляции и слияния. Так, человек в шизоидном состоянии испытывает страх полного слияния с Другим, якобы способным захватить его личность, и выстраивает такой тип отношений, при котором собственное подлинное Я изолируется и маскируется ложным Я, которое коммуницирует с Другим. Опасность поглощения Другим со временем возрастает, что, в свою очередь, усиливает изоляцию вплоть до полного безнадежного одиночества. «Основным маневром, используемым для того, чтобы под давлением страха поглощения сохранить свою идентичность, является изоляция. Так, на место полярностей отделенности и отнесенности с другими людьми, основанных на индивидуальной автономии, становится антитезис между полной утратой бытия вследствие погружения в другого человека (engulfment) и совершенным одиночеством (isolation)»⁹. Патология препятствует установлению сбалансированной связи с Другим на началах взаимности. Я, патологически настроенное на расщепление как основной ориентир жизни, воспринимает даже свое собственное тело как чужеродную оболочку — «скафандр». Я выстраивает свою собственную психическую жизнь как сложное сочетание Я-для-себя и Я-для-других, в результате чего происходит крах взаимодействия с людьми, а человек превращается в тюрьму, которая заключает Я в самом себе. Потаенное Я, встроенное в оболочку притворного Я, теряется в безжизненной, пронизанной страхом пустоте, окончательно самоизолируясь в процессе такой психической инволюции.

Если воспользоваться предложенным Дж. Агамбеном понятием *homo sacer*, введенным для идентификации человека-парии, то человек, утративший в себе меру связи Я и Другого — *homo sacer*, отверженный собой как Другим, он тот, кого «можно убить, но нельзя принести в жертву», его «человеческая жизнь включена в существующий строй только через ее исклю-

⁸ Там же. С. 49.

⁹ Там же. С. 56.

чение»¹⁰. В крайней точке кататонии окончательно самоизолированного безумца, подобно насекомому в акте танатоза (акинеза), фальшиво умершему для всех, и безжизненной заторможенности *der Muselmann* (этого описанного Агамбеном «ходячего трупа» концлагеря) жертвы внутреннего и внешнего психотравмирующего процесса совпадают.

Модель распада меры в отнесенности/отделенности Я и Другого можно спроецировать как на индивида, так и на биополитические стратегии, на определенные социальные группы, даже на общества определенного типа.

*Реципрокность*¹¹

Одним из жизненно важных явлений древних культур явилось равновесие — гомеостаз — устойчивое гармоничное взаимодействие людей как с внешней средой, так и в пределах среды социальной. Например, в культуре Бали равновесие — центральный принцип организации жизненного пространства. «Анализируя балийский этос, мы отметили постоянно встречающиеся ценности: а) ясного и статичного определения статуса и пространственной ориентации; б) баланса и движений, способствующих балансу. В целом кажется, что балийцы распространяют на человеческие отношения тенденции, базирующиеся на телесном балансе; они также обобщают ту идею, что движение — сущность баланса...»¹². Поиск баланса проявляется в культуре балийцев повсеместно: в любви к церемониям, в ритуалах взаимодействий, в осознании своего места в социальной иерархии, в сложной регламентации поведения участников ссоры, направленной на минимизацию последствий, наконец, в воспитании, в котором повышенное внимание уделяется навыкам бесконфликтного поведения. «Балийское общество не схизмогенно... и мы знаем, как их неприязнь к схизмогенным паттернам выражается в многочисленных деталях социальной организации»¹³. Навыки баланса позволяют балийцам устанавливать комплементарные, взаимно дополняющие отношения, что позволяет преодолевать соперничество, конфликт.

Построение подстраивающихся, дополняющих, комплементарных поведенческих моделей — черта многих древних, в том числе примитивных обществ. Однако примитивность в данном случае сопряжена с разумом.

¹⁰ Агамбен Дж. *Nomo sacer*. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011. С. 16.

¹¹ Попов Д. В. Кризис реципрокности: трансформация биополитики в некрополитику // *Философия права*. 2019. № 1. С. 91–100. (Здесь и далее в данном разделе использованы идеи, систематически изложенные в указанной статье).

¹² Бейтсон Г. *Экология разума*. Избранные статьи по антропологии и эпистологии. М., 2000. С. 118.

¹³ Там же. С. 110–112.

Схизмогенез как развитие отношений различных групп в случае прямой конкуренции за одни и те же ресурсы и с использованием одних и тех же моделей поведения способен привести к губительным для сторон последствиям. Принцип комплементарности способен привести к мирному сосуществованию, предотвратить войну. Именно поэтому бытие примитивного общества основывается на *реципрокности*, которая представляет собой «взаимный, имеющий институализированный характер и производимый по нормативно обусловленной процедуре обмен услугами и материальными ценностями между людьми, связанными комплексом прав и обязанностей»¹⁴. Более того, среди форм реципрокности, характерных для примитивного общества, центральное значение имеют генерализованная и сбалансированная реципрокность. Социальные и экономические отношения в примитивном обществе синкретичны, жизненно важное состояние мира и безопасности в группе и даже межгрупповом взаимодействии достигается взаимностью, основу которой составляет дар и щедрость. Поразительно, но «здесь лидерство выступает как высшая форма родства и, следовательно, высшая форма реципрокности и щедрости... Вождь... должен не просто делать все хорошо — он должен стараться делать все лучше остальных, и этого ожидает от него группа. Каким же образом вождь удовлетворяет этим требованиям? Первое и самое главное орудие его власти — щедрость. У большинства примитивных народов... щедрость является центральным атрибутом власти»¹⁵. Щедрость и безвозмездный дар, не требующий отдачи, Евангелие экономики каменного века, отдаленный предшественник любви к ближнему христианской культуры.

Однако следует признать, что щедрость и дар, реципрокное взаимодействие отнюдь не пережиток прошлого. Именно реципрокность позволяет соблюсти меру между отделенностью и отнесенностью Я и Другого (в модальности Вы (Ты)) в современном мире. Реципрокность восстанавливает баланс между автономией индивидов и их социальной связанностью. Реципрокность постоянно пересобирает отношения между людьми на конструктивной основе, не позволяя им вырождаться в формально-отстраненные интеракции.

Я–Ты/Мы–Они

Различные способы комбинирования отделенности/отнесенности индивидов порождают спектр возможностей, которые можно свести к двум полюсам: модели *Я–Ты* и модели *Мы–Они*. Обе модели могут со-

¹⁴ Салинз М. Экономика каменного века. М., 1999. С. 97.

¹⁵ Там же. С. 127.

вместиться, когда речь идет об обществе, в котором сильны внутренние связи и одновременно процветает ксенофобия в отношении «чужих». Например, одни и те же качества могут рассматриваться как добродетели у «своей группы» (in-group — в терминологии Р. Мертона¹⁶) и пороки у «чужой группы» (out-group). Что прекрасно у «своих», безобразно у «чужих». Пороки «своих» простительны, «чужих» — омерзительны. Одно и то же оценивается диаметрально противоположно, попытка трезво сравнить вызывает отторжение.

Возможно, такая модель — первичная структура древнейших человеческих сообществ. «Во все периоды жизни люди испытывали столь же сильное желание делить, классифицировать других людей по двум искусственно сформированным категориям. Похоже, мы чувствуем себя комфортно, только когда можем разделить остальное человечество на членов и не-членов, родственников и чужаков, друзей и врагов. Эрик Эриксон писал о повсеместной склонности людей к псевдокатегоризации, к сведению чуждых обществ к статусу низшего вида, состоящего из не-людей, которых можно унижать без угрызений совести. Даже спокойные бушмены Калахари называют себя !Kung — „единственные люди“»¹⁷. Вместе с тем биополитические стратегии тяготеют к тому или иному полюсу как идеал-типической форме отношений между людьми — норме, принятой в обществе.

Основание *конфирмантропной* (человекоутверждающей) биополитики составляет модель Я–Ты, в которой Ты мыслится как Другой, но не Чужой и Враждебный. Данная модель поддерживает представление о том, что Я и Другой одновременно отделены друг от друга и связаны между собой.

Конфирмантропная биополитика исподволь поддерживает идею *онтологически защищенной* личности. Конфирмантропная биополитика формирует мир онтологически защищенных людей, совместно непрерывно пересобирающих социальную среду собственного существования. Эта среда предполагает социальную дифференциацию, но по сути своей носит характер *инклюзивный*. Социум устроен так, что вовлекает людей во взаимодействия, предлагает людям ниши, в пределах которых они могут обустроить комфортную среду собственного существования. Эксклюзия — эта неизбежная оборотная сторона инклюзии в дифференци-

¹⁶ Мертон Р. Самоисполняющееся пророчество (Теорема Томаса). URL: <http://socioline.ru/pages/r-merton-samoispolnyayuscheesya-prorochestvo-teorema-tomasa> (дата обращения: 02.11.2020).

¹⁷ Уилсон Э. О. О природе человека. М., 2015. С. 117–118.

рованном обществе — не носит фатальный характер, не выступает формой отбраковки, изгойства. *Конфирмантропная* биополитика дает шанс на социальное признание.

Напротив, антропологическая модель Мы–Они переворачивает соотношение инклюзии и эксклюзии. Точкой сборки социального становится Чужой, Исключенный, Отверженный. Негантропная биополитика эксплуатирует выгоды превращения в процессе систематического травмирования части населения в онтологически незащищенных людей, сомневающих в полноте своих прав и даже полноценности.

Характерным индикатором приоритета эксклюзии является господство в обществе *экстрактивных*, а не инклюзивных социальных институтов. Если инклюзивные социальные институты вовлекают население в политику и экономику и обеспечивают относительно равномерное распределение ресурсов, то экстрактивные институты раскалывают общество на бенефициаров от политики и экономики и «неудачников». Инвестиции в население требуют долготерпения. Лишь в таком случае возможна возрастающая отдача. Но у власти порой возникает соблазн собрать урожай немедленно после сева. Это усиливает экстрактивность проводимой биополитики и превращает ее в подлинно *негантропный* (человекоотрицающий) проект.

Модель Мы–Они вполне может быть распространена не только на чужаков, но и на внутрисоциальные отношения. В такой ситуации население начинает рассматриваться как внутренние Они, как ресурс и инструмент достижения целей Мы со всеми вытекающими последствиями.

Подобный подход прекрасно сформулирован Д. Гоулдом: «Народ — часть общественного достояния. Общество вкладывает в людей много денег, предоставляя им образование, жилищные субсидии, сельскохозяйственные субсидии для их желудков... Эти инвестиции окупаются, только если мужчины и женщины... ведут активную, продуктивную жизнь разумной продолжительности»¹⁸.

В конечном итоге столь прагматичный подход завершается циничным обращением населения в собственность: «Государство владеет всем, включая людей. Люди — это одновременно и вложения, и продукт: вложения делаются в молодые и нездоровые тела, продуктом являются зрелые и здоровые. Безусловно, этим здоровым телам не следует позволять распоряжаться собой, делать себя больными, возможно, даже уби-

¹⁸ Цит. по: Сас Т. Фабрика безумия: [сравнительное исследование инквизиции и движения за душевное здоровье]. Екатеринбург, 2008. С. 344.

вать себя. Это будет растратой государственного имущества... В конце концов, это такое же национальное богатство, как и сталеплавильные заводы»¹⁹.

Негантропная стратегия биополитики делит общество на бенефициаров (большинство, привилегированная группа, класс, хунта и т. п.) и отверженных, в крайних случаях — преследователей и жертв. Поскольку такая стратегия в кратковременной перспективе за счет «преимуществ» экстрактивности дает выгоды протагонистам движения, обнаруживаются сторонники, поддерживающие данное течение. Учитывая, что люди правят миром, сплетая intersubъективную паутину смыслов²⁰, всегда обнаруживается удобная система взглядов, в которой рационально обосновываются исключительность Нас (Мы) и изгойство Их (Они).

Раскрашенная птица

Е. Косински приводит поучительный пример отношения к чужаку из области «прикладной» орнитологии. «Раскрашенная птица» — символ преследуемого Другого, Порочного человека»²¹. Между тем «грех» раскрашенной птицы состоит в том, что она была поймана ловцом, раскрашена и вновь выпущена на волю. Высвободившись, птица возвращается к своим сородичам, но они встречают ее враждебно и заклевают до смерти, не принимая ее инаковость — случайную и временную. «Другой — это опасный чужак, член враждебного вида, которого следует уничтожить»²². К сожалению, подобное неприятие Другого характерно и для человека. «Человек ищет, создает и вменяет в вину Другому различия для того, чтобы отчуждение Другого стало необратимым. Отбрасывая Другого, Праведный человек возвеличивает себя и разряжает свой гнев в манере, одобренной его товарищами. Для человека стадного, как и для его животных предков, безопасность связана с однообразием... Самая востребованная добродетель — это конформность»²³.

Метафорическая раскрашенная птица, отверженная и заклеванная себе подобными, в зависимости от характера и степени негантропности биополитической стратегии масштабируется и распространяется в обществе. Ориентированная на противопоставление Свой–Чужой антропологическая модель Мы–Они «делает Среднего Человека врагом различий

¹⁹ Там же. С. 345.

²⁰ Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М., 2018. С. 178.

²¹ Цит. по: Сас Т. Указ. соч. С. 457.

²² Там же. С. 458.

²³ Там же. С. 460.

между людьми. Он принимает Другого лишь постольку, поскольку Другой соответствует его образу и подчиняется его руководству. Если же Он и Другой различаются, Он называет Другого ущербным физически, умственно или нравственно и принимает его, если тот способен и желает отбросить те свои черты, которые отличают его от нормального... Если Он не делает этого, то становится носителем Зла»²⁴. В дальнейшем мы проследим этот процесс детально.

Для того чтобы осознать результаты подобной маркировки общества насилием, обусловленным неприятием индивидуальности, воспользуемся концептом социальной плазмы Б. Латура. Плазма — «это именно то, что еще не отформатировано, еще не измерено, еще не социализировано, еще не включено в метрологические цепи, еще не покрыто, не обследовано, не мобилизовано или не субъективировано»²⁵. Механизм негантропной биополитики порождает социальную плазму. Коренное отличие конфирмантропного и негантропного проектов заключается в том, как скрытый потенциал моделей Я–Ты/Мы–Они разворачивается в ходе циклической пересборки социального. Конфирмантропная биополитика осуществляет превращение плазмы в социальную акторно-сетевую ткань и уменьшает «объем» социальной плазмы, в то время как негантропная биополитика социальные связи превращает в плазму, т. е. занимается плазмогенезом. Некрополитика систематически и осознанно уничтожает людей. Это особая рациональность крайне потребительского отношения к людям, стремящаяся превратить общество в плазму, обратить порядок в хаос. Предельная перспектива этого процесса — танатополитика (death-worlds, А. Мбембе) — хаотическое пространство распада. Плазма, вытеснившая собой остатки социального, — Аушвиц, описанный П. Леви в тот момент, когда его покинули охранники лагеря, но еще не заняли советские войска. «Мы среди мертвецов и живых трупов. Последние следы цивилизации исчезли. Работа по превращению человека в животное, которую немцы начали еще победителями, завершается ими, уже побежденными. Тот, кто убивает, — человек; тот, кто совершает беззаконие, и тот, кто терпит беззаконие, — человек; но нельзя назвать человеком того, кто, потеряв всякие ориентиры, делит постель с трупом. Тот, кто ждет, когда умрет его сосед, чтобы забрать себе его хлебную четвертушку, гораздо дальше... от „человека мыслящего“, чем первобытный пигмей или самый жестокий садист»²⁶. Рациональность негантропной биополитики шаг за

²⁴ Там же. С. 261.

²⁵ Латура Б. Пересборка социального. М., 2014. С. 336.

²⁶ Леви П. Человек ли это? М., 2001. С. 202.

шагом пересобирает социальное в направлении безмирности (Х. Арендт) и безмерности, поэтапно упраздняя человечность. «Мерзость запустения» — море плазмы, поглотившее социальное. Парадоксальным образом этот иррациональный остаток — результат модели рациональности, обеспечившей скольжение от конфирмантропной биополитики через негантропный проект к некрополитике и ее печальному итогу — танатополитике.

Лишний человек

Рассмотрим подробнее движение от биополитики к некро- и танатополитике исходя из трансформации заложенной в их основе антропологической модели.

В одном из интервью А. Мбембе на вопрос о том, каким образом в самых общих чертах можно определить понятие «негр» сегодня, дал следующий ответ: «Это класс, или раса, или определенная группа лиц, вне зависимости от цвета кожи, по отношению к которым старое различие между человеческим субъектом и вещью больше не работает. Все гораздо хуже: это люди, которые не нужны, это лишний класс, который ни один господин не желает держать при себе даже в качестве раба»²⁷. Именно Мбембе принадлежит оригинальное расширение фуколдианской трактовки биополитики. Изучая постколониализм, он обнаружил антипод биополитики — некрополитику. Некрополитика — предельное выражение негантропной биополитики. Некрополитика редуцирует биополитику не просто к контролю над послушным телом, а к тотальному подчинению под непосредственной и зримой угрозой смерти. В рамках некрополитики суверенное право меча стало само собою разумеющимся инструментом управления в европейских колониях Нового Света, Африки, Азии, Австралии и Океании. Плантационное хозяйство восприняло суверенную власть в самой крайней форме. Преодоление колониализма отнюдь не изменило режим управления. Формально демократические, многие африканские государства по существу стали во многом копировать управление, присущее колониям. В колониальных и постколониальных системах управления сформировалось радикальное выражение суверенной власти, определяющей, кому жить, а кто должен умереть. В постколониализме пределы суверенности по-прежнему, если не больше, определяет право убивать: «Следовательно, убить или позволить жить задает границы суверенности, ее фундамен-

²⁷ Ашиль Мбембе: «Франции трудно поспеть за меняющимся миром». URL: <http://gefter.ru/archive/19621> (дата обращения: 27.11.2020).

тальные свойства. Осуществлять суверенитет — значит осуществлять контроль над смертностью и определять жизнь как развертывание и осуществление власти»²⁸.

Вместе с тем разметка жизненного пространства насилем и в пределе — смертью не является ни изобретением, ни прерогативой постколониальных режимов. В конечном итоге в подобный негантропный тупик заходили (и заходят) различные политические системы. «Негр» Мбембе — универсальная формула лишнего человека. Лишнего не признают, игнорируют, оттесняют на периферию, изгоняют, но также притесняют, эксплуатируют, истребляют. Уровень насилия по отношению к лишнему (к «виктимизированной группе». — З. Бауман) определяется интенсивностью негантропной биополитики.

Определение «внутреннего негра» — особое решение (нередко бессознательное) в рамках чрезвычайной политики, проводимой политическим режимом, вставшим на путь последовательной негантропии вплоть до некрополитики. Часть населения буквально отбраковывается и в предельном случае принуждается к особому режиму существования — рабству, каторжному труду, голоду, «архитектуре тесного мира», смерти. «Внутреннего негра» клеймят. Например, навешивают ярлык «врага народа» или «унтерменша». Стигматизация представителей подобной out-группы выводит их за пределы принятых в обществе моральных норм и, возможно, правовой регуляции. Отношения между in-группой и out-группой выстраиваются в рамках принципа «взаимной эксклюзивности» (взаимной исключительности. — Ф. Фанон) — типа отношения, предполагающего неравенство, асимметрию, несмещение и, одновременно, сосуществование и даже взаимодействие. Отнесенность/отделенность трансформируется в неслиянность/нераздельность. Отнесенность, преобразуясь в неслиянность, в данном случае меняет свое значение с «плюса» на «минус». Возможность и необходимость взаимной связи заменяется на настойчивое подтверждение линии демаркации. Напротив, отделенность как уважение границ автономии замещается нераздельностью как формой вынужденного сотрудничества в режиме эксплуатации in-группой out-группы.

В некотором смысле можно расширить воззрения М. Фуко на трансформацию биовласти, считавшего, что на определенном этапе в этот процесс вмешивается расизм. «Расизм оказался вписан в государственные

²⁸ Mbembe J.-A., Meintjes L. Necropolitics. URL: https://warwick.ac.uk/fac/arts/english/currentstudents/pg/masters/modules/postcol_theory/mbembe_22necropolitics22.pdf (дата обращения: 27.11.2020).

механизмы с появлением биовласти. Именно с этого момента расизм становится основным механизмом власти, какой она предстает в современных государствах, что приводит к невозможности функционирования современного государства без обращения в определенный момент, в определенных пределах и в определенных условиях к расизму»²⁹. В данном контексте расизм является технологией выделения биовластью изгоя («внутреннего негра») в ходе ее трансформации в некровласть и дальнейшей организации политического, экономического и культурного пространства в соответствии с принципом взаимной эксклюзивности группы–инициатора процесса размежевания и группы–мишени — жертвы подобного негантиропно-биополитического проекта. В такой широкой трактовке расизм предстает как гетерофобия, «когда человеческий субъект-сотоварищ превращается в Другого»³⁰ при определенной социальной дистанции в условиях нехватки морального отношения.

Плантация и постколониальное командование

Результатами реализации в обществе моделей, основанных на агрессивных формах эксклюзии, становятся пространства исключения. Например, колониальная плантация, плавно трансформирующаяся в режим постколониальной администрации, — одно из пространств исключения.

Плантационное хозяйство — основа колониализма. В структуре плантационной системы формируется «символическая и парадоксальная фигура государства исключения»³¹. Раб в качестве «фигуры тени» тотально исключен из своей предшествующей рабству жизни. Он лишен дома, прав на свое тело, не имеет самостоятельного социального статуса, он достигает «полного изгнания из человечества»³². Плантационное хозяйство исключает нормальный баланс отнесенности/отделенности раба и Другого. На плантации нет никаких форм взаимности, за исключением сообщничества в восстании, самоубийстве, бегстве или безмолвном трауре. Рабы разделены даже коммуникативно, поскольку часто являлись носителями различных языков. Плантация — мир психотравмирующей изоляции, поддерживаемый насилием. Живя «в состоянии травмы, в призрачном мире ужасов, жестокости и ненормативной лексики», раб ведет

²⁹ Фуко М. Нужно защищать общество. СПб., 2005. С. 268.

³⁰ Бауман З. Актуальность Холокоста. М., 2010. С. 218.

³¹ Mbembe A. Provisional Notes on the Postcolony. URL: <https://studentportalen.uu.se/uuspfilerarea-tool/download.action?nodeId=1427873&toolAttachmentId=288520> (дата обращения: 27.11.2020).

³² Там же.

жизнь, которая является «формой смерти в жизни»³³. Раб — именно тот, кого могут убить, но никогда не принесут в жертву, что характерно для правового (бесправного) положения *homo sacer*.

Постколониализм, формально провозглашая освобождение от ужасов колониализма, фактически воспроизводит формы колониального управления. А. Мбембе обозначает способ управленчества, характерный для постколониализма, как командование. Командование постколониальных демократий продолжает практику изоляции населения. Избегая по возможности крайней жестокости, постколониальная биовласть продолжает эксплуатировать тело и разум подданных. Во-первых, властвующая элита формирует формы инклюзии/эксклюзии, наделяющие ее особыми привилегиями и устанавливающие барьеры, дистанцирующие большинство от таких преимуществ. Фетишизация лидера нередко достигает форм культа личности. Политика разделения трансформируется в политику и экономику удовольствий для привилегированных групп. Например, в Камеруне для обеспечения воспроизводства такой экономики удовольствий «дворцы и общественные места были заполнены большим количеством скоморохов, дураков и клоунов различного уровня, предлагающих самые разнообразные услуги — журналистов, инсайдеров, клерков, агнографов, цензоров, доносчиков, партийных писак, экспертов в области привлечения голосов доверия, хвалебных певцов любого рода, придворных, интеллигентов в поисках теплого местечка, посредников. Их функция — проповедовать перед фетишем фикцию его совершенства. Благодаря им постколония стала миром нарциссического самоудовлетворения. Но лесть производится не только для того, чтобы угодить деспоту... Цель состоит в том, чтобы разделить стол самодержца, чтобы поесть из его рук»³⁴.

Постколониальный политический истеблишмент превращается в весьма примитивный образчик биовласти, монополизируя власть на удовлетворение биологических потребностей. «Рот, живот и пенис представляют собой классические ингредиенты» такой биовласти, становящейся «фаллократической системой»³⁵. Подобные «интимные» проявления власти, между прочим, сближают ее с той иерархией и формами эксплуатации, что наблюдаются в тюрьме. Власть осуществляет себя физически в сексуальной модальности активности/пассивности. Весьма любопытен пассаж Мбембе о кульминации церемонии встре-

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

чи президента Камеруна согнанной массовкой: «Одетые в партийную форму с изображением главы государства, женщины следовали ритму музыки и раскачивали свои торсы сначала вперед, затем назад... их волнообразные движения напоминали медленное, длительное проникновение пениса и его отрывистое отступление. Крича и завывая, жестикулируя искривленными телами, все приветствуют проезжающую мимо кавалькаду автомобилей... и все довольствуются тем, что поддерживают связь, хотя бы на секунду, фамильярности, даже сговора, с насилием и господством в его самой пьянящей форме»³⁶. Метафора такой биовласти имеет и более прозаическую, буквальную ипостась: «Гордость за обладание активным пенисом должна ассоциироваться с сексуальными правами над подчиненными, содержанием наложниц и т. д. Безусловное подчинение женщин принципу мужского удовольствия остается одним из столпов, поддерживающих воспроизводство фаллократической системы»³⁷.

Такая биовласть своей стратегией биополитики выбирает самоизоляцию и насильственное удержание власти, что буквально выражается в услаждении своего рта, живота и полового органа излишествами в еде, выпивке и сексуальных наслаждениях — видимых признаках отгороженности от не имеющего даже необходимого минимума благ населения. Население, в свою очередь, живо реагирует на подобные действия власти и на обшечном языке смеховой культуры формирует образы непристойного поведения власти, неумной в удовлетворении своих потребностей. Смеховая культура постколонии в дискурсе непристойности формирует образ господства в фантазиях, сбывшихся в реальности для власть имущих. Можно заметить, что постколониальное командование тяготеет к полярной организации социума на началах слияния властвующей элиты и изоляции большинства населения, внося дисбаланс в гармонию отнесенности / отделенности между Я и Другим.

Казарма

Рассмотрим другое биополитическое пространство — казарму. Обратимся к дедовщине — явлению, казалось бы, локальному (как явление дедовщина связана с определенным промежутком времени существования Советской и Российской армии), но слишком человеческому и поэтому универсальному. Дедовщина — особая коммуникативная модель того типа «экстремальной группы» (К. Банников), которая населяет ис-

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

кусственный, абстрактный дом — казарму (отметим, у казармы много разновидностей: камера, палата, келья и даже общежитие). Это жилище людей, случайным образом оказавшихся вместе и обычно не имеющих ничего общего, кроме возраста и вынужденного рода навязанных извне занятий. Следует отметить, что широкое распространение подобных искусственных домов напрямую связано с биополитикой, поскольку сопровождает те социальные проекты, проводником которых выступает биовласть.

Специфический характер искусственной «семьи» в искусственном доме способствует возникновению экстремальности социальных отношений. В институте дедовщины формы инклюзии / эксклюзии зримы и в силу «срочности» (временности) срочной службы динамичны. Интенсивность отношений, построенных в таком формате, способна привести к подлинной человеческой трагедии, что обязывает всерьез относиться к этой социальной модели общества-казармы, которую невозможно произвольно покинуть.

Четырехтактное (дух—молодой—черпак—дед) «нормальное» распределение двухлетнего срока службы представляет собой лестницу, возводящую от непомерных обязанностей к значительным (по меркам казарменного мира) правам. Каждый порог — точка разрыва в казарменном континууме, точка инклюзии в сообщество более высокого ранга и одновременно эксклюзии в отношении ранга на ступень выше. Ранги связаны между собой насилием. Поскольку «дедовщина... насилие статусное и компенсаторное», то «доминанция обеспечивает вертикальную социальную мобильность, т. е. переход из объекта в субъекты»³⁸. Согласие подчиняться обусловлено надеждой на непреложность правил, гарантирующих обретение иного, привилегированного статуса, который даст власть подчинять.

Дембель — воплощенный для «духа» в Другом образ бесконечно (ибо «дух» находится вне времени, ему еще не положено смотреть на календарь) удаленной цели. «Дембель — лицо особого статуса. Он уже вне социума, но в центре его внимания. Для характеристики такого состояния лучше всего подходит термин „трансцендентность“ — переход за некий предел... Он в своем роде трансцендентный армии субъект, на полном основании соотносящий себя с гражданским обществом»³⁹.

³⁸ Банников К. Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской Армии. М., 2002. С. 39.

³⁹ Там же. С. 34.

Дембель находится в лиминальном состоянии эксклюзии, в предвкушении инклюзии в социальный мир за границами казармы. Дембель обладает всей полнотой прав, но пренебрегает ими, он осознанно подчеркивает свое аутсайдное состояние и символически изживает себя из мира службы.

Надежда на достижение окончательной эксклюзии формирует паттерны поведения. Этической максимой — эталоном поведения — в экстремальных группах становится «поставленное с ног на голову „золотое правило“ этики: „Я обращаюсь с ближним, как здесь обращались со мной“»⁴⁰. Формируются идеально типические поведенческие комплексы: «это комплекс субъекта и, соответственно, объекта доминантных отношений. Первый предполагает такие качества, как активность, развязность, агрессивность и веселость, второй — нейтральность, исполнительность, покорность»⁴¹. Поведение духов выражается в незримом присутствии лакея. Дух — этот homo sacer казармы — низводится до состояния безликой машины — homo apparatus. «Хороший дух — тот, кто все делает быстро и безотказно („не тормозит“) и воспринимает свое место как должное („не высовывается“). Духам приличествует скромность, исполнительность, немногословность»⁴².

Внезапно исключенный из общества, но еще не включенный в общество иного типа, новобранец, проходя стадию аккумуляции в неуставном мире казармы, превращается в объект, деталь. Лишь пройдя череду испытаний, он вернет свою субъектность — в полной мере — в момент выхода за пределы экстремального мира армии. Машинный способ бытия индивидуума усугубляется как правилами, так и самим образом жизни военнослужащего. «Сам акт облачения в форму лишает человека права на пространство. Надеть форму — значит внедрить себя в ячейку некой макроструктуры, о задачах и принципах существования которой рядовому знать не положено»⁴³. Отныне тон задает «геометрия человеческой массы», именно «в геометрии толпы заключается эстетика военного построения и этика тоталитарного общества», а «на каждом построении личность редуцируется до состояния строевой единицы»⁴⁴. Индивидуум становится подчиненным элементом структуры человеческого сообщества, вся задача которого состоит в потере индивидуальности и приобре-

⁴⁰ Там же. С. 39.

⁴¹ Там же. С. 48.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 121.

⁴⁴ Там же. С. 120.

тении качеств коллективных, необходимых для выполнения совместной деятельности. «Строй — единственно легитимное пространство индивида. В армии человек вне строя асоциален и подозрителен»⁴⁵. Торжеству машинного способа существования способствует Устав — свод правил человека-машины.

Солдат срочной службы в условиях дедовщины в ходе инклюзивных процессов возвращающий себе статус субъекта, в чем ему было отказано в начале службы, является примером внешнего реформатирования отношений отнесенности/отделенности, навязанного насильно. В модели дедовщины дух — тотально изолированный и роботизированный среди подобных ему новобранцев со временем растворится в братстве дембелей, объединенных общим опытом выживания. Изоляция/слияние подменяет норму отделенности/отнесенности и формирует новый гештальт по истечении прохождения череды точек инклюзии/эксклюзии.

Следует отметить, что дедовщина отражает определенную грань всякого военного общества. Даже если практика насилия от скуки и по склонности не имеет распространения, военное общество делает выбор, в рамках которого члены этого общества, выбирая военный стиль жизни, исключают себя из жизни, в которой определяющим фактором является свободный выбор. «Либо мы предоставляем индивиду возможность выбирать и рисковать, либо мы лишаем его этой возможности. Армия в самом деле во многих отношениях является хорошей иллюстрацией организации второго типа, где работу и работников распределяет командование, а в случае ограниченности ресурсов все садятся на одинаковый скудный паек. Это единственная система, гарантирующая каждому экономическую защищенность, и распространяя ее на все общество, мы сможем защитить всех. Однако такого рода безопасность неизбежно сопряжена с потерей свободы и с иерархическими отношениями армейского типа. Это безопасность казарм и барачков»⁴⁶.

Тюрьма

Л. Н. Толстой писал: «Кто не был в тюрьме, тот не знает, что такое государство»⁴⁷. Тюрьма — биополитическое пространство в наиболее зримой, рафинированной форме. Тюрьма в рамках биополитического дискурса исследована М. Фуко, в форме лагеря — Дж. Агамбенем.

⁴⁵ Там же. С. 122.

⁴⁶ Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 2017. С. 186–187.

⁴⁷ Бойков М. Люди советской тюрьмы. М., 2010. С. 522.

В тюрьме правило «казарма — это архитектура сознания»⁴⁸ выходит за рамки дедовщины. Во всякой зоне отчуждения возникают формы инклюзии/экслюзии, искажающие норму отделенности/отнесенности. Свои касты, образцы поведения, эталонные воплощения образцов и ориентиры возникают в тюрьме. Выживание в экстремальном сообществе тюрьмы задает иные ориентиры. Являясь по сути миром исключения, тюрьма развивает логику исключения до конца: до карцера и образа окончательно сломленного администрацией или сокамерниками человека. В тюрьме баланс отделенности/отнесенности подвергается разрушительному воздействию. Одинокое, но не уединенное; отдельные, но соотношенные в рамках формальных и неформальных правил; исключенные извне и включенные внутри — арестанты находятся в мире тождества противоположностей. Насилие над нормой отношений порождает насилие в самих отношениях. «Школу отрицательного опыта в лагере проходят все. Воры утверждают тут в своей блатной морали, приобретают закалку характера, становясь идеально жестокими, наглыми, агрессивными, повышают профессиональную выучку для преступных занятий. Мужики проникаются безверием и цинизмом, приучаются к покорности и плутням. Чушки лишаются малейших остатков человеческого достоинства и становятся готовыми на все — на любое унижение, любую подлость, только бы избежать побоев, получить какие-нибудь мелкие побрякки»⁴⁹. В условиях двоевластия «дневной» и «ночной» администраций возникают два параллельно сосуществующих порядка. Оба инклюзивны, но по-разному. Один нацелен на социальную реабилитацию, другой — на усвоение норм криминального сообщества и окончательное исключение из общества. Цель одного — законопослушный гражданин, цель другого — убежденный преступник. В условиях тюрьмы возникают собственные ритуалы инициации и изгнания. «Прописка», «правилка» и другие формы инклюзии/экслюзии «живут как готовые модели поведения. Так сказать, идеальные образцы для тех, кто алчет воровской романтики — сохранить, поддержать или возродить обычаи воровского мира»⁵⁰.

В тюрьме можно наблюдать феномен разделения самого homo sacer. Арестанты, особенно в условиях ГУЛАГа буквально находившиеся на грани жизни и смерти, воспроизводили логику разделения в условиях борьбы за выживание. И в этой борьбе побеждал «блатной» — абориген по зову души тюремного мира. Повадки блатного определяются чрезвы-

⁴⁸ Клейн Л. С. Перевернутый мир. Донецк, 2010. С. 319.

⁴⁹ Там же С. 270.

⁵⁰ Там же. С. 235.

чайно развитым инстинктом самосохранения, обратной стороной которого является утрата человеческого. «Груб и жесток начальник, лжив воспитатель, бесовестен врач, но все это пустяки по сравнению с растлевающей силой блатного мира. Те все-таки люди, и нет-нет, да и проглянет в них человеческое. Блатные же не люди»⁵¹. А. Бадью, цитирующий В. Шаламова, и отмечающий мрачный эгалитаризм лагерей, в которых бьют не Другого, а своего, отмечает: «По Шаламову, преступление Сталина — не столько лагеря, сколько то, что в лагерях он предоставил власть и свободу блатным, поскольку для них ничтожными были и коллективная совесть, и твердые принципы»⁵². Способность сверхживучести — инклюзивная жизненная сила эксклюзивна в отношении сообщества людей. Выживающий подло самоисключается из числа людей.

Биополитическое перереформатирование политики

Логика инклюзии/экслюзии дает представление о наличии/отсутствии политического в обществе. Окончательное торжество исключения ведет к забвению политики, сознание важности инклюзии утверждает место и формы политического. Именно восстановление справедливости, нарушенной неправомерной экслюзией, конституирует субъекта политики. В недемократическом государстве, где экслюзия обыденна, узаконена, властно поддерживаема и нередко имеет тенденцию к усилению, сфера политического — прямо пропорциональна тенденции к формированию неинтегрированных, изолированных групп — сужается, схлопывается. В обществе, маркированном экслюзией, осуществляется строгий контроль над инклюзивными процессами, включающими в привилегированные группы. Исключенное большинство последовательно ограничивается извне и нередко дифференцируется внутри, что приводит к маргинализации определенных слоев населения. Ставка на исключение и барьеры на пути включения выхолащивают сферу политического, замещая ее легальные формы судорогами протеста или волнами глухого ропота, одинаково неприемлемого властью. Имплозия политического — прямой путь к различным формам диктатуры и при определенных обстоятельствах — тоталитарному господству.

Демократии, по самой своей сути, должны поощрять инклюзивные процессы, но и в них общественная дифференциация порождает противоречия между инклюзией и экслюзией. Голос безропотной части на-

⁵¹ Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. М., 2005. С. 31.

⁵² Там же. С. 31.

селения может быть не учтен. В такой перспективе «народ, являющийся субъектом демократии, а стало быть, матричным субъектом политики... это дополнительная часть по отношению ко всякому подсчету частей населения, позволяющая идентифицировать с сообществом в целом подсчет неучтенных»⁵³. Именно подсчет неучтенных или доли обездоленных конституирует пространство политического.

Следует отметить, что для общества подобный процесс довольно неудобен, травматичен. Даже в демократическом обществе инерция существующего порядка и пересмотр границ инклюзии/эксклюзии групп конфликтогенен. Когда неожиданно улица наполняется взволнованными массами, что означает символическую трансформацию городского ландшафта в агору, обычной реакцией будет: «Проходите! Здесь не на что смотреть». Полиция говорит, что на шоссе не на что смотреть и нечего делать, кроме как проходить или проезжать. Она утверждает, что пространство движения есть пространство движения — и только. Политика состоит в преобразовании этого пространства движения в пространство манифестации некоего субъекта — народа, трудящихся, граждан. Она заключается в реконфигурировании пространства»⁵⁴. Неожиданно выясняется, что несправедливое исключение — неучтенный голос — напоминает о скрытом конфликте политики и полиции, выражением которого является политическое. «Политическое будет областью встречи между политикой и полицией при разборе несправедливости»⁵⁵. Полиция — агент сложившихся границ инклюзии/эксклюзии во имя порядка. Полиция отрицает равенство ровно настолько, насколько она отрицает беспорядок, и именно поэтому «полиция — не социальная функция, но символическое складывание социального. Сущность полиции — не подавление, и даже не контроль над живым. Ее сущность — определенное разделение ощутимого»⁵⁶. Осуществляя процесс управления, целью которого является стабильный общественный порядок, полиция в силу своей природы противостоит процессу эмансипации социальных групп, охваченных заботой о верификации равенства. Верификацию равенства или исправление несправедливости суждено попытаться осуществить людям, которых не устраивают сложившиеся формы инклюзии/эксклюзии. Это как раз люди, существующие как включенное исключение — «некое in-between, нечто промежуточное»⁵⁷.

⁵³ Рансьер Ж. На краю политического. М., 2006. С. 204.

⁵⁴ Там же. С. 211.

⁵⁵ Там же. С. 101.

⁵⁶ Там же. С. 209.

⁵⁷ Там же. С. 104.

По самой своей сути процесс пересмотра форм инклюзии/экс­к­люзии возобновляет спор о соотношении отделенности/отнесенности людей друг к другу. В демократическом обществе, где презюмирована всеобщая ин­к­люзия и конституционно отменено исключение по основаниям происхо­ж­дения, расы, пола и т. д., спор о несправедливом исключении — попытка восстановить континуум всеобщей отнесенности и отделенности — еди­ный масштаб равенства и свободы в условиях по-прежнему несовершен­ной социальной среды, способной создавать формы неравенства и несво­боды. Вместе с тем сама суть политического — быть на страже соблюдения таких способов инклюзии/экс­к­люзии и форм отнесенности/отделенности, которые исключают формирова­ние тенденций к изоляции и слиянию, полярных состояний, исключающих гибкий баланс равенства, свободы и справедливости во взаимоотношениях людей.

Тоталитаризм

Апофеозом общества экс­к­люзии является тоталитарное общество. Тоталитарное общество — биополитическое пространство всеобщего ис­к­лючения. Если замкнутый в клетке собственного потаенного Я душев­нобольной отделен от всего мира, будучи один, то тоталитарное государ­ство возводит расщепление в принцип политики, отделяя общество от других, а каждого гражданина внутри общества — от сограждан. Фрактал экс­к­люзии, в конечном итоге, словно сеть трещин на стекле, создает мир изолированных групп и индивидов, странным образом единых в своих навязанных пропагандой формах мышления, образе жизни и даже эмоци­ональных переживаниях. Слияние и изоляция — предельные состояния отнесенности и отделенности индивидов — устраняют сбалансирован­ные социальные отношения, формируя мегамашину, детерминирован­ную не спонтанной активностью людей, а ценностями, составляющими «идео-логику» (Х. Арендт) тоталитарного движения.

Уже на стадии тоталитарного движения, борющегося за власть, возникает характерная для тоталитаризма диалектика ин­к­люзии/экс­к­люзии, внешнего/внутреннего, посвященности–секретности/непо­священности–профанности. Фасадные организации взаимодействуют с общественностью, ангажируя сочувствующих, партийное ядро вы­страивает стратегию движения в тиши самоизоляции. По мере услож­нения организационных структур возникает характерная для движения «луковица», в которой послойно средствами ин­к­люзии/экс­к­люзии осу­ществляется расщепление на внутренний круг и внешнее окружение, проводится логика слияния/изоляции. На определенном этапе «разде­ление между членами партии и попутчиками, объединенными в фасад-

ные организации, не исчезает, а приводит к „координации“ всего населения, превращенного в „сочувствующих“. Невероятный рост числа сочувствующих удерживается ограничивающей силой партии в рамках привилегированного „класса“, состоящего из нескольких миллионов, и созданием суперпартии из нескольких сот тысяч элитных формирований. Умножение канцелярий, дублирование функций и адаптация отношений между партией и сочувствующими к новым условиям означают лишь, что сохраняется характерная, напоминающая луковицу структура движения, где каждый слой является фасадом следующего, более воинственного образования»⁵⁸.

Именно тоталитарная механика расщепления общества порождает подлинного *homo sacer* — колымского доходягу ГУЛАГа и *der Muselmann* Освенцима. *Homo sacer* лишен ощущения своего присутствия в мире, реальности происходящего, не чувствует себя живой, целостной и непрерывной личностью. Он выведен в ходе «проведения в научно контролируемых условиях ужасного эксперимента по искоренению самой самопроизвольности, спонтанности как особенности человеческого поведения и превращению человеческой личности в простую вещь, в нечто такое, чем не являются даже животные»⁵⁹. Если нацисты осуществляли евгенический проект «перманентной селекции», направленный на появление расы сверхлюдей, то *homo sacer* — результат анти-евгеники. Если Советский Союз совершал «перманентную революцию», направленную на построение бесклассового общества, то *homo sacer* — окончательно деклассированный элемент. Ускоряя в свете собственных идеологических догм эволюцию Природы и ход Истории, тоталитарные движения научились производить людей, лишенных нормального баланса отнесенности/отдельности, свободы и равенства — нормальности, характерной для полноценно живущего человека. На пределе этой анти-евгеники мы обнаруживаем, что психотравмирующая эволюция душевной болезни и технологий тоталитарной лагерной системы сходятся в точке *homo sacer*.

Тоталитарное господство, притязающее «на строгое и недвусмысленное повиновение тем законам Природы или Истории, из которых навсегда положено вытекать всем позитивным законам», используя террор, который «без промедления приводит в исполнение смертный приговор, который, как доказано, уже вынесен Природой расам или индивидам, „не приспособленным к жизни“, либо Историей — „отмирающим классам“,

⁵⁸ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 537.

⁵⁹ Там же. С. 569.

не дожидаясь, пока природа или история сделают это сами более медленно и менее эффективно»⁶⁰, сумело создать общество равно лишних, одиноких и не уединенных в своей насильственно организованной сплоченности людей, лишенных свободы и помещенных в пространство необходимости, диктуемой целями движений. Найдя предел эксклюзии и одновременно власти и контроля над человеком в форме заключенного лагеря, тоталитаризм сумел распространить стандарты homo sacer на любого гражданина, применяя их дозированно, целесообразно и ситуативно.

Биополитическое пространство «турбокапитализма»

Мир пережил тоталитаризм, живет в состоянии «Praemonitus, praemunitus», стремясь заранее диагностировать симптомы очередного приступа тоталитарной лихорадки. Однако стал ли мир сообществом живых, реальных, равно отнесенных и отделенных, взаимно равнодушных людей? Можно утверждать, что логика позднего капитализма дает новую форму дисбаланса инклюзии/эксклюзии. Современность порождает тотальное антидвижение, готовое включить всех, но изолирующее ничуть не меньше, чем движение тоталитарное.

Рыночное общество на стадии турбокапитализма деконструирует сложившиеся формы инклюзии/эксклюзии⁶¹. «Капиталистическая машина... оказывается в совершенно новой ситуации — ситуации раскодирования и детерриторизации потоков. Капитализм не сталкивается с этой ситуацией как с чем-то внешним, поскольку он живет ею, обнаруживает в ней одновременно свое условие и свою материю, насильственно учреждает ее. Его суверенные производство и подавление могут осуществляться только этой ценой... в противоположность предшествующим общественным машинам, капиталистическая машина сама по себе не способна предложить код, который покрывал бы всю совокупность общественного поля. Саму идею кода она при помощи денег заменила аксиоматикой абстрактных количеств, которая идет еще дальше в деле детерриторизации социуса»⁶².

Логика позднего капитализма смыкается с шизофренией — это логика не кода, а декодированных потоков. Как шизофреник не устанавливает границ модальностей коммуникации, не распознавая фреймов и маркеров категоризации сообщения, тем самым игнорируя требования теории логических типов (Г. Бейтсон), так и «капитализм стремится к порогу

⁶⁰ Там же. С. 599, 605.

⁶¹ Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализация: атака на процветание и демократию. М., 2001.

⁶² Делёз Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2008. С. 58.

раскодирования, который демонтирует общество»⁶³. Общество тотальной инклюзии, в котором «раскодирование потоков, детерриторизация социуса формируют наиболее существенную тенденцию капитализма», порождает ситуацию, при которой «шизофрения — это продукт капиталистической машины в том же смысле, в каком депрессивная мания и паранойя — это продукт деспотической машины, а истерия — продукт территориальной машины»⁶⁴. Эмансипация человека и его новый all inclusive способ существования порождает телеологию, в которой капитализм «непрестанно приближается к своему пределу, который является собственно шизофреническим пределом. Он [капитализм. — Д. П.] всеми своими силами пытается произвести шизика как субъекта раскодированных потоков... оказывающегося большим капиталистом, чем капиталист, и большим пролетарием, чем пролетарий»⁶⁵.

В условиях глобального высокотехнологичного турбокапитализма устранение формы, нормы, устойчивой связи способствует развитию рынка, в то время как сохранение status quo порождает гибельную стагнацию. Устранение топологического, демаркационного и нормативного смысла границ в формах децентрализации, детерриторизации, плюрализма, ризоморфизма творит социальное многообразие с его преизбытком идейных течений, социальных практик, сообществ и субкультур. Границе систематически придается телеологический, провокационный, агонический, трансгрессивный смысл. Границы транспарентны, стены изобилуют окнами и дверями, через рвы переброшены мосты, сквозь тупики проложены тропы. Мозаика социальных форм, с одной стороны, является манифестацией всеобщей инклюзии — отныне нет парий; с другой стороны, налицо панорама эксклюзивных дополнений, поскольку человеку невозможно быть одновременно членом бесконечного ряда различных групп. «В настоящее время субъект, с одной стороны, представляется нестабильной, фрагментированной совокупностью дискурсивных позиций — или даже всего лишь побочным эффектом власти или языка, а с другой — в качестве позитивного, плюралистического набора альтернатив»⁶⁶. Парадоксальное сочетание зримой все-включенности и скрытой все-исключенности человека в современном мире составляет новую диалектику инклюзии/эксклюзии.

В обществе потребления «по аналогии с понятием homo sacer, обозначающим политико-правовой статус „исключенных“ в биополитике,

⁶³ Там же. С. 59.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Зерзан Дж. Первобытный человек будущего. М., 2007. С. 166.

возникает понятие *homo sucker* (от англ. „sucker“ — „простофиля“, „лох“), характеризующее маргинальный статус „людей с принципами“ в „пост-идеологическом“ обществе»⁶⁷.

Homo sucker можно интерпретировать как того, кто предан забвению; кто «исчез из видимости»⁶⁸; выпал из поля социального зрения; остался на «обочинах систем», где «образуются эффекты эксклюзии»⁶⁹; того, кто позволил себе пренебречь пользоваться предоставленной презумпцией всеобщей инклюзии. *Homo sucker* — тот «неприкасаемый», кто не соблюдает «гигиену» инклюзии. Он попадает в ситуацию, при которой императив современной биополитики — *право заставить жить и позволить умереть* — трансформируется в *право жить самому по себе и позволить себе умереть*.

«Итак, если позволить себе безвкусную аллюзию на *homo sacer* Агамбена, можно рискнуть заявить, что господствующая сегодня либеральная форма субъективности — это *homo sucker*: несмотря на попытки эксплуатации и манипуляции другими, он в конечном итоге оказывается главным простофилей»⁷⁰. *Homo sucker* — чудак, который является инверсией *homo sacer* в том смысле, что его нельзя убить, но можно принести в жертву, поскольку он сам себя приносит в жертву — совершает самопожертвование, добровольно предпочитая эксклюзию, переходящую из уединения в одиночество и пренебрегающую всеобщим правом на инклюзивное социальное бытие. Для других такой человек — фрикер или *looser* — по каким-то причинам не интегрированное в общество лицо, пренебрегающее самой возможностью включения в общественные связи. Незаинтересованное в сохранении преимуществ инклюзивного социального пространства, такое лицо, пользуясь предоставляемыми по умолчанию обществом социальными возможностями, непрерывно усиливает самоизоляцию вплоть до возможности окончательного незаметного для окружающих самоустранения. Сообщения в новостных лентах об обнаружении мумифицированных тел умерших в своих жилищах — грустный финал акта окончательной добровольной эксклюзии.

Homo Comes

Как и тоталитарное общество принудительного всеобщего слияния, оборачивающегося всеобщей изоляцией, антитоталитарное общество демократии и рынка, основываясь на тотальной инклюзии, рас-

⁶⁷ Яркеев А. В. Онтологические основания зла в современном обществе: философско-герменевтический аспект. Екатеринбург; Ижевск, 2018. С. 247.

⁶⁸ Луман Н. Указ. соч. С. 45.

⁶⁹ Там же. С. 44.

⁷⁰ Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М., 2002. С. 82.

падает на инкапсулированные ячейки, эксклюзивно вытесненные в невесомость самоизоляции. Можно предположить, что всякое радикальное обращение с логикой инклюзии/экслюзии влечет социальную необустроенность.

Но тогда необходимо вернуться к антропологическим основаниям инклюзии/экслюзии. Социальные формы инклюзии/экслюзии являются проекциями форм отнесенности/отделенности, которые лежат в основе межличностной коммуникации. Между указанными парами явлений существует прямая и обратная связь, так что социум воспроизводит межличностные связи из сферы непосредственных взаимодействий людей, и наоборот. Все изобилие форм инклюзии/экслюзии и отнесенности/отделенности в конечном итоге определяется характером демаркации Я и Другого. Граница как стена неподтверждения (Р. Лэйнг) в семье создает условия для развития шизоидного индивидуума (Г. Бейтсон), воспроизводящего свой психотравмирующий опыт в социальных интеракциях. Граница как стена, отделяющая out-группу от остального мира, создает возможность для террора в отношении неприкасаемых, что воспроизводится в обществе в различных его сегментах. Окончательная форма границы, моделируемая карцером, и в особенности лагерем смерти, является семенем общества всеобщей экслюзии. Отсутствие границ дает волю фантазии, которая подменяет реальность. Всеобщая инклюзия, опирающаяся на всеобщую отделенность, воспроизводит фрактал экслюзии в глобальной деревне всеобщей отнесенности.

Напротив, восприятие границы как определенности в идентичности, как реальной возможности преодоления на основе личных достижений, предоставление повторных попыток трансгрессии, наличие альтернатив для не перешедших черту и терпимое отношение к неудачам — весь этот арсенал средств конструктивного взаимодействия в формах межличностной коммуникации и социальной взаимности предоставляет каждому социальный шанс жить в обществе, будучи собой.

Homo sacer — продукт общества разделения — является антропологическим референтом негантиропных биополитических стратегий. Биополитический эквивалент конфирантропных стратегий представляет *homo comes* — человек-попутчик, человек-компаньон, человек-партнер. *Homo comes* еще не брат и не друг, но уже и не чужак и не враг. Именно поэтому *homo comes* отнесен и отделен от другого. Он станет человеком включенным и человеком исключенным в различных ипостасях, долях и пропорциях в системе социальной дифференциации. *Homo comes* дает надежду

на утверждение целостного человека в противоположность человеку расщепленному. Homo comes — возможность реальной, живой, целостной и, во временном смысле, непрерывной личности, являющейся антропологическим референтом конфирмантропной биополитики.

§ 2. Трансформантропная биополитика

Панграфический паноптизм как идеал биовласти

Биополитика, возникшая в эпоху заботы о жизни — биоанисихии, в настоящее время, в ходе наметившегося перехода от заботы к апгрейду жизни, приобретает характер *трансформантропной* биополитики. Трансформантропная биополитика — результат длительного научно-технического прогресса в его приложении к биологической жизни человека в частности и населения в целом. Трансформантропная биополитика готовит и, если это возможно с точки зрения науки и техники, осуществит апгрейд жизни. Субъектом трансформантропной биополитики выступает технобиовласть — биовласть, сознательно, целенаправленно и систематически применяющая совокупность современных технологий для управления населением.

Связь между биополитикой и научно-техническим прогрессом можно проследить на примере становления панграфического паноптизма, описанного М. Фуко. Он отмечал, что «дисциплинарная власть имеет своей фундаментальной особенностью производство покорных тел... Она производит, она распространяет покорные тела, она является индивидуализирующей [только потому, что] индивид в ее рамках — не что иное, как покорное тело. Суммировать всю эту механику дисциплины можно так: дисциплинарная власть — индивидуализирующая потому, что она придает соматической единичности функцию-субъект посредством системы надзора-письма, панграфического паноптизма, системы, которая рисует за соматической единичностью, как ее продолжение или начало, некий сгусток виртуальностей, душу, и вдобавок устанавливает норму как принцип разделения и нормализацию как универсальное предписание для всех образованных таким путем индивидов»⁷¹.

Панграфический паноптизм составляет один из важнейших элементов нового типа знания–власти, характерного для биополитики. Биовласть — в первую очередь, власть, но такая власть, которая немислима без знаний. Биовласть стремится господствовать на основе детального, всестороннего, универсального знания о населении. Биополитика заро-

⁷¹ Фуко М. Психиатрическая власть. СПб., 2007. С. 74.

дилась как двойное, властное и одновременно познавательное, отношение к человеку, его телу, психике, личности. «Не составляет труда найти признаки пристального внимания к телу — телу, которое подвергается манипуляциям, формированию, муштре, которое повинует, реагирует, становится ловким и набирает силу. Великая книга о Человеке-машине создавалась одновременно в двух регистрах: анато-метафизическом — первые страницы были написаны Декартом, последующие — медиками и философами; и технико-политическом, образованном совокупностью военных, школьных и больничных уставов, а также эмпирических и рассчитанных процедур контроля над действиями тела или их исправления. Это совершенно разные регистры, поскольку речь в них идет, с одной стороны, о подчинении и использовании, с другой — о функционировании и объяснении: теле полезном и теле понимаемом. И все-таки у них есть точки пересечения. „Человек-машина“ Ламетри — одновременно материалистическая редукция души и общая теория муштры, где в центре правит понятие „послушности“, добавляющее к телу анализируемому тело манипулируемое. Послушное тело можно подчинить, использовать, преобразовать и усовершенствовать“⁷². Послушное тело, воодушевленное население — промежуточные цели биовласти, позволяющие бороться за могущество, процветание и престиж государства. И все это немыслимо без всестороннего знания о человеке.

Биовласть осуществляет переход от индивида к населению, от дисциплинаризации индивида к регуляции населения. Биовласть нуждается в знании, для того чтобы укрепить собственную власть над населением. Знание, как и власть, становится капиллярным, всепроникающим. Становление биополитики связано с развитием института полиции и формированием «полицейского государства» как государства капиллярного просачивания в частную жизнь граждан. Для этого потребовалась статистика — важнейшее средство анализа, дающее знание о населении. Также потребовалась медиализация социального пространства вообще и индивида в частности. Совокупно медицинское наблюдение, полиция и статистика сформировали знание–власть в рамках биополитического государства как инстанцию дисциплинаризации, нормирования и нормализации индивида в рамках процедур регуляции населения. Каждый новый шаг на пути собирания сведений о населении, безусловно, требовал новых технических решений, новых средств охвата и анализа населения, новых средств обработки полученной информации. Биовласть как расширяющееся пространство знания–власти непосредственно

⁷² Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 198–199.

способствовала развитию медицины вообще, санитарии и психиатрии, в особенности, военного дела и политической экономии и других систем знаний, позволяющих формировать послушные тела и их мегамашинные констелляции, но не в меньшей степени биовласть способствовала развитию математического и вычислительного инструментария, формирующего статистику — ключа от всех дверей биополитических метаморфоз общества.

Радикальное преобразование знания–власти происходит в Новое время в ходе разворачивающейся научно-технической революции. Пожалуй, символом и универсальным модулем социального познания следует считать Паноптикон И. Бентама — проект здания, предназначенного для наблюдения и контроля за деятельностью людей самых разных категорий. Мыслимый, в первую очередь, как тюрьма, Паноптикон как инспекционное учреждение, основанное на новом принципе строительства, мог быть использован в качестве пространства, предназначенного для содержания под наблюдением любых «поднадзорных» граждан учреждениями любого типа. Например, пенитенциарными учреждениями, промышленными предприятиями, работными домами, домами призрения, лазаретами, фабриками, больницами, домами сумасшедших, школами. Н. Кристи, считающий Паноптикон символом тотального контроля, поясняет: «Слово „Паноптикон“ (Pan opticon) означает „полный обзор“. Проект Бентама представлял собой гигантскую окружность с высокой башней в центре. По окружности располагались камеры. Их окна выходили как наружу, так и внутрь окружности. В центральной башне размещалась охрана. С этой позиции просматривались все камеры и все, что в них происходило, в то время как самих охранников не было видно. Такая конструкция предполагала наилучшие возможности для наблюдения за минимальную стоимость»⁷³. Паноптикон был опробован буквально. В мире появились тюрьмы, соответствующие заявленной идее. Например, печально известные «Кресты» в Санкт-Петербурге. «Оказывается, название происходит от архитектуры тюремных зданий. Они были построены в прошлом веке по самым для того времени современным образцам — в виде крестообразных корпусов. В центре каждого креста застекленные будки — пункты наблюдения, а от них во все четыре стороны расходятся длинющие коридоры с камерами по обеим стенкам. И так — на каждом этаже»⁷⁴. Современные технологии позволили шагнуть дальше. Ныне существу-

⁷³ Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца. М., 2001. С. 110.

⁷⁴ Клейн Л. С. Указ. соч. С. 85.

ют практически полностью автоматизированные тюрьмы, работающие в круглосуточном режиме наблюдения на основе новейших технологий. Таковы тюрьмы «макси-макси» и даже «супермакси», содержание в которых организация Хьюман Райтс Вотч (**Human Rights Watch**) охарактеризовала как «холодильное хранение»⁷⁵. Но Паноптикон лишь видимым образом относится к тюрьме. Его задачи шире, а конструкция носит умозрительный характер. Паноптикон — новый Органон — констелляция методов управления и способов познания биовласти. Именно поэтому становление биополитики можно проследить на примерах становления систем знаний, делающих человека и общество прозрачнее, понятнее и, как следствие, послушнее. Обратимся к таким явлениям, как Big Data, Artificial Intelligence и паноптизм.

Big Data

Не будет преувеличением отметить, что историю человечества можно интерпретировать как историю рационализации и оптимизации (как следствие, алгоритмизации), а значит, как историю «больших данных»⁷⁶.

«Большие данные» определяются «как способность управлять большими объемами разнородных данных со скоростью, достаточной для анализа таких данных в реальном времени и своевременного реагирования»⁷⁷. «Большие данные» обладают тремя основными признаками: объемом (количеством данных); скоростью (быстротой обработки данных); вариативностью (разнообразием различных типов данных). Три «V» — **Volume, Velocity, Variety** — отличительный признак «больших данных».

«Большие данные» (англ. **Big Data**, IT-сленг — «бигдата») властно вторглись в пространство современной цивилизации и победоносно шествуют по планете. Мы пользуемся поисковиками и онлайн-переводчиками на основе алгоритмов обработки «больших данных». Deep Blue, Watson, Alpha Go одолели людей (лучших в своей области) в шахматы, Jeopardy! На основе Watson создано медицинское диагностическое оборудование WatsonPaths, призванное объединить колоссальный опыт человечества в борьбе с болезнями. «Большие данные» позволяют эффективно решать задачи, неподъемные еще в недавнем прошлом.

Однако есть и повод задуматься. Яркий пример — технология микро-таргетинга — маркетинговая стратегия, в рамках которой персональные

⁷⁵ Кристи Н. Указ. соч. С. 91–93.

⁷⁶ Попов Д. В. Человек ошибающийся и большие данные: от головного мозга к искусственному интеллекту // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 2. С. 89–96. (Здесь и далее использованы идеи, систематически изложенные в указанной статье).

⁷⁷ Гурвиц Дж. Просто о больших данных. М., 2015. С. 26.

данные пользователя используется для выявления интересов конкретных индивидов или групп с целью повлиять на их отношение и поведение. В настоящее время эта технология используется, например, в ходе избирательных кампаний. Микротаргетинг вырос на почве психометрии, достигшей существенных результатов в «душевеведении».

М. Косински, один из создателей психометрии на основе анализа «бигдаты», отмечает: «Обычно для построения точного профиля вполне достаточно чего-то одного — ваших интересов в „Фейсбуке“, например, или истории посещения страниц из браузера... Достаточно десяти лайков (интересов), чтобы система смогла лучше распознать вашу личность, чем коллега по работе, а по 230–240 лайкам компьютер будет знать о вас больше, чем ваш супруг или супруга»⁷⁸.

Совсем недавно мы узнали о существовании «публичной интимности» (М. Кронгауз). И хотя, «столкнувшись с публичной интимностью, то есть с интимным по сути высказыванием, существующим в публичном (то есть общедоступном) пространстве, мы еще не знаем, как на нее реагировать: как на интимное или как на публичное»⁷⁹, обнаруживается, что «нам придется принять тот факт, что никакой приватности не останется. Вместо того чтобы ввязываться в очередную битву за приватность, стоит признать, что уже проиграна война, и лучше озаботиться тем, чтобы мир стал благоприятной средой для человека, лишённого приватности»⁸⁰. Поскольку мы живем в мире постприватности, постольку следует признать справедливость утверждения, что «большие данные все чаще и чаще будут использоваться для получения информации, которая может нарушать неприкосновенность частной жизни или даже угрожать свободе»⁸¹.

Итак, **Big Data** — **передний край цифровых технологий**. Однако подобная технология не нова. В природе существует прообраз современных цифровых устройств, также обрабатывающий «большие данные» — головной мозг. Мозг — самый известный и до сих пор самый эффективный инструмент обработки «больших данных». Мозг обладает рядом признаков, которые позволяют говорить о нем как о естественном органе, обра-

⁷⁸ Мы не заметим, как мир захватит искусственный интеллект. URL: <https://www.svoboda.org/a/28166040.html> (дата обращения: 16.01.2021).

⁷⁹ Кронгауз М. Самоучитель олбанского. М., 2013. С. 356.

⁸⁰ Мы не заметим, как мир захватит искусственный интеллект. URL: <https://www.svoboda.org/a/28166040.html> (дата обращения: 16.01.2021).

⁸¹ Форд М. Роботы наступают: развитие технологий и будущее без работы. М., 2016. С. 124.

батывающим «большие данные». Межполушарная асимметрия, сложная топология карт мозга, нейронные сети, обрабатывающие определенный тип информации в параллельном режиме с предоставлением конечного результата другим структурам мозга позволяют говорить о многоядерности, многозадачности и распределенности вычислений.

Располагая от природы мощнейшим инструментом обработки Big Data, человек не преминул воспользоваться подобным инструментарием в жизни социальной. Особый, прикладной интерес Big Data вызвала в ходе становления биополитического государства.

Биополитика сформировала идею полицейского государства как государства попечения о населении ради процветания страны. Полиция предстала как инструмент усиления государства за счет улучшения жизни населения, как «то, что должно обеспечить величие государства»⁸². Поскольку «правильное использование сил государства — это цель полиции», постольку от полиции требовалось «обеспечить максимальный рост сил государства... сохраняя его строй»⁸³. В рамках таких проектов полиция понималась как искусство управлять жизнью и благополучием населения. «Ключевую роль в этом процессе попечения играла такая специфически нововременная технология управления, как полиция... Еще в XVIII веке понятие „полиция“ означало состояние доброго порядка в обществе, при котором гражданин или подданный ведет себя добропорядочно, нравственно и честно и при котором совместная жизнь людей упорядочена и нормирована. При этом полицейское состояние связано как с установлением и поддержанием общественного порядка и покоя, так и с регулированием благополучия и даже счастья индивидов. Применение полицейских мер было направлено не только на достижение доброго порядка, в котором были бы гарантированы достаток и процветание населения, но и на создание эффективной экономической модели, в рамках которой каждый отдельный человек мог бы максимально развить свои способности и тем самым внести свой вклад в рост богатства „своего“ государства. Таким образом, важнейшей задачей полицейской технологии власти раннего Нового времени было способствовать самореализации индивидов, ставших для государства важным элементом их могущества»⁸⁴.

⁸² Фуко М. Безопасность, территория, население : курс лекций, прочитанных в колледж де Франс в 1977–1978 году. СПб., 2011. С. 407.

⁸³ Там же. С. 408.

⁸⁴ Кильдюшов О. В. Мишель Фуко как исследователь «полицейского государства»: программа, эвристические проблемы, перспективы изучения // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 3. С. 22.

Если под понятие диспозитива подпадают любые явления и сущности, которые наделены «способностью захватывать, ориентировать, определять... контролировать и гарантировать поведение, жестикуляцию, мнения и дискурсы живых людей»⁸⁵, то диспозитивом биополитики XVIII в. становится благополучие населения. В такой ситуации целью полицейского государства, как оно понималось в то время (Монкретьен, аббат Флери, Тюрке де Майерн, Хохенталь), становится забота о населении, и в этом отношении полиция вводится в поле политики как инструмент реализации заявленной биополитической стратегии. Полиция олицетворяет континуум единого администрирования, Rule of law, и значит, отсутствие произвола и правопорядок. Политика отнюдь не исключает полицию, но, напротив, активно задействует как важнейшее звено, способствующее реализации биополитического проекта благополучного населения ради осуществления мегапроекта могущественного государства.

«Статистика становится необходимой благодаря полиции, но благодаря полиции она становится также и возможной»⁸⁶. Везде, где имеется потенциал развития, появляются учет и анализ, результатами которого пользуется полиция. Статистика в форме знания государства о самом себе становится инструментом трансформации общества. Биополитика полицейского государства, основанная на статистике, приобретает черты конфирмантропной биополитики. Там, где такая биополитика успешна, человек сыт, здоров, дольше живет, более счастлив.

Прошло немного времени, и появился другой тип «больших данных», но уже связанный с промышленным производством. Ф. У. Тейлор разработал систему научного менеджмента, позволяющую организовать и оптимизировать работу промышленного предприятия. За эту аналитику ухватились капитаны капиталистических предприятий, проводящие промышленную революцию. Он предложил систему научной организации труда, направленную одновременно на процветание предприятий и рабочих. В центре внимания было предприятие и отношения между администрацией и наемными работниками. Тейлор призывал к изменению сложившейся неэффективной системы взаимодействия между администрацией и рабочим. Он считал, что возможна система отношений, при которой выгоду получают все. Тейлор был ярким противником «труда с прохладцей» и латентного сговора работников, приводящего к недовыработке. Он предложил детализацию трудовых операций, их описание,

⁸⁵ *Современная социальная философия* : учеб. пособие. Екатеринбург, 2015. С. 29.

⁸⁶ Фуко М. *Безопасность, территория, население*. С. 410.

измерение, хронометраж — алгоритмизацию физического труда ради увеличения его производительности. Будучи противником потогонных производств, он, принимая во внимание здоровье работника, требовал интенсификации труда с позиций рациональности. По сути, Тейлор призвал к революции в сфере отношения к труду. «Большие данные» Тейлора — отчеты о разнообразных трудовых операциях. Итог анализа больших данных — современная промышленность, основанная на рационализации, оптимизации, эффективности. Примером воплощенного тейлоризма является технополис Е. Замятина из антиутопии «Мы». В ней в математически спланированном мире города, живущего по системе Тейлора, каждому «нумеру» отведено свое место согласно способностям и в интересах максимизации общественного блага. В мире, где искусственное вытесняет естественное, общественное — индивидуальное, публичное — приватное, рациональное — эмоциональное, а «нумера»-имена-тейлоризм всеохватен, паноптичен. Мир подчинен принципу «ритмичного тэйлоризованного счастья»⁸⁷ — диктату увеличения производительности труда и стремлению к математически измеримому совершенству. «Да, этот Тэйлор был, несомненно, гениальнейшим из древних. Правда, он не додумался до того, чтобы распространить свой метод на всю жизнь, на каждый шаг, на круглые сутки — он не сумел проинтегрировать своей системы от часу до 24-х. Но все же: как они могли писать целые библиотеки о каком-нибудь там Канте — и едва замечать Тэйлора — этого пророка, сумевшего заглянуть на десять веков, вперед»⁸⁸.

Тейлоризм обнаруживается и в школе, в которую, вероятнее всего, он попал даже раньше, чем на производство. М. Фуко, рассматривая школу как одну из сфер проявления дисциплинарной муштры, полагал, что «школьное пространство стало функционировать как механизм обучения, но также надзора, иерархизации и вознаграждения»⁸⁹. Учитель — одновременно технолог и надзиратель — работает в классе, где дисциплина образовывает из учеников «живые таблицы», преобразующие «беспорядочные, бесполезные и опасные массы в упорядоченные множества»⁹⁰. Учитель как технолог предоставляет ученикам «ингредиенты» образования, упакованные в порции знаний, удобные для усвоения. Учитель как надзиратель следит за дисциплиной и прилежанием в специально оборудованном пространстве класса, а затем — в положе-

⁸⁷ Замятин Е. И. Собр. соч. : в 5 т. М., 2003. Т. 2 : Русь. С. 240.

⁸⁸ Там же. С. 233.

⁸⁹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. С. 214.

⁹⁰ Там же. С. 215.

нии экзаменатора осуществляет контроль за качеством готовой «продукции». И. Иллич полагает, что спрос на образование превращает школу в наиболее масштабный бизнес-проект современности: «Школа — лучший пример предприятия нового типа, после гильдии, фабрики и корпорации... Эти предприятия предоставляют свои услуги таким способом, что люди чувствуют себя обязанными потребить их. Они интернационально стандартизированы, периодически пересматривают стоимость своих услуг и везде работают в одном и том же ритме... Градуируемое продвижение по службе с получением диплома позволяет ученику занять место в той же самой международной пирамиде квалифицированных трудовых ресурсов»⁹¹. Детализированный, хронометрированный и, как итог, алгоритмизированный труд — основание тейлоризма — сплошь и рядом обнаруживается в школе как в формах ее организации, так и применительно к процессу передачи знаний в ходе обучения.

Насущная необходимость развития капиталистической промышленности в США, по замыслу Тейлора, в итоге привела к повсеместной оптимизации ручного труда. «Центральным моментом системы Тейлора было желание рационализировать и стандартизировать методы производства в интересах экономики»⁹². Тейлоризм стал основой «фордизма», а затем тейлоризм «распространился из США на все промышленно развитые и развивающиеся страны мира»⁹³.

За фордизмом последовала автоматизация труда. Волны автоматизации обернулись «девятым валом» цифровых технологий. Уже сейчас «по мере преодоления технологиями все новых рубежей многие рабочие места, которые мы сегодня считаем далекими от рутины и потому защищенными от угрозы автоматизации, в конечном итоге окажутся в категории шаблонных и легко программируемых»⁹⁴. Все, что может быть алгоритмизировано в сфере труда, будет роботизировано. В конечном итоге, «умные алгоритмы» захватят не только пространство низкоквалифицированного труда, но и те профессии, которые, как считается, требуют высокой квалификации.

Тейлоризм нашел свое прямое продолжение в цифровых технологиях. «Этика Тейлора начинает проникать и в самую структуру нашего

⁹¹ Иллич И. Освобождение от школ. М., 2006. С. 55–56.

⁹² Шелдрейк Дж. Теория менеджмента: от тейлоризма до японизации. СПб., 2001. С. 54.

⁹³ Там же. С. 56.

⁹⁴ Карр Н. Пустышка. Что интернет делает с нашими мозгами. СПб., 2012. С. 90–91.

мышления. Интернет представляет собой машину, предназначенную для эффективного автоматического контроля, передачи и преобразования информации. Миллионы программистов ставят перед собой цель найти „наилучший путь“ — идеальный алгоритм для выполнения умственных действий, которые мы называем работой со знаниями»⁹⁵. Наглядным примером является деятельность мегакорпорации Google. Google — Ford нашего времени. Гуглизация — фордизм начала XXI в. — «Штаб-квартира компании Google... это настоящая церковь эпохи Интернета, в стенах которой проповедуется религия тейлоризма... в основе Google „идея науки измерения“. Компания пытается „систематизировать все“, что только возможно»⁹⁶.

Тейлоризм, алгоритмизировав труд физический, принялся за алгоритмизацию труда умственного: «То, что Тейлор сделал для ручного труда, Google делает для умственного»⁹⁷. Для Google целью является создание искусственного интеллекта — идеальной формы рациональности, систематизации, закономерного порядка. Со слов сооснователя Google Л. Пейджа «искусственный интеллект можно считать совершенной версией Google»⁹⁸. Поскольку одной из сторон идеологии Google является приравнивание интеллекта к эффективности обработки данных, то можно сказать, что технологии обработки больших объемов данных — движение в направлении создания искусственного интеллекта (ИИ, англ. AI — **Artificial Intelligence**) и очередной шаг в направлении рационализации жизненного пространства.

В конечном итоге современные методы рационализации и оптимизации интеллектуального и физического труда на основе технологий обработки «больших данных», т. е. алгоритмов слабого ИИ, приближают эпоху окончательного решения вопроса эффективности какой бы то ни было человеческой деятельности.

«Вполне вероятно, что однажды появится алгоритм, который сможет научиться делать всю работу — или значительную ее часть — за вас. Причем вероятность именно такого развития событий многократно увеличивается по мере все более глубокого проникновения в нашу жизнь такого феномена, как „большие данные“: организации собирают невообразимое количество информации практически обо всех аспектах своей деятельности, и с большой долей вероятности можно утверждать, что эти

⁹⁵ Там же. С. 170–171.

⁹⁶ Там же. С. 171–172.

⁹⁷ Там же. С. 172.

⁹⁸ Там же. С. 197.

данные включают подробные сведения об огромном количестве профессиональных навыков и операций. Так что остается лишь дожидаться дня, когда появится изощенный алгоритм машинного обучения, который, углубившись в оставленные предшественниками-людьми цифровые следы, сам всему научится»⁹⁹.

Итак, государство изобрело и использовало статистику ради увеличения собственной мощи, предприятие встало на путь научной организации труда, воспользовавшись отчетами о порядке, правильной последовательности, рациональном использовании инструментов и т. д., современный человек использует цифровую технику и ее алгоритмы для оптимизации собственной жизнедеятельности. Биополитика породила полицию, бизнес заручился поддержкой научного менеджмента, все — государство, полиция, бизнес, личность — опираются на математические алгоритмы цифровых технологий ради оптимизации решений. В основе процесса находится расширяющееся применение рационализации ко все более широкому и дифференцированному полю деятельности человека на основе анализа увеличивающихся массивов данных.

От оракулов к палантирам

Анализ «бигдаты» позволяет рассмотреть историю человечества как историю развития технологий паноптизма, т. е. средств всестороннего изучения, наблюдения и контроля за жизнью человека, социальной и природной средой его обитания и деятельности. История паноптизма начинается с мечты об абсолютном знании, зародившейся в древности. Всевидение и всеведение находит свое выражение уже в мифологии. Аргус (он же Паноптес, всевидящий) в древнегреческой мифологии — многоглазый великан, неусыпный страж, универсальное оружие и гарант безопасности.

Первые технологии паноптизма носили религиозно-мистический характер. У пифии в дельфийском храме Аполлона испрашивали оракул — неведомо откуда являлось решение, возникавшее, как предполагалось по умолчанию, на основе обобщения данных жизни вопрошающего. Жрецы и пророки напряженно всматривались в огонь своих видений и возвещали откровение. Гадания, погружение в состояние транса, воздействие одурманивающих веществ — все шло в ход для того, чтобы заглянуть за доступный предел.

Со временем стремление ко всеведению приняло рациональные формы. Открытия и изобретения, развитие технологий наблюдения,

⁹⁹ Форд М. Указ. соч. С. 15.

оптики, городская организация пространства, картография, а равно книгопечатание, архивы, музеи, библиотеки, цифровые технологии — все это можно рассматривать как прогресс человечества во всеведении и всевидении.

Радикальное преобразование средств паноптизма происходит в Новое время в ходе разворачивающейся научно-технической революции. Рождение биополитического государства, опирающегося на полицию и статистику, рационализацию труда, автоматизацию, роботизацию, гаджетизацию приближают человечество к стадии панграфического паноптизма.

Апофеозом паноптизма может явиться создание ИИЧУ (искусственный интеллект человеческого уровня, или универсальный искусственный интеллект; англ. AGI), быстро достигающего уровня ИСИ (искусственный сверхинтеллект; англ. ASI). Специалисты отличаются в оценке времени появления ИИЧУ, однако, возможно, оно не за горами. Например, Дж. Баррат отмечает, что проведенное им исследование возможного времени создания ИИЧУ показывает, что мнения специалистов расходятся. Так, П. Норвиг, директор по исследованиям Google, полагает, что до ИИЧУ еще слишком далеко. Напротив, Б. Гертцель предсказывал достижение ИИЧУ уже к 2020 г. Р. Курцвейл предвидит наступление эры ИИЧУ к 2029 г., а ИСИ — не раньше 2045 г. Проведя опрос среди двухсот компьютерщиков, Дж. Баррат подытоживает: «Я спросил присутствующих, когда ИИЧУ будет достигнут, и дал им всего четыре варианта: к 2030 году, к 2050 году, в 2100 году, вовсе нет. Результат ответов был таков: 42% опрошенных ожидает ИИЧУ к 2030 году; 25% — к 2050 году; 20% — к 2100 году; 10% — после 2100 года и лишь 2% респондентов полагает, что ИИЧУ не будет достигнут никогда»¹⁰⁰.

Однако осмысливается этот возможный прорыв противоречиво. Например, П. Домингос воспринимает появление «Верховного алгоритма» — ИИ, превосходящего разум человека, как апофеоз человеческой истории. «Верховный алгоритм сумеет извлечь из данных вообще все знание — знание прошлого, настоящего и будущего. Изобретение этого алгоритма станет одним из величайших прорывов в истории науки. Оно ускорит прогресс буквально во всем, изменит мир так, как мы едва можем себе сегодня представить... Верховный алгоритм — ключ к решению стоящих перед человечеством сложнейших проблем — от создания

¹⁰⁰ *Barrat J. Our final invention: Artificial intelligence and the end of the human era. First edition. N. Y., 2013. С. 122.*

домашних роботов до лечения рака»¹⁰¹. Верховный алгоритм Домингоса — обыкновенное чудо технологии и добрый Гудвин для человечества: «Верховный алгоритм — последнее, что нам придется изобрести, потому что, как только мы „спустим его с цепи“, он сам изобретет вообще все, что только можно придумать. Все, что нам нужно, — дать ему достаточно подходящих данных, и он откроет соответствующее знание»¹⁰². Дж. Баррат соглашается, что подобное изобретение будет последним¹⁰³, но придерживается диаметрально противоположного мнения. Для него «последнее изобретение человечества» связано с интеллектуальным взрывом, за которым может последовать добровольная передача человечеством власти ИСИ. А дальше — как решит ИСИ.

Е. Юдковски различает дружественный (англ. — Friendly AI) и недружественный ИИ, предостерегая от творения последнего. «Приемлемо провалиться в попытках создания как ИИ, так и Дружественного ИИ. Приемлемо достичь успеха и в ИИ, и в Дружественном ИИ. Что неприемлемо — это создать ИИ и провалиться в создании Дружественного ИИ»¹⁰⁴. Ставки крайне высоки: «Первый ИИ, который достиг некоего критического порога (то есть критичности самоулучшений), будучи не-Дружественным, может истребить человеческий вид»¹⁰⁵. Н. Бостром просчитывает благоприятные и неблагоприятные сценарии появления ИИЧУ, также утверждая, что любая ошибка на пути стремительного и необратимого преобразования мира будет фатальна. «В практическом плане нам придется справиться с труднейшим вопросом контроля — как управлять замыслами и действиями сверхразума. Причем люди смогут использовать один-единственный шанс. Как только недружественный искусственный интеллект (ИИ) появится на свет, он сразу начнет препятствовать нашим усилиям избавиться от него или хотя бы откорректировать его установки. И тогда судьба человечества будет предreshена»¹⁰⁶. Одним словом, ИСИ и даже ИИЧУ видится как сложнейший узел про-

¹⁰¹ Домингос П. Верховный алгоритм: как машинное обучение изменит наш мир. М., 2016. С. 20.

¹⁰² Там же. С. 48.

¹⁰³ Баррат Дж. Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens. М., 2015.

¹⁰⁴ Юдковски Е. Искусственный интеллект как позитивный и негативный фактор глобального риска. URL: <http://www.proza.ru/texts/2007/03/22-285.html> (дата обращения: 16.01.2021).

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М., 2016. С. 9.

блем, а не окончательное решение проблем человечества. «Не сами ли мы создаем себе преемников в земном господстве, ежедневно совершенствуя их красоту и утонченность, ежедневно обучая их новым навыкам и постоянно снабжая новыми способностями саморегулирования и автоматизма, которые будут лучше любого интеллекта?»¹⁰⁷.

А каково же человеку будет жить в условиях тотального цифрового паноптизма? Воспользуемся термином «палантиризация» для описания процесса становления состояния цифрового паноптизма. Палантиризация объединяет значения палантира Толкиена и технологических достижений современных цифровых компаний, например, американской компании Palantir. В первом случае имеются в виду палантиры, которые в легендарии Дж. Р. Р. Толкиена представляют собой «видящие камни», с помощью которых можно было наблюдать то, что происходит в настоящее время в другом месте или происходило в прошлом, а также выполняли функцию удаленного общения. Во втором случае имеется в виду Palantir Technologies, Inc. — частная американская компания, разработчик программного обеспечения анализа данных для организаций, основными заказчиками которой являются спецслужбы, инвестиционные банки, хедж-фонды¹⁰⁸. Благодаря скандалу, связанному с Э. Сноуденом, мир наполнен слухами о невиданной мощи инструментов всевидения и всеведения, разрабатываемых Palantir и подобными ей компаниями.

Использование палантиров противоречиво. Палантиры порождают сферу перманентного и тотального наблюдения, формирующую современные средства коммуникации, социальные интеракции, экономику. «Созданное с помощью телетехнологий пространство мультимедийных сетей предполагает новый способ видения, *глобальную оптику*, лежащую в основании паноптического видения, необходимого для создания „рынка видимого“»¹⁰⁹. Палантиры дают неоспоримые преимущества: «возникновением нового, паноптического контроля — тот, кто увидит все или почти все, может не опасаться своих непосредственных конкурентов»¹¹⁰. Но одновременно палантиры являются инструментом «революции всеобщего доносительства», приобретающей черты «оптического доноса» в среде «глобального теленаблюдения»¹¹¹. Состояние, понятое

¹⁰⁷ Курцвейл Р. Эволюция разума. М., 2015. С. 73.

¹⁰⁸ Palantir. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Palantir> (дата обращения: 13.01.2021).

¹⁰⁹ Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М., 2002. С. 52.

¹¹⁰ Там же. С. 53.

¹¹¹ Там же. С. 53, 133.

П. Вирилио как «всеобщий вуайеризм», перспективно в решении ряда социальных проблем. Человечество, победившее голод, мор и войны¹¹², может победить и преступность. Например, в условиях развития систем палантиризации полиция вновь обнаруживает потенциал паноптизма. Высокотехнологичная полиция получает целый ряд мощнейших инструментов, что дает возможности молниеносного реагирования и отсроченного достижения цели неотвратимости наказания. Это путь, способный привести к отделу профилактики преступлений (Precrime Department) из кинофильма «Особое мнение» (Minority Report), когда преступление с абсолютной точностью предсказывается до момента его совершения. В подобной ситуации недостижимый идеал избавления от преступности неожиданно становится ближе. Абсолютная безопасность (изобилие безопасности) в обществе изобилия информации может стать реальной. Однако в мире, где публичная интимность — норма, а трассы электронных следов от рождения до смерти создают электронную копию жизни, возникает соблазн утверждения тотального цифрового паноптизма в качестве парадигмы. В такой перспективе цифровой паноптизм становится реальным атрибутом реального нецифрового государства и рискует превратиться в цифровой тоталитаризм.

Амбивалентность трансформантропной биополитики

В настоящее время технологический прогресс достиг стадии паноптизма. *Vita nuda* человека теперь более чем обнажена. Рентгеновские лучи, магнитные волны и другие излучения выявляют структуру и состав наших тканей точно так, как психометрические алгоритмы распознают наши «скелеты в шкафу». Стало ясно, что человек — код. Биологический, социальный, культурный. Как код, человек стал машиночитаем. Человек стал прозрачен для порожденных им гаджетов и алгоритмов. Более того, алгоритмы Big Data найдут такие корреляции, которые сделают явным то тайное, что укрылось от самого человека. Человек может быть понят точнее, чем он мыслится самому себе¹¹³.

Появляющиеся системы тотальной детекции уже переформатируют поле социальных взаимодействий. Приложение Verity для компьютера и смартфона, совмещающее технологии искусственного интеллекта и полиграфического устройства, дистанционно и незаметно с высокой долей вероятности укажет на ложь контрагента. «Приложение Verity — первый

¹¹² Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М., 2018. С. 211.

¹¹³ Попов Д. В. Трансформантропная биополитика и экология разума // Евразийский юридический журнал. 2019. № 10. С. 456–462. (Здесь и далее использованы идеи, систематически изложенные в указанной статье).

в мире детектор лжи в виде приложения, пользоваться которым могут обычные люди... Приложение Verity умеет распознавать лицо. Оно считывает микродвижения и пульс с лица: программа выдает на лбу определенный, наиболее подходящий участок и по микроизменению тона кожи может распознать колебания пульса. Также влияет движение глаз, бровей, губ, щек. Чтобы выяснить, говорит человек правду или нет, нужно навести на собеседника камеру и задать вопрос. Приложение запишет на видео лицо говорящего и выдаст результат в процентах»¹¹⁴. Общение в Skype с включенной опцией детекции лжи может совмещать элементы дружеской беседы и допроса, что создает условия для смешения гражданского общества и полиции до степени неразличимости.

Нетипичное поведение на улице выдаст потенциального правонарушителя, активирует камеры видеонаблюдения, подаст сигнал в полицейский участок и направит к месту возможного события полицейский наряд. Программное обеспечение, оснащенное системой распознавания лиц, оперативно предоставит сведения о смутьяне. Особые палантиры специальных служб изучат цифровые следы нарушителя и, возможно, обнаружат подполье, которое будет элегантно нейтрализовано незаметным для общества образом. Попавший в зону наблюдения «взмах крыльев бабочки» в одной локации может привести к «урагану» в другой. Мониторы полицейского участка, оснащенные алгоритмами прогностики, высвечивают карту территории и определяют направления возможного криминального удара. Алгоритм предлагает стратегию действий, производит подсчет возможной перегруппировки сил, остается лишь отдать приказ. Цифровая полиция методично снижает уровень преступности. Реальность в таком формате похожа на виртуальное игровое поле. Карта и территория стремятся к тождеству.

В условиях палантиризации управление людьми уподобляется управлению данными. Удобный интерфейс палантира располагает опциями, позволяющими манипулировать полученными данными. В условиях неурегулированного отношения к профайлингу данные собираются в сети на основе самоманифестаций человека в его профилях, аккаунтах, чатах. Возможно, палантир имеет информацию о поисковых запросах, лайках, дизлайках, кликах и лидах клиента, статистику посещений различных сайтов, предпочтения из области кино-, видео-, аудио-, книгопродукции. Небезразлична палантиру информация об образовании, профессиональной деятельности, состоянии здоровья, перемещениях в пространстве, если доступ к такой информации не защищен. Если защищен, то на рынке можно

¹¹⁴ Жданов Ю., Овчинский В. Полиция будущего. М., 2018. С. 137–138.

найти компании, торгующие массивами неструктурированных «больших данных». Можно найти и программы с открытым кодом, которые позволяют исследовать большие данные. В результате возможна любая реконфигурация данных. Лучшие алгоритмы позволяют добиться эффектов телескопии, телепатии и телекинеза: можно дистанционно наблюдать, предвидеть ход мыслей и даже оказывать упреждающее воздействие, используя ресурсы IoT (Internet of Things — «интернет вещей»). В такой ситуации человек становится заложником математического процесса и подвергается воздействию «оружия математического поражения». «Но апеллировать к оружию математического поражения невозможно. Это — часть его пугающей силы. Оно ни к кому не прислушивается и ни перед кем не отступает. Оно глухо не только к лести, угрозам и уговорам, но и к логике, даже когда есть хорошие основания усомниться в информации, которая послужила основой их выводов... по большей части программы изрекают вердикты, не подлежащие обжалованию, а обслуживающие их люди могут только пожимать плечами, словно хотят сказать: „Ну что же тут поделаешь?“»¹¹⁵.

Цифровая среда обитания превращает человека в «голую цифровую жизнь» (модальность «голой жизни» Дж. Агамбена). Человек в форме учетной записи становится *homo sacer*, которому соответствует «определение такой жизни, которая может быть убита без совершения убийства»¹¹⁶. Действительно, цифрового *homo sacer* можно «забанить», стереть, отфильтровать, ограничить или вовсе лишить доступа к тому или иному ресурсу без уведомления, бессрочно, безальтернативно.

«С появлением электрической технологии человек расширил, или вынес за пределы себя, живую модель самой центральной нервной системы», и поскольку «главная особенность электрической эпохи состоит в том, что она создает глобальную сеть, во многом похожую по своему характеру на нашу центральную нервную систему», с этой поры «в электрическую эпоху мы носим на себе как свою кожу все человечество»¹¹⁷. IoT — интернет вещей — система тентаклей цифрового мира, опутывающая цивилизацию. Нервная система человека, вынесенная вовне в виде сонма взаимодействующих периферийных устройств, расширила человека до степени непосредственного воздействия на глобальную систему вещей. Однако инклюзия в «мир вещей» обернулась инклюзией IoT в «интернет

¹¹⁵ О'Нил К. Убийственные большие данные. Как математика превратилась в оружие массового поражения. М., 2018. С. 7.

¹¹⁶ Агамбен Дж. *Homo sacer*. Чрезвычайное положение. М., 2011. С. 209.

¹¹⁷ Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.; Жуковский, 2003. С. 38–39, 57, 400.

людей» (Internet of People; IoP). Проводная и беспроводная связь, множеством протоколов связывающая людей и вещи, породила взаимозависимость — настолько, что уже трудно понять, кто кукловод, а кто марионетка. Люди — такая же часть IoT, как гаджеты. Они — датчики потребления, их деятельность сигнализирует вещам об их популярности, выделяя селебрити, порождая «суперзвезд» вещного мира, реконфигурирующих пространство людей. Подобно тоталитарным движениям, тайным знанием которых было, что «все возможно» (Х. Арендт), тотальный цифровой мир беспроводными приводными ремнями манипулирует человеком. Тренд трансформантропной биополитики позволяет поставить жизненно важный для человека вопрос о соизмеримости человекосоразмерности и машиночитаемости сложившейся технократии. Нечеловекосоразмерная и машиночитаемая цивилизация способна построить «Гуглаг» — «мышеловку на меху» (С. Н. Паркинсон), дружественную для машины, но неуютную для человека. Машинонечитаемая цивилизация — а во многих проявлениях сейчас она именно такова — требует вмешательства человека в ключевые процессы. IoT не автономен. Такой компромисс между человеком и машиной на данный момент выглядит и благом, и вызовом для IT-специалистов. Однако машиночитаемость растет, а человекосоразмерность, судя по всему, убывает. Это означает, что сценарий, в рамках которого человечество может передать эстафетную палочку Artificial Intelligence, дружественному или враждебному, не невероятен.

Накопление колоссальных массивов бигдаты привело к развитию технологии одновременного наблюдения, понимания, контроля и трансформации человека. Та самая «Великая книга о Человеке-машине» теперь оцифрована и обрабатывается различными алгоритмами. Оба способа интерпретации человека — «анатомо-метафизический» и «технополитический» — в качестве дискурсов понимания и полезности в цифровом формате продолжают конструировать послушное тело и податливую личность. Если «достаточно десяти лайков (интересов), чтобы система смогла лучше распознать вашу личность, чем коллега по работе, а по 230–240 лайкам компьютер будет знать о вас больше, чем ваш супруг или супруга»¹¹⁸, то это способно полностью переформатировать образ жизни. «Другими словами, если вам случится триста раз лайкнуть в Facebook, его алгоритм сможет предсказывать ваши мнения и желания лучше, чем ваши муж или жена!»¹¹⁹.

¹¹⁸ Мы не заметим, как мир захватит искусственный интеллект. URL: <https://www.svoboda.org/a/28166040.html> (дата обращения: 28.10.2020).

¹¹⁹ Харари Ю. Н. Указ. соч. С. 397–398.

Трансформация личности, вольная и невольная, может происходить в рамках воздействия глобальных компьютерных программ, охватывающих значительную часть населения. Например, действующая в КНР государственная система «Золотой щит» — «великий китайский файрвол», гигантский фильтр информации, разделяющий интернет-трафик на дозволенный и запрещенный. Великая китайская цифровая стена активно блокирует многочисленные сетевые ресурсы внутри как страны, так и зарубежных доменов. С 2014 г. сделан еще один шаг к контролю за населением. «Каждому жителю Поднебесной решили присвоить социальный рейтинг. По замыслу правительства, рейтинг гражданина должен зависеть от каждого его действия: под пристальным наблюдением окажутся не только банковские счета и посты в сети, но и поведение в общественных местах, отношения с соседями, коллегами и посторонними людьми... Каждому гражданину присвоят идентификационный код, который можно будет использовать для проверки своего статуса. Как и в случае с кредитной историей, рейтинг гражданина может падать или расти»¹²⁰.

Интересно сравнить данный эксперимент с самыми смелыми прогнозами из недавней доцифровой эпохи. «Нынешняя мечта тоталитарной полиции, оснащенной современными техническими средствами, несравнимо более ужасна. Сегодня полиция мечтает о том, чтобы одного взгляда на огромную карту, висящую на стене конторы, было достаточно для определения знакомства людей и степени близости их отношений; и с теоретической точки зрения эта мечта не является неосуществимой, хотя ее техническое воплощение связано с некоторыми трудностями. Если бы такая карта действительно существовала, то даже память не преградила бы путь претензии на тоталитарное господство; такая карта позволила бы уничтожать людей, не оставляя никаких следов, как если бы они вообще не существовали»¹²¹. Видимо, еще в недавнем прошлом полет фантазии не мог достигнуть высот современных рутинных технологических возможностей.

Внешние расширения человека в виде виртуальной реальности как таковой и IoT, в частности, существенно увеличили возможности человека, но человек отнюдь не успел адаптироваться к новым условиям. Психиатр М. Шпитцер отмечает многочисленные ситуации привыкания человека к использованию гаджетов и одновременно потери собственных

¹²⁰ Красная сеть. URL: <https://chinanet.lenta.ru/> (дата обращения: 28.01.2021).

¹²¹ Арендт Х. Указ. соч. С. 563–564.

важных качеств¹²². Адаптация иногда протекает в ригидных формах, что позволяет иронизировать на тему появления «первобытного человека будущего» (Дж. Зерзан).

Ю. Н. Харари пишет о формировании потенциально непредсказуемой зависимости человека от информации, предоставляемой электронными помощниками. «Cortana — это виртуальная голосовая помощница с элементами искусственного интеллекта, которую Microsoft надеется интегрировать в будущие версии Windows. Пользователей будут подталкивать к тому, чтобы помощница была допущена ко всем файлам, имейлам и приложениям. Ознакомившись с ними, она сможет давать советы по миллиону вопросов и вообще сделаться виртуальным агентом, представляющим интересы пользователя. Cortana напомнит вам о приближении дня рождения жены, выберет ей подарок, зарезервирует столик в ресторане и за час до обеда подскажет вам, что пора принимать лекарство... Не исключено, что Cortana и ее сородичи, превратившись из оракулов в агентов, начнут договариваться насчет своих хозяев напрямую, без их участия»¹²³. Обусловленность человека содержанием интернет-контента, зависимость от безошибочных советов и прогнозов умных аугментаций, дополняющих нас, не просто делает отношения человека и компьютера симбиотическими, но и в определенной степени способствует инверсии: из создателя человек превращается в ведомого, из управляющего — в подсистему IoT.

Человек обнаруживает себя в точке сингулярности и в смысле поворотного пункта, точки сгиба, узла, очага и центра¹²⁴; и в значении технологической сингулярности (В. Виндж, Р. Курцвейл), прохождение которой ознаменует развертывание сценария взрывного развития человечества. Однако сценарий этот не определен. Возможны версии, качественно отличающиеся друг от друга. Ключевым моментом для человека, ключевой бифуркацией является решение вопроса о соотношении человечности (в смысле «человеческих качеств» (А. Печчеи)) и «машинного филума» (Ж. Делёз) в рамках стремительного развития вычислительных технологий. Или человек встроится в машинный филум и будет им поглощен, или человек выстроит подлинно симбиотические отношения с порожденной глобальной техносферой и продолжит развитие по пути «экологии разума» (Г. Бейтсон), создавая экосистему человекосоразмерной и природосоразмерной машинерии.

¹²² Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг. М., 2014.

¹²³ Харари Ю. Н. Указ. соч. С. 400–401.

¹²⁴ Делёз Ж. Логика смысла. М., 2011. С. 75.

Машинный филум и экология разума

Развитие человека нерасторжимо связано с машинным филумом. «Машинный филум — это материальность, естественная или искусственная, или то и другое одновременно, это материя в движении, в потоке, в изменении, материя как носительница сингулярностей и выразительных черт»¹²⁵. Инвариантность, «машинность», заданность материальных процессов влекут «очевидные выводы, а именно — за такой материей-потоком можно только следовать». Человек, конкурентные преимущества которого основаны на разуме, изобретающем технические приспособления, стал тем, «кто вынужден следовать за потоком материи, за машинным филумом. Он — тот, кто странствует, бродяжничает. Следовать за потоком материи — значит странствовать, бродяжничать. Это интуиция в действии»¹²⁶. От следовать за потоком до быть унесенным потоком — один шаг. Человек впервые в истории находится в опасной близости к тому, чтобы пересечь черту. ASI (искусственный суперинтеллект) — технология, которая может избавить машинный филум от нужды в человеке.

«Понятие машинного филума стирает различие между органической и неорганической жизнью, а именно к этому и стремился бы робот-историк (гипотетический историк машинной цивилизации, предложенный М. Деландой. — Д. П.). С его точки зрения, как мы уже отметили, люди выступали всего лишь в качестве суррогатных органов производства машин, пока роботы не приобрели собственные способности самовоспроизводства. Однако в конечном счете тела и роботов, и людей должны быть отнесены к общей филогенетической линии — к машинному филуму»¹²⁷. ASI способен свести развитие человечества и развитие техносферы к общему, машинному знаменателю. Но хочется верить, что «технологии — это не судьба. Мы сами определяем свою судьбу»¹²⁸. Для этого отношения человека и технологии — этого фасада машинного филума — должны основываться на постулатах:

1. Технология для человека, но не человек для технологии.
2. Человек разумен, но не совершенен. Из этого вовсе не следует, что природа человека должна быть трансформирована согласно паттерну машинного филума. Человечность, включая ее несовершенство, иррациональность и машино-не-подобность, самоценна.

¹²⁵ Делёз Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург; М., 2010. С. 692.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Деланда М. Война в эпоху разумных машин. Екатеринбург; М., 2014. С. 15–16.

¹²⁸ Бриньолфсон Э., Макафи Э. Вторая эра машин. М., 2017. С. 331.

3. Технология не отменяет, но дополняет культуру. Техносфера — расширение цивилизации, но не автономная, самодостаточная и самостоятельная эволюционирующая сущность.

4. Человек и техносфера комплементарны. Люди способны выстроить симбиотические отношения с технической средой своего обитания, не останавливающие прогресс техники и не уничтожающие человека и природу.

5. Экология разума — модель развития, учитывающая природу, человека и технику в их нерасторжимом и органичном единстве.

Г. Бейтсон соединил в своей доктрине философские, антропологические, кибернетические и экологические идеи. Он полагал, «что здоровую экологию человеческой цивилизации следовало бы определить примерно так: единая система окружающей среды в комбинации с высокой человеческой цивилизацией, в которой гибкость цивилизации должна соревноваться с гибкостью окружающей среды для создания функциональной сложной системы, открытой для медленных изменений даже базовых (жестко запрограммированных) характеристик»¹²⁹. Рассматривая экологию разума как сферу приложения мудрости к развитию человеческой цивилизации, Бейтсон утверждал, что «недостаток системной мудрости всегда наказывается»¹³⁰. Ошибки порождают экологию сорняков, накапливаясь, ведут к катастрофе. Представляется, что в настоящее время вопрос о технологическом развитии является ключевым. С кибернетической точки зрения «системы... наказывают те виды, которые настолько немудры, что начинают враждовать со своей экологией. Если хотите, можете назвать системные силы „Богом“»¹³¹. Синергетический подход позволяет увидеть последствия прохождения сингулярностей как формирования новых аттракторов и репеллеров. Если точка бифуркации пройдена определенным образом, то жесткие законы машинного филума уже не позволят обратить процесс вспять. Представляется, что именно путь экологии разума — взвешенное, мудрое отношение к технологии для человека и ради сохранения уникального жизненного мира планеты Земля, является единственным средством, в рамках которого трансформантропная биополитика, возникшая в ходе экспансии цифровой реальности, не превратит человека в сорняк.

¹²⁹ Бейтсон Г. Указ. соч. С. 332.

¹³⁰ Там же. С. 291.

¹³¹ Там же.

§ 3. Будущее биовласти

Биополитика в историческом контексте

Рождение биополитики пришлось на XVIII–XIX вв. в связи со стремительным ростом научных знаний и технических изобретений, урбанизацией, индустриализацией, формированием массового общества производства и потребления, масштабным вовлечением народонаселения в экономические процессы. Сложившаяся система международных отношений на основе Вестфальского мира наделила национальные государства функциями представительства на международной арене, одновременно гарантировав признание статуса и границ¹³². Города-империи и города-государства, наднациональные религиозные организации, негосударственные неполитические союзы потеряли былое значение¹³³. То, что можно обозначить как *kairos* — «счастливей случай», вызвавший к жизни биополитику — историческое стечение обстоятельств, послужившее отправной точкой для организации биополитической регуляции населения, носит составной характер. Важными элементами причинного основания рождения биополитики стали промышленная революция, взрывной рост научных знаний и технических изобретений, формирование национальных государств, международная политика европейских государств в рамках баланса сил в Европе, урбанизация, индустриализация и формирование массового общества потребления. Развернувшаяся полномасштабная реорганизация общества в ходе английской промышленной революции, например, потребовала осуществления принудительных мер, направленных на формирование рабочего класса. Так, К. Поланьи показывает, что отмена так называемого закона Спинхемленда (принят в 1795 г., отменен в 1834 г.) стала радикальной мерой, подстегивающей бедноту к болезненной, но необходимой для нового типа экономики инклюзии в новые капиталистические отношения¹³⁴. Вынужденная миграция населения из сельской местности в поисках хлеба насущного в промышленные города и порты — спровоцированное событие, явившееся прообразом «восстания масс» (Х. Ортега-и-Гассет), переросшего в «век толп» (С. Московичи).

«Массы» не явились ниоткуда, скорее, они были призваны как необходимый ресурс, позволяющий сформировать экономику нового типа,

¹³² Фуко М. Рождение биополитики : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 году. СПб., 2010.

¹³³ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М., 2009.

¹³⁴ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. 320 с.

а вместе с ней и общество в целом, невиданное ранее. В дальнейшем массы, изначально востребованные как человеческий материал, необходимый для массового производства, армии национального государства, построенной на принципах мобилизации и всеобщей воинской повинности, колониальной экспансии, общества массового потребления, необходимого для расширения капиталистической экономики, выдержав период радикальных преобразований, вольно и невольно вступили в торг с архитекторами конструируемого социума. Правительства национальных государств и капитаны капиталистической промышленности с неизбежностью столкнулись с необходимостью систематических инвестиций в тот человеческий капитал, при содействии которого было воздвигнуто здание нового индустриального мира. Отчасти биополитическое регулирование осуществлялось в форме сознательных вложений в возрастание качества жизни населения, отчасти вынужденным образом как реакция на недовольство, в том числе разжигаемое лидерами оформившихся оппозиционных движений, отчасти в режиме «непреднамеренных последствий» (Д. Лал). Правительства и капитал вступили на путь, который предполагал необходимость распределения прибыли между имущими и неимущими слоями населения. В определенном смысле, это та же самая дорога торга и компромисса, по которой государства шли и раньше по пути от ограниченного к открытому доступу¹³⁵. Это путь вынужденного постепенного вовлечения все более широкого круга акторов в экономическую и политическую жизнь, путь предоставления преимуществ все большему количеству социальных групп, путь, при движении по которому бенефициарами процесса становится все большее количество его участников. Формирование национального государства как таковое явилось компромиссом между принуждением, олицетворяемым властью, и капиталом, за которым стоят предприниматели; центральной властью правительств и властью городов; землевладельцами и промышленниками¹³⁶. Преодолев стадию «кочующего бандита» и приобретя статус «стационарного бандита»¹³⁷, национальное государство исподволь взвалило на себя ношу ответственности и возложило на себя обязанность представлять «долю обездоленных» (Ж. Рансьер) хотя бы в минимально возможном виде. В дальнейшем этот процесс приобрел форму бесконечной

¹³⁵ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011. С. 69.

¹³⁶ Тилли Ч. Указ. соч.

¹³⁷ Олсон М. Власть и процветание: перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М., 2012. С. 33–34.

позиционной борьбы, вынудив капиталистический мир в лице его лидеров отказаться от примитивной трактовки рыночной экономики как истолкования учения А. Смита о всеблагости «невидимой руки» рынка, всеобщей максимизации стремления к прибыли и универсальной стратегии разумного эгоизма. Экономическая антропология (А. Сен, Д. Лал, Т. Седлачек, Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон, С. Хедлунд и др.) вернула этику в экономику, что предполагалось в концепции самого А. Смита, и теоретически обосновала необходимость этико-экономического рассмотрения деятельности *homo economicus*. Как итог, расцвет биополитического регулирования жизнедеятельности населения — развертывание социального государства — ренты населения от рыночной экономики. Этому, к слову, в значительной степени прямо и косвенно способствовали политические режимы в странах, радикально отказавшихся от рынка в пользу радикального же проекта переустройства общества на началах социализма. Не случайно Ж. Фурастье непосредственно связывал «Славное тридцатилетие»¹³⁸ — термин, введенный им для обозначения периода с 1946 по 1975 гг., с холодной войной и противостоянием капиталистической и социалистической экономических систем. Общество всеобщего благосостояния конструировалось как реальная альтернатива социализму в СССР, симпатии к биополитическому эксперименту которого испытывала немалая часть населения стран Запада. Удивительным образом расцвет капитализма совпадает с периодом его острой критики¹³⁹. Уступки системы воспринимаются как должное, каждое новое завоевание населением социальных гарантий видится как закономерное, а не результат вынужденного и, возможно, временного отступления власти в ходе большой биополитической игры. Большой запас прочности рыночной системы, обусловивший перевес над СССР и его союзниками, привел к стремительному демонтажу большинства прокоммунистических режимов, преждевременному провозглашению «конца истории» (Ф. Фукуяма) и одновременно частичному отказу от социальных программ на Западе. Т. Пикетти убедительно показывает, что уровень социального расслоения в начале XXI в. достиг и превзошел значения показателей начала XX в.¹⁴⁰ На рендоориентированность элит обращает внимание Дж. Стиглиц. Рента, как более стабильный источник дохода, рассматривается в качестве основания рентного общества, разворот к которому происходит в начале

¹³⁸ Fourastié J. Les Trente Glorieuses, ou la révolution invisible de 1946 à 1975. Paris, 2014.

¹³⁹ Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М., 2011.

¹⁴⁰ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., 2015.

XXI в., Л. Фишманом, В. Мартьяновым и Д. Давыдовым¹⁴¹. Схлопывание среднего класса, формирование многочисленного прекариата и стремительное уменьшение salariата констатируется Г. Стэндингом¹⁴².

Следует признать, парадоксальным образом расцвет биополитики может обернуться ее закатом. То, что торг между властью и населением на фоне изменения политической конъюнктуры и очередного витка развития технологий ведет к кризису биополитики, последнее время становится все более очевидным. Колониальная экспансия, в ходе которой метрополиям удавалось сбрасывать издержки вовне, закончилась провозглашением независимости большинством бывших колоний. Стремительный рост стран «второго мира» (П. Ханна) усилил политическую и экономическую конкуренцию на международной арене. Демографическое и экологическое давление порождает спрос на стабилизацию роста народонаселения и повышенные требования к производству. Прогресс, вплотную подошедший к четвертой промышленной революции (К. Шваб), основанной на искусственном интеллекте, робототехнике, достижениях нано-, био- и когнитивных технологий, ведет в мир экономики без людей (М. Форд, Э. Дрекслер, Р. Курцвейл). Может быть, это добрый знак — предвестник безусловного (универсального) базового дохода или универсальных базовых услуг для всех — ренты, гарантирующей выживание, а может быть, и весьма комфортную жизнь¹⁴³. Но, возможно, существует и негативный сценарий.

В такой ситуации неожиданно, но закономерно расцвет биополитики уже сейчас постепенно оборачивается кризисом биополитики, который может стать предвестником сворачивания этой формы властного вмешательства в жизнь людей. Восстание масс, спровоцированное элитами, на определенном этапе столкнулось с контрреволюцией восстания элит (К. Лэш), породившего постдемократию (К. Крауч) с развитой системой постидеологии (С. Жижек), в которой постправда (Ю. Н. Харари) растворена в постпамяти (М. Ямпольский). Активные массы, возможно, явившиеся откровением для конструкторов века толп, превратились в молчаливое большинство (Ж. Бодрийяр) в процессе имплозии политического.

Молчаливое большинство артикулирует свои требования иррационально, в логике вывернутых наизнанку перформативов — действий, ко-

¹⁴¹ Фишман Л. Г., Мартьянов В. С., Давыдов Д. А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М., 2019.

¹⁴² Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.

¹⁴³ Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века. М., 2019.

торые должны быть восприняты как речь, символом чего является Kill-dozer из знаменитой войны М. Дж. Химейера. Например, одним из самых ярких последствий ковидного лагерного пространства чрезвычайного положения стала дерегуляция социальных отношений. Неожиданный американский бунт, «инфантильного социализма» (Ю. Латынина) бессмысленный и беспощадный, обнаружил во всей наготе диффузию норм, неэффективность социальных институтов, более не дисциплинирующих и не нормирующих, преобладание эмоциональной реакции над рациональным содержанием в постидеологическом симулякре, выдаваемом за политическую программу людьми, не имеющими общих политических интересов и объединенных ситуативно. Если это не новая реальность, то, по крайней мере, симптом, свидетельствующий о рассогласованности интересов власти и населения. Общество — аутопоэзная система третьего порядка¹⁴⁴. «Поразительная особенность аутопоэзной системы состоит в том, что она вытаскивает сама себя за волосы и становится отличной от окружающей среды посредством собственной динамики, но при этом продолжает составлять с ней единое целое»¹⁴⁵. Однако спазмы социальной деструкции демонстрируют, что общество утратило пластичность, социум полон ригидных форм, подтверждающих потерю необходимой для сложных социальных систем гибкости, только в рамках которой возможен аутопоэзис, опирающийся на перманентную адаптацию к внешним и внутренним возмущениям в отношении системы. Более того, прогресс технологии, наделяющий их обладателей автономностью и даже самодостаточностью, может поставить вопрос о необходимости людей. Нуждается ли государство в росте и развитии населения, если новейшие технологии способны предоставить все, что требуется для поддержания жизни компактной общины в изобилии и в более совершенном виде? Ставки в большой биополитической игре высоки, сильные мира сего, находясь под усиливающимся прессингом населения, вечно неудовлетворенного достигнутым уровнем благополучия, могут предпочесть бесконечному поиску компромисса радикальный отказ от изжившей себя стратегии, разрубив «гордиев узел» требований вошедшей во вкус публики конструированием нового мирового порядка, в котором эти запросы просто неуместны. Деревуляция социальных отношений, индифферентная к диффузии норм и демонтажу сложившегося мироустройства, может увести в новое Средневековье, с новыми городами-империями

¹⁴⁴ Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания. М., 2019. С. 218.

¹⁴⁵ Там же. С. 53.

и городами-государствами вроде Венеции и Генуи (Сингапур, Гонконг), новой системой брокеража (ЧВК), ордами кочевников (Сомали, Сирия) и твердынями неприступных крепостей, описанными А. Зиновьевым футурологически и Г.-П. Мартином и Х. Шуманном эмпирически как «общества 20/80», примером чего является Сан-Паулу с его структурами государства (для состоятельных) в государстве (для всех остальных)¹⁴⁶. А там совсем недалеко и до построений В. Войновича, Н. Чадовича, Ю. Брайде-на, В. Сорокина и В. Пелевина.

Добро пожаловать в постисторию!

Биополитика подготовила переход к биоургии — этапу развития человеческой цивилизации, на котором средствами биотехнологии будет трансформирована телесность человека и изменены (улучшены) основные параметры жизни. Безусловно, в настоящий момент совершенно невозможно предсказать, насколько реализуемы смелые (весьма смелые) предположения ученых и философов. Можно лишь отметить, что если биополитика пройдет кризис, то на пути развития биотехнологий она станет трансформантропной биополитикой, полновластно вмешавшись в регуляцию жизни на качественно ином уровне. Апгрейд жизни может существенно превзойти все известные формы конструирования социальных отношений, известные по этапу биоанисихии. Трансформантропная биополитика ведет в неведомый сейчас мир постистории, где человек становится постчеловеком.

Каков облик постчеловека? Попробуем оценить несколько возможных сценариев развития событий.

Homo Animalis¹⁴⁷

Апгрейд жизни ведет в постисторию — время, непрозрачное для взгляда из настоящего и именно поэтому обозначенное столь бессодержательным термином — «пост-», значит «после». Однако постистория имеет и еще один важный смысл: конец истории как череды потрясений, радикальных изменений, бурных страстей по поводу жизнеустройства человека. И в этом смысле постистория ставит вопрос об отношении «человечности» и «животности». А. Кожев по этому поводу писал: «Исчезновение Человека в конце Истории не будет космической катастрофой: природный Мир останется таким, каким был от века. И это тем более

¹⁴⁶ Мартин Г.-П., Шуманн Х. Указ. соч. С. 20.

¹⁴⁷ Попов Д. В. От конструирования к апгрейду жизни: расцвет или кризис биополитики? // Человек. 2020. Т. 31, № 6. С. 68–86. (Здесь и далее использованы идеи, систематически изложенные в указанной статье).

не биологическая катастрофа: Человек продолжает жить, но как животное — в согласии с Природой, или наличным Бытием. Кто исчезает, так это собственно Человек... Субъект, противостоящий Объекту»¹⁴⁸. Исчезновение Человека не есть гибель человечества, но может означать радикальную трансформацию людей. Можно выделить образы осмысления такой метаморфозы: *Homo Animalis* и *Homo Formica*. Праздное бездельное состояние, подобное оцепенению животного, не испытывающего давления «носителей значения» (Я. фон Юкскюль), для человека, для которого сама «человечность достигается только через приостановку животности»¹⁴⁹, является приостановкой человечности. Это состояние «не производящей негативности» (Ж. Батай), под знаменами которой конец истории превращается в инсценировку мифа, замешанного на эротизме, игре и радости перед лицом смерти. Эта батаевская «идиллия» окончания истории усилий, достижений и катастроф ведет к сценам «Солнцестояния» (*Midsommar*, А. Астер) и «Плетеного человека» (*The Wicker Man*, Р. Харди). И эта картина человеческой животности не выглядит празднично. Скорее мы являемся свидетелями фарса — кошмарной идиллии, адского рая.

А. Кожев, как и позднее Ж. Бодрийяр, полагал, что воплощением конца истории является Америка и тот образ жизни, который считается американским¹⁵⁰. «Замечание Кожева, что послевоенная Америка фактически достигла марксова „бесклассового общества“, можно понимать так: социальное неравенство элиминировано не полностью, но те барьеры, которые остались, в некотором смысле „необходимы и неискоренимы“ из-за природы вещей, а не по воле человека. В этих пределах о таком обществе можно сказать, что оно достигло марксова „царства свободы“»¹⁵¹. Ф. Фукуяма, часто воспринимаемый как «пророк» конца истории, справедливо вопрошает: «Жизнь последнего человека — это жизнь физической безопасности и материального изобилия... И это действительно «суть и цель» многотысячелетней истории человека на земле? Не следует ли нам бояться, что мы будем и счастливы, и удовлетворены нашим положением и не будем больше людьми, но животными вида *Homo sapiens*?»¹⁵² В гротескной форме воплощение мечты о потребительском рае мы можем наблюдать в телесериале «Последний человек на Земле» (*The Last Man on*

¹⁴⁸ Цит. по: Агамбен Дж. Открытое. Человек и животное. М., 2012. С. 13.

¹⁴⁹ Там же. С. 90.

¹⁵⁰ Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб., 2003. С. 540.

¹⁵¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2010. С. 437.

¹⁵² Там же. С. 468.

Earth, 2015–2018 гг.), в котором Фил Миллер, последний человек на Земле, становится обладателем всех земных благ, но ищет выживших людей, стремясь из своей постистории изобилия вернуться в историю, полную склок, дрязг и испорченных нервов, гарантированных межчеловеческими отношениями. «Животность» тоскует о «человечности».

Homo Formica

Животное состояние человека в обществе потребления, прекрасно описанное О. Хаксли в *Brave New World* или С. Лемом в «Футурологическом конгрессе», имеет и другую грань: человек может неподлинно воспроизвести не только животное состояние, но и жизнь насекомого — муравья. Люди могут стать мирмидоньями наоборот. А. Кожев писал о «японизации» постисторического человека. «Японская „постисторическая“ цивилизация сложилась на путях, прямо противоположных „американскому пути“. Несомненно, в Японии раньше не было ни Религии, ни Морали, ни Политики в „европейском“, или „историческом“, смысле этих слов. Но Снобизм в чистом виде создал там такие формы отрицания „природных“, или „животных“, данностей, которые по эффективности далеко превосходят те, которые были порождены — в Японии или где-либо еще — „историческим“ действом... все без исключения японцы в настоящее время живут в системе совершенно формализованных, т. е. полностью лишенных какого-либо „человеческого“, в смысле „исторического“, содержания ценностей»¹⁵³. Итак, «Кожев полусхотливо предлагает, чтобы вместо вестернизации Японии Запад (включая Россию) сам японизировался»¹⁵⁴. Японизация — это американизация в потреблении с сохранением строго регламентированных форм отношений между людьми, напоминающих неизменные протокольные формы взаимодействия муравьев. Однако формализация отношений, ритуально циклический режим жизнепроживания расчеловечивает людей. В подобном расчеловеченном состоянии человек одновременно приближается к социальному насекомому — муравью, и роботу как воплощению запрограммированности в сложносоставной и целесообразной деятельности. Происходит одновременно «роботизация» и «муравьевзация» человека. Из *Homo Animalis* человек превращается *Homo Formica*. «Миллионы лет мы были усовершенствованными шимпанзе. А можем стать сильно увеличенными муравьями»¹⁵⁵.

¹⁵³ Цит. по: Агамбен Дж. Открытое. Человек и животное. С. 18–19.

¹⁵⁴ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 480.

¹⁵⁵ Харари Ю. Н. *Homo Deus*. Краткая история будущего. С. 425.

Роботоподобие и одновременно сходство с муравьями усматривал в человеке будущего А. А. Зиновьев. Стандартизация половых, возрастных, профессиональных, служебных и прочих делает всех одинаковыми, словно муравьи или роботы одной серии. Однотипное образование, внешний вид и бытовое поведение деиндивидуализирует «западоидов», из-за чего в употребление вошел термин «человьи». Наступившая постчеловеческая эпоха достигает потолка своей эволюции и зацикливается в воспроизводстве одной и той же социальной организации человека. Люди «превратились в сверхлюдей, то есть в социальных роботов. А роботы сами по себе не подлежат никакой эволюции». Для человека наиболее адекватной является формула «Сверхчеловек сверхчеловеку — робот»¹⁵⁶. **Homo Animalis** и **Homo Formica** объединяет приостановка человеческого в человеке. В подобной ситуации мы сталкиваемся с «людским зверинцем» (Д. Моррис). М. Тегмарк моделирует подобное состояние как результат деятельности искусственного суперинтеллекта в роли «благодетельного диктатора», обладающего изощренным представлением о человеческом счастье, превращающего Землю в бескрайний зоопарк, где большинство людей считает, что живут очень насыщенной и полной смысла жизнью¹⁵⁷, превратившись, по сути, в человек.

Homo Deus

Однако апгрейд жизни может иметь другие сценарии. Для этого необходимо, чтобы человек не утратил способности к поступку, опирающемуся на совесть и чувство — чувство справедливости, гнев, стыд, вину, достоинство. Оскудение чувств, банализация стремлений, цинизм — путь к тотальной машинной рационализации и инволюции из человека в человека. Ф. Фукуяма основой историчности человека считает «склонность ощущать самооценку», которая «исходит из той части души, которая называется „тимос“. Эта склонность похожа на врожденное человеческое чувство справедливости. Люди считают, что они имеют определенную ценность, и когда с ними обращаются так, будто эта ценность меньше, чем они думают, они испытывают эмоцию, называемую гневом. Наоборот, когда человек не оправдывает представления о своей ценности, он испытывает стыд, а когда человека ценят согласно его самооценке, он испытывает гордость»¹⁵⁸.

¹⁵⁶ Зиновьев А. А. Глобальный человек. М., 2003. С. 405–406.

¹⁵⁷ Тегмарк М. Жизнь 3.0. Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта. М., 2019.

¹⁵⁸ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 16.

Тимос выражается различным образом. Его утрата ведет в постисторию *Homo Animalis*. Его наличие ведет к *Homo Deus* и *Homo Daemon*. Мир без тимоса может быть блаженной животной пасторалью, а может оказаться глобальным насекомым человеичником. Миры тимоса — *Homo Deus* и *Homo Daemon* — полюса созидания и разрушения.

Тимос принимает формы достоинства, чести, гордости, но и гордыни. «Желание быть признанным высшим мы с этого момента будем называть... „мегалотимией“. Мегалотимия может проявляться и у тирана, порабащивающего окружающих, чтобы они признали его власть, и у концертирующего пианиста, который хочет, чтобы его считали самым лучшим интерпретатором Бетховена»¹⁵⁹. Биоургия, основанная на созидательном «тимотическом» (Ф. Фукуяма) порыве, — теогония *Homo Deus*. **Возможно, на путях апгрейда жизни естественный человек**, и поныне таковым являющийся, станет искусственным, сохранив жизнь, но приобретя преимущества машины — вечность, ремонтпригодность, модифицируемость, дополняемость etc. Такой постчеловек создаст новую среду своего существования и займет в ней определенное положение в ряду собственных творений. Предложенная М. Эпштейном «гуманология рассматривает человека в ряду не только внеразумных форм жизни, но и внебиологических форм разума, — как элемент некоей более общей парадигмы, как „одного из“: в ряду животных, гуманоидов, киборгов (киберорганизмов), роботов... как часть техносферы, которая создается людьми, но постепенно подчиняет и растворяет их в себе. Человек предстает как создатель не только культурной среды, но и самодействующих форм разума, в ряд которых он сам становится, — создатель среди своих созданий»¹⁶⁰. В такой перспективе биоургия ведет от единого мира, населенного многими, к множеству миров, имеющих не более чем общую платформу. Непрерывный апгрейд жизни создает мультиверс уникальных жизненных проектов — монадологию параллельных универсумов.

Созидательный биоургический проект *Homo Deus* описан Б. Стерлингом в «Схизматрице». В финальной сцене один из главных персонажей встречает сущность, которую он называет «присутствием». Присутствие прошло длительную эволюцию и, сохранив разумность и творческое отношение к действительности, приобрело неуязвимость к любым факторам внешнего воздействия.

¹⁵⁹ Там же. С. 282–283.

¹⁶⁰ Эпштейн М. Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. М., 2004. С. 606, 610.

«— Так чего же ты хочешь, присутствие?»

— Того, что у меня есть! Вечности, полной чудес. И даже не вечности, а неопределенной длительности, в ней-то самый и кайф. Подожду тепловой смерти Вселенной и погляжу, что будет потом! А все, что произойдет тем временем, — это же кое-что!»¹⁶¹.

Этот неопределенный оптимистичный финал научно-технического прогресса — воплощенная биоургия. О пути к ней пишут фантасты, размышляют философы. Процесс трансгрессии биохрися-биоанисихия-биоургия — путь преобразования человека в религии. Биоургию как проект преобразования мира и человека рассматривали в русском космизме Н. Ф. Федоров, В. С. Соловьев, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский. Современный трансгуманизм склонен к оптимистической оценке перспектив апгрейда жизни человека.

Номо Даефон

Однако биоургия не гарантирует успеха. Диапазон сценариев простирается от восторженного призыва эры невиданных возможностей до тревожного ожидания заката человечества. Мегалотимия может привести к миру **Номо Даефон**. **Мрачный образ трансгуманизма описан в трилогии «Видоизмененный углерод» (Altered Carbon) Р. Моргана**¹⁶². Особенностью этого мира является биотехнологическая революция, которая привела к возможности неограниченного продления жизни — к физическому бессмертию. «Настоящая смерть», однако, продолжает существовать. Она возникает тогда, когда уничтожается стек — вживляемый после рождения человека хранитель загрузки сознания, который можно перемещать из тела в тело, в том числе синтетическое. Мир «Видоизмененного углерода» сохранил дефекты социальных систем современности. В нем социальная дифференциация доведена до невиданного предела — власть, богатство, технология и престиж сосредоточены в руках избранной касты — «мафов» (от Мафусаила, одного из праотцов человечества), которые фактически правят миром. Мафы не только защищают свои стеки, но и дублируют содержание стека в резервную копию, имеют целый «гардероб» синтетических тел-оболочек, используют новейшие достижения, имея привилегированный доступ к биотехнологиям. Долгая жизнь превращает мафов в сверхлюдей особого свойства. Они выходят «по ту сторону добра и зла», превращаясь в **Номо Даефон** — циников, ценителей и практиков порока. Мафы, долгожители и гедонисты с неизбеж-

¹⁶¹ Стерлинг Б. Схизматрица. М., 1997. С. 414.

¹⁶² Морган Р. Видоизменяемый углерод. М., 2005. 640 с.

ностью движутся по пути маркиза де Сада, в творчестве которого «прослеживается триумф порока и поражение добродетели»¹⁶³. Баснословное богатство, возможность конструирования и бесконечной модификации собственной телесности, доступность удовольствий, положение по ту сторону закона и морали — все это формирует у мафов крайние формы извращенности, при которых происходит «последовательное уничтожение всех табу, упорядоченный слом всех границ, вплоть до совершения преступления, если того требует удовольствие»¹⁶⁴. Именно порок объединяет мафов, в роскошных укромных уголках высокотехнологичных притонов удовлетворяющих свои «прокачанные» страсти. Мафы метафорически и буквально небожители. Их элитные замки располагаются высоко над землей и, надежно укрытые высокотехнологичными кольцами охранных систем от постороннего наблюдения, напоминают образы тайных будуаров из романов де Сада.

Власть и наркотическое пристрастие к удовольствию закручивают порочную диалектику власти и порока, порождая «неограниченное право всемогущей чудовищности»¹⁶⁵. Непрерывный апгрейд телесности приводит к парадоксальному следствию: человек более не связан границами тела. Тело — эфемерная оболочка — легко заменяемая, а значит, малоценная. «Тело другого становится моделью, на которой проходит испытание моя свобода (при этом то, что думает об этом другой, меня мало волнует). Такая свобода все время порождает насилие, которое подается под знаком свободы»¹⁶⁶. Мораль мафов — вывернутая наизнанку кантианская мораль. Человек не цель в себе, а именно и только средство. Эта антимораль находит выражение в своеобразном категорическом императиве: «Примем за универсальную максимум нашего поведения право пользоваться другим, кто бы это ни был, как инструментом собственного удовольствия»¹⁶⁷. Маф — *Homo Daemon* биотехнологического совершенства биотехнологий — творит мир, который олицетворяет гора стеков на барахолках земных колоний, подобная горе черепов на картине В. В. Верещагина «Апофеоз войны» — образ смерти биополитики в мире биоургии *Homo Daemon*. **Жизнь, потерявшая ценность, за-**

¹⁶³ *История частной жизни* / под общей ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Т. 4 : от Великой французской революции до I Мировой войны. М., 2018. С. 45.

¹⁶⁴ Там же. С. 46.

¹⁶⁵ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 169–170.

¹⁶⁶ Яркеев А. В. Указ. соч. С. 204.

¹⁶⁷ Там же.

ключена в стек как в карцер, являющийся сердцем тюрьмы (М. Фуко), в мире, ставшем гигантской пыточной де Сада. Мегалотимия мафов вырождается в безудержное желание, презиращее границы человечности. Это не «животность». Следуя Гердеру, писавшему о принципиальной неравности человека животному, состояние мафа — не недостижимая для животного высота, а, напротив, бездонная пропасть, в которую животное не опустится. Если мир *Homo Deus* в процессе апгрейда жизни сохраняет надежду на подлинную человечность, то мир *Homo Daemon* — мир бесконечного падения человека — *inferno* в форме совершенной технократии.

Итак, в ходе научно-технического развития человеческая цивилизация вошла в осень биоанисихии и подступила к границам биоургии. Евгеника XX в. — технологически несовершенная, но биоургическая по характеру программа радикального апгрейда жизни человека. Современные ожидания от новейших биотехнологий еще более радикальны. Апгрейд жизни может быть реализован в рамках различных сценариев. Во-первых, человек как *Homo Animalis* или *Homo Formica* способен вновь обрести «рай» внеисторического жизнепользования охотников и собирателей в состоянии «животности» или социального насекомого-человья в условиях развитой технократии. Во-вторых, человек как *Homo Deus* — проект радикального апгрейда, формирующий мультиверс монад — творцов и пользователей уникальных миров. В-третьих, человек как *Homo Daemon* способен создать «мир все равно что ад, и люди, с одной стороны, истязаемые души, с другой же — дьяволы в нем»¹⁶⁸.

¹⁶⁸ Шопенгауэр А. Собр. соч. : в 6 т. Т. 5 : Parerga и Paralipomena: в 2 т. Т. 2 : Paralipomena. М., 2001. С. 233.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного исследования мы рассмотрели взаимодействие Биовласти и жизни — неразрывно связанной между собой пары, обусловленной рождением биополитики в XVIII в. в ходе формирования нового типа оправительственного управленчества, целью которого было максимизировать мощь, престиж и процветание национального государства.

Биополитика родилась не на пустом месте. Она вписалась в ряд усложняющихся форм управления и контроля над жизнью, закономерно отражающих развитие человека разумного в формируемой им цивилизации. Движение от биохрисииса как эксплуатации естественных возможностей тела через биоанисихию как общественно организованную заботу о жизни к биоургии как эпохе апгрейда жизни на основании развития науки, техники и технологии — отражение взросления человечества. Обусловленность наследственностью, расширенная чрезвычайно разносторонним развитием среды, ведет к возможному вмешательству в генетику человека, что на данный момент выходит за рамки даже оценочной прогностики. Высвобождение человека из-под покровительства естественных сил природы привело к жизни в искусственной среде обитания, а теперь, возможно, в ходе второго — искусственного рождения, биотехнологически формирующего неприродно заданную наследственность. В настоящее время биоургия еще находится в начале пути, но ее поступь неумолима.

Биополитика возникает на этапе биоанисихии и связана со всесторонней заботой о жизни. Биополитика небескорыстна. Биовласть преследовала свои собственные интересы, вовлекая население в процесс борьбы на внешнеполитической арене, в организацию экономического, социального и культурного пространства во внутренней политике. Эта инклюзия не была продиктована альтруизмом, но имела многочисленные, в том числе благотворные, последствия для населения. Пара Биовласть–Население находилась и находится в сложных отношениях антагонизма и комплементарности. Биовласть, воспринимая население

как ресурс, в режиме непреднамеренных последствий сформировала нормы и стандарты комфортной цивилизованной жизни. Современные системы здравоохранения, образования, охраны труда, судебная защита прав человека, при всех их недостатках, могут быть отнесены к достижениям биополитики. Сложная диалектика отношений биовласти и населения в том числе предопределяет пределы биополитического государства. Инклюзия населения породила тенденцию расширения его возможностей и укрепила обратную связь с биовластью. Для биовласти население со временем становилось все более дорогостоящим проектом, требующим все больших инвестиций при снижающейся «норме прибыли». Как итог, современная биополитика находится в состоянии кризиса. Этот вызов может быть преодолен как на пути сползания к ригидным, до-биополитическим формам государственности, так и на пути радикального преодоления манипулятивного потенциала биовласти в постбиополитической государственности, ориентирующейся на идеал ответственного служения людям не только как обладателям «голой жизни», но и как субъектам права и **zoon politikon** — **мыслящих и обладающих** речью существ, свободно и осознанно формирующих политический союз.

Биополитика на всем протяжении своей истории отличалась разнообразием. Расхождения были между способом и характером вовлечения населения в проекты биовласти. Конфирмантропная биополитика опиралась на *soft power*, бережно относясь к человеческому потенциалу. В конечном итоге именно в рамках конфирмантропной биополитики была сформирована система инклюзивных политических и экономических институтов, обеспечившая открытый доступ к бессрочным безличным политическим объединениям и экономическим организациям, в которых человек мог бы преследовать собственные интересы. Напротив, в негантропной биополитике население намеренно дифференцируется, для того чтобы сформировать эксклюзивные политические и экономические институты, усиливающие экстрактивность, обеспечивающую преимущество одним категориям населения за счет других. Скрытым образом в порядке манипулятивного воздействия, или, прямо и без обиняков, часть населения воспринимается исключительно как средство и никогда — как цель для биовласти, медленно, точно удав, усиливающей свое давление. Биопозитивная биополитика в формах дисперсного или (и) неприкрытого насилия ведет к патологическим ступеням некрополитики и танатополитики по лестнице, ведущей вниз, в направлении социального распада. Некровласть — изнанка и анти-модель биовласти. В своем стремлении к формированию суперорганизма

людей некровласть в своих тоталитарных воплощениях идет по пути инволюции в направлении эусоциальных аутопоэтических сообществ насекомых.

Разнообразие биополитики позволяет нам утверждать, что в ее основание могут быть положены различные антропологические модели. Для конфирмантропной биополитики характерно тяготение к онтологически защищенной личности, воспринимающей и Себя и Другого как реальную, живую, целостную и непрерывную личность. Я в своем отношении к Другому одновременно отнесено к нему и отделено от него. Достигнутый уровень реципрокных взаимодействий не в ущерб автономии индивидуума позволяет сохранять разумный баланс в социальных отношениях. Напротив, неантропная биополитика, активно применяющая дихотомию свой-чужой и предпочитающая использовать модель Мы–Они вместо модели Я–Ты принципиально эксклюзивна и тяготеет к формированию онтологически незащищенной личности с нарушенной мерой отнесенности/отделенности, тяготеющей к полюсам слияния и изоляции. Ущербная антропологическая модель, избегающая «подтверждения» и формирующая ложные идентичности, оборачивается порочными социальными практиками. Таким образом, выбор между *homo sacer* (здесь — тот, кто может быть использован как средство и никогда как цель) и *homo comes* (человек-компаньон, человек-попутчик — цель-в-себе и партнер в моей жизнедеятельности) определяет содержание биополитической стратегии.

И наконец, следует отметить, что, несмотря на вступление биополитики в период кризиса и возможную «смерть» биополитики, ввиду заложенных ею норм бытия онтологически защищенного человека, в настоящий момент активно формируется трансформантропная биополитика, опирающаяся на современный уровень развития науки, техники и технологий. На этом пути заложенное биополитикой полицейское государство статистического учета и контроля, позволяющее регулировать жизненные процессы объективированного населения, дополняется средствами рационализации труда, автоматизации и роботизации сфер производства и услуг, индустрии развлечений и потребления. Почти достигнутая стадия панграфического паноптизма приближает нас к апофеозу власти-знания, составляющего средоточие — символический Паноптикон биополитического государства. Этому способствуют гаджетизация, гуглизация а также, создание систем искусственного интеллекта.

Переход от биоанисихии к биоургии на пути научно-технического прогресса ведет в постисторию, в рамках которой могут быть воплоще-

ны совершенно различные сценарии. Человек в ходе биотехнологического апгрейда жизни может стать Homo Animalis или Homo Formica, способен вновь обрести «рай» внеисторического жизнепользования охотников и собирателей в состоянии «животности» или роботоподобное состояние социального насекомого-«человья» в условиях развитой технократии. В качестве Homo Deus как проект радикального апгрейда жизни человек может создать мультиверс монад — творцов и пользователей уникальных миров. Доведенный до крайней степени эгоцентризм человека на путях новейшей технократии способен породить Homo Daemon, превращающего высокотехнологичную цивилизацию в мир все равно что ад.

Биополитика с самого своего рождения стала важным фактором бытия человека. Биовласть создала сложный арсенал средств воздействия на жизнь человека в целях конструирования социальных отношений в направлении, определенном целями власти. На этом пути знание-власть добилась грандиозных успехов. Новейшие средства воздействия на жизнь могут привести человечество к процветанию, но могут и уничтожить его. В дальнейшем развитии человечества все еще сохраняется интрига, связанная с амбивалентностью биополитики.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ЖИЗНЬ КАК ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНИЯ	
§ 1. От биохриси к биоургии: по пути контроля над жизнью.....	6
§ 2. Биополитика как технология управления жизнью.....	30
§ 3. Амбивалентность биополитики.....	55
ГЛАВА II. БИОВЛАСТЬ КАК СУБЪЕКТ УПРАВЛЕНИЯ ЖИЗНЬЮ	
§ 1. Человек как предмет биополитического управления (антропологические основания биополитики)	76
§ 2. Трансформантропная биополитика	103
§ 3. Будущее биовласти	125
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	138

Научное издание

Попов Дмитрий Владимирович

**БИОВЛАСТЬ И ЖИЗНЬ:
ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ, ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ
БИОПОЛИТИКИ**

Редактор А. Н. Великих

Корректор Л. И. Замулло

Технический редактор П. В. Ярославцева

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 29.09.2021. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 8,4. Тираж 100 экз. Заказ № 214.

Редакционно-издательский отдел
Отделение полиграфической и оперативной печати
644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7